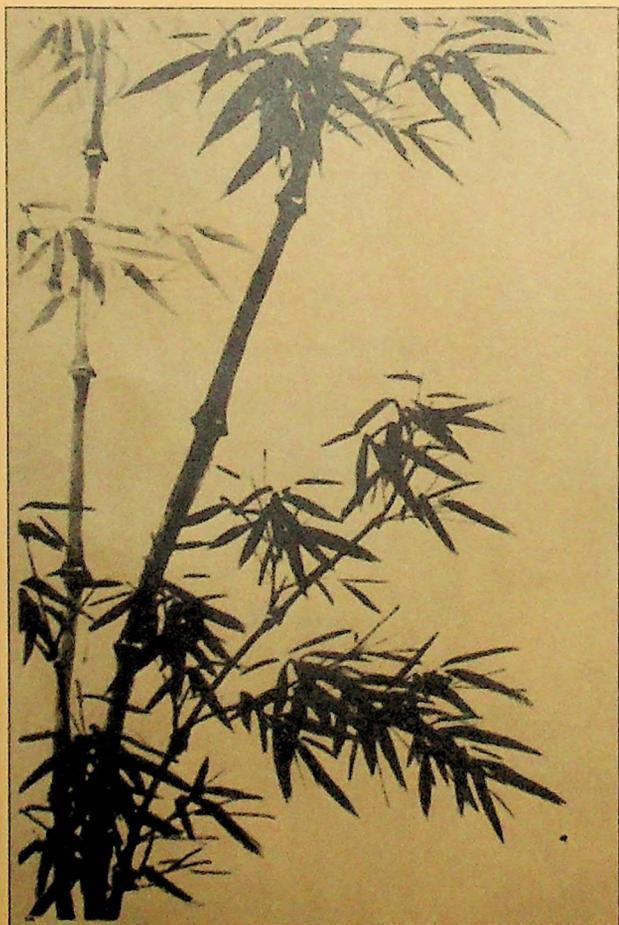

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2012

ISSN 0131-2812

Интересы Китая в БРИКС

●
Взаимодействие России и Вьетнама

●
Российское Китаеведение
в 1990-е годы

●
Современные тенденции в развитии
китайско-российской торговли

●
XIX конференция Европейской
ассоциации Китаеведения

3-й-9кз

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2012

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Издаётся с марта 1972 года

От главного редактора 3

ПОЛИТИКА

- С. Ушаев.* Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире 4
- А. Воронин.* Взаимодействие России и Вьетнама выходит на новый уровень 20
- В. Коньшев, А. Сергушин.* Стратегии стран Восточной Азии в Арктике 35

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- М. Титаренко, А. Ломанов.* Изучение китайской философии и религии в России в 1990-е годы 49
- А. Островский.* Китайская экономическая реформа в новейшей российской историографии (1991–2000) 65
- Д. Смирнов.* Изучение политической системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы 76
- В. Портяков.* Об изучении в России международных отношений и внешней политики КНР (1992–1999 гг.) 89

ЭКОНОМИКА

- Л. Понкратова, Чжао Сунь.* Структурные сдвиги и современные тенденции в развитии торговли Китая с Россией 102

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- В. Малявин, Чэнь Цзявэй.* Демократическая прогрессивная партия: особенности политического строя на Тайване 118

3-й этаж
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РАН

КУЛЬТУРА

О. Завьялова. Путунхуа и диалекты: новые реалии китайского мира 130

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. Борох, С. Горбунова, А. Ломанов, В. Портяков, Н. Самойлов.

XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения в Париже..... 139

Н. Анисимцев. Изучение Японии в КНР в 1990-х – 2000-х гг...... 153

РЕЦЕНЗИИ

В. Кузьминков. Магосаки Укэру. Территориальные проблемы Японии:

Сэнкаку, Такэсима и северные территории 169

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Владиславу Федоровичу Сорокину — 85 лет 174

Александру Георгиевичу Ларину — 80 лет 176

Владимиру Яковлевичу Портякову — 65 лет..... 178

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2012 год..... 180

Contents..... 185

Summary 186

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (*зам. главного редактора*), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*), В.Н. Усов.

От главного редактора

Уважаемые читатели!

Завершается 2012 год. Одним из главных его событий в Восточной Азии — регионе приоритетного внимания нашего журнала — стал XVIII съезд Коммунистической партии Китая, прошедший в первой половине ноября в Пекине. Съезд начал процесс передачи власти от четвертого поколения лидеров КНР их пятому поколению. Как и ожидалось, новым Генеральным секретарем ЦК КПК избран Си Цзиньпин, уже достаточно хорошо известный международной общественности. Предсказуемо вошел в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Кэцян. На следующей сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2013 г. он должен будет возглавить правительство страны. Другими членами Постоянного комитета политбюро ЦК КПК, количественно сокращенного с 9 до 7 человек, стали Чжан Дэцян — секретарь парткома Чунцина, Юй Чжэншэн — секретарь парткома Шанхая, Лю Юньшань, вошедший также в состав Секретариата ЦК КПК, Ван Цишань, избранный одновременно главой Дисциплинарной комиссии ЦК КПК, и Чжан Гаоли — секретарь парткома Тяньцзиня. Весьма радикально обновлено Политбюро ЦК КПК в составе 25 человек. Пожалуй, главной неожиданностью стало то, что Си Цзиньпин одновременно с постом генсека получил и пост главы Военного совета ЦК КПК. Это стало отходом от прошлой практики, когда два эти события разводились по времени. Причины и значение этого события еще предстоит оценить.

В еще большей мере это касается Отчетного доклада ЦК КПК, с которым выступил на съезде Ху Цзиньтао, поправок в Устав ЦК КПК, закрепивших теоретическое наследие лидеров четвертого поколения и, прежде всего, «научную концепцию развития». Предстоит детально изучить социально-экономическую, организационную и внешнеполитическую платформы съезда. Журнал «Проблемы Дальнего Востока» предполагает опубликовать в 2013 г. серию аналитических статей по данной тематике.

Журнал намерен также внимательно отслеживать практическую реализацию того позитивного импульса, который дал развитию восточных регионов России саммит АТЭС во Владивостоке.

Находятся в портфеле редакции или заказаны авторитетным специалистам статьи по актуальным проблемам экономики, внутренней и внешней политике корейских государств, Японии, стран АСЕАН, по эволюции форматов ШОС, РИК, БРИКС.

Продолжим публикацию материалов в рубрике «Российское китаеведение».

Страницы журнала остаются открытыми для читательских откликов, писем, выступлений в рубрике «Дискуссионная трибуна».

С Новым 2013 годом! Всего самого доброго!

Владимир Портяков

Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире

© 2012

С. Уянаев

Неформальное межгосударственное объединение в составе Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, известное как формат БРИКС, стала в последнее время заметным явлением в мировой политике. Ответ на вопрос о перспективах БРИКС во многом зависит от политики Китая — объективного экономического лидера «пятерки», который наращивает и политическое влияние, причем в глобальном масштабе. В статье представлен анализ целей и интересов КНР в формате БРИКС, которые рассматриваются в контексте главных особенностей внутреннего развития КНР, основных мотивов, направлений и форм ее международной стратегии.

Ключевые слова: Китай, БРИКС, глобальная роль, новый миропорядок, практическое сотрудничество.

Цели и интересы КНР, связанные с развитием и перспективами формата БРИКС, определяются рядом базовых факторов. К числу основных из них относятся роль Китая на нынешней мировой экономической и политической арене, а также системные параметры внешнего курса КНР целом. Кроме того, свое влияние на место БРИКС среди приоритетов китайской политики оказывают внутренние факторы, в частности, реализуемая социально-экономическая модель, известная как «социализм с китайской спецификой».

Место КНР в мире: экономическое измерение

За годы осуществления (с 1978 г.) курса «реформ и открытости», суть которого составили масштабное внедрение в экономику элементов рынка и конкуренции, а также широкое привлечение иностранного капитала, Китай добился ряда во многом уникальных достижений, кардинально усилил свои позиции в мире, прежде всего в экономической сфере. В этом смысле «китайский сюжет» является наиболее показательным с точки зрения того главного критерия (опережающие темпы экономического развития), который

в 2001–2003 гг. был положен в основу выделения «четверки» наиболее динамичных экономик в отдельную категорию и послужил, таким образом, толчком к появлению самого термина **БРИК** (с 2010 г. — **БРИКС**).

Китаю удалось на протяжении небывало длительного срока поддерживать высокие темпы развития: за 1980–2011 гг. среднегодовой прирост ВВП КНР составил порядка 9,7–9,8% — втрое выше среднемирового показателя, результатом стало (согласно данным официальной китайской статистики) увеличение абсолютного объема экономики Китая почти в 22,5 раза. (другие экономики **БРИКС** — Бразилии, Индии и ЮАР, выросли за это время гораздо скромнее)¹.

В 6 раз в эти годы возросла доля ВВП КНР в мировой экономике — с 1,9% до 10,5% (по данным МВФ в долларах США по текущему курсу). С 2010 г. КНР является второй по абсолютным объемам экономикой мира. Планами предусматривается такой уровень темпов развития, который обеспечивал бы рост не только количественных, но и качественных параметров экономики. был бы достаточен для реализации задач так называемого «третьего этапа модернизации» КНР (2000–2050 гг.) с конечной целью — выходом Китая «на уровень наиболее передовых стран».

В период 1980–2011 гг., согласно китайской официальной статистике, в 16 раз вырос и показатель ВВП на душу населения (ныне, по данным МВФ — порядка 5400 долл.). Прогнозируется, что к 2040 г. (на 10 лет ранее намеченных планами сроков) Китаю удастся «обогнать среднемировые показатели», перешагнув планку в 20 тыс. долл. подушевого ВВП. Пока даже по абсолютному объему ВВП КНР Китай все еще почти вдвое отстает от США (в расчете на душу населения — в 8 раз). Но по ряду прогнозов объемы двух экономик могут сравняться уже к 2027 г. (в расчете ВВП по ППС — к 2017 г.).

Годовой оборот внешней торговли КНР в 1978–2011 гг. возрос с 20,6 до 3642,1 млрд долл.² Ныне КНР — мировой лидер по объему экспорта (10,34% мирового показателя в 2010 г.), второй в мире импортер (9,03%). Кроме того, страна располагает крупнейшими золотовалютными резервами (ЗВР), объем которых (3 236 млрд долл. на начало 2012 г.) втрое больше чем у Японии, которая следует второй в соответствующем мировом списке³.

Исходя из этих данных, Китай является абсолютным «макроэкономическим лидером» БРИКС. На его долю по итогам 2011 г. приходилось свыше 55% совокупного ВВП «пятерки», более 62% ее суммарного экспорта и около 73% совокупных ЗВР стран **БРИКС**. В целом Китай продолжает сохранять и более высокие темпы экономического развития.

К началу нынешнего столетия КНР обрела статус «мировой фабрики» — комплекса, в котором сырьевые и энергетические отрасли сочетаются с производством средств производства, широкого ассортимента потребительских товаров, оборонной техники, электроники, средств коммуникации. Страна вышла на первое место по выплавке стали, алюминия, меди, добыче угля, сборке автомобилей и телевизоров, по производству судов и еще более 200 видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Признанным фактором достижений КНР является привлечение инвестиций. В 2000-е гг. на долю Китая ежегодно приходилось в среднем 6–8% мирового притока иностранного капитала, что превышало показатели большинства европейских стран. Подсчитано, что из 500 крупнейших ТНК мира 490 осуществили инвестирование в Китае. Но ныне из «фабрики товаров» Китай сам превратился в заметную «фабрику капиталов». К концу 2011 г. инвесторы из КНР учредили в 178 странах и регионах мира порядка 18 000 предприятий. Суммарный объем китайских капиталовложений в нефинансовый сек-

тор за границей (прямые инвестиции) достиг 322 млрд долл. А совокупные активы китайских компаний за рубежом превысили 1,5 трлн долл.⁴

Китай занимает все более активную позицию на мировой экономической арене в целом: инициативно действует в тех или иных многосторонних форматах, продвигает идею постепенной «интернационализации юаня» — от расчетов в двусторонних операциях до полновесного включения в «обойму» мировых резервных валют.

Неоспоримые успехи в развитии КНР имеют, однако, и обратную сторону. Своего рода платой за темпы роста, стало, в частности, обострение энергетических (КНР с конца 2000-х гг. вынуждена завозить уже большую часть потребляемой нефти), а также экологических (загрязнение воздуха и водоемов, опустынивание и т.п.) проблем. Внутренние императивы практикуемой модели актуализировали такие вызовы, как риски «перегрева экономики», необходимость (т.ч. под воздействием глобального кризиса) ее переориентации с экспортных операций на расширение внутреннего спроса, потребность в повышении «качества» роста экономики и усилении ее социальной ориентации. Не исчезла задача ликвидации так называемых «пяти разрывов» (между бедными и богатыми слоями населения, передовыми и отсталыми провинциями, городскими и сельскими жителями и т.д.). По-прежнему остра проблема преодоления своего рода «шпагата» между рыночным экономическим базисом и нерыночной политической надстройкой во главе с КПК⁵.

За уже достаточно продолжительные годы реформ руководству КНР удавалось достаточно адекватно отвечать на возникавшие вызовы. Как достойно встретить вызовы сегодняшнего дня, в том числе связанные с задачей сохранения оптимальных темпов экономического роста — ответ на этот вопрос в КНР во многом связывают с решениями состоявшегося в конце 2012 г. очередного съезда КПК.

Важные для будущего БРИКС перспективы развития экономики КНР и китайского общества привлекают внимание и с точки зрения существа практикуемой социально-экономической модели. Модель «социализма с китайской спецификой» (с высокой долей государства в экономике, де-факто существующей однопартийностью и т.п.) контрастирует (по крайней мере, на концептуальном уровне) с «либеральными» принципами организации в других странах БРИКС, прежде всего в Индии и Бразилии. Не вдаваясь в дискуссии относительно политэкономического существа китайской модели — «социализм в начальной стадии» или «конфуцианский капитализм» — нельзя не видеть, что объективно она являет собой попытку *альтернативы традиционному западному либеральному варианту развития*. Причем попытку, которая пока отстаивает свое право на существование. Неслучайно в мире нередко говорят о так называемом «Пекинском консенсусе». Как новая формула развития он стал объективным противовесом «Вашингтонскому консенсусу», который, как известно, был в конце 1980-х гг. объявлен «правильным» рецептом для развивающихся стран и государств Восточной Европы, однако в целом ряде случаев оказался неудачным.

Видимо, пока бессмысленно говорить о правильности одного или другого варианта, ответы даст конкретная практика. Важно другое — обратить внимание на реально существующие и «работающие» элементы китайской модели, учитывать их при налаживании тех или иных направлений многостороннего и двустороннего взаимодействия в БРИКС.

В числе таких элементов — инвестиционные (а не монетаристские) принципы с ориентацией на высокие темпы роста и норму накопления; господдержка малого и среднего бизнеса (МСБ); формирование привлекательного инвестиционного климата; стрем-

ление к инновациям и экспериментам (специальные экономические зоны); освоение высоких технологий, а также такие черты «китайского социализма», как вторичность политического реформирования перед экономическим и отказ от абсолютизации «классовой борьбы и антагонизма между трудом и капиталом».

Роль в мировой политике, цели и формы деятельности

Китай рассматривает экономический рост в тесной увязке с повышением своей комплексной мощи, включая политическое и военно-политическое влияние. Официальной базовой целью внешней политики КНР в Пекине называют *создание благоприятной внешней обстановки для курса «открытости и реформ», для превращения Китая в современное государство с развитой экономикой, высокими стандартами жизни населения*⁶. Стратегия решения этой задачи структурирована поэтапно. Вариантами формулировок данной цели являются также «превращение Китая в современное государство», «всестороннее построение среднезажиточного общества», «великое возрождение нации» (упомянутое, в том числе, в материалах XVIII съезда КПК)⁷. В КНР, как есть основания полагать, в любом случае имеют в виду выход Китая к середине нынешнего столетия на самые передовые мировые рубежи, достижение полноценного «статуса мировой державы»⁸. Пекин неизменно подчеркивает *«мирный характер подъема» КНР и целей ее внешней политики, а также отсутствие претензий на мировое лидерство*⁹. Главной непосредственной задачей в КНР называют «великое дело объединения Родины» — возврат Тайваня под флаг континентального правительства.

Иными словами, являясь постоянным членом Совбеза ООН и членом мирового «ядерного клуба», КНР в последние десятилетия параллельно с экономическим ростом неизменно наращивает и внешнеполитическую активность. Страна играет все более заметную роль практически во всех глобальных (ООН, «G-20», гостевой формат «G-8»), межрегиональных (АСЕМ, БРИКС, диалог Китай—ЕС, Китай—Африка и т.п.) и многих региональных (прежде всего в Азии и АТР) организациях и форматах сотрудничества. Для обоснования растущей активности модернизируются теоретические установки, в том числе уходящие корнями в древнекитайскую дипломатию: традиционную для КНР последних десятилетий «сдержанность» и постулат «не выпячиваться» предлагается сочетать с задачей широко «осваивать внешнее пространство для развития». Укрепляется военно-стратегический потенциал, включая усилия по высокосовременной модернизации армии и обеспечению «океанских возможностей» (иными словами, в глобальном масштабе) для ВМФ КНР¹⁰. Китай с его самой многочисленной армией в мире находится на втором месте по официальным размерам военного бюджета, в 5–6 раз отставая, однако от США¹¹. Однако, с точки зрения перспектив (и, прежде всего, на фоне «догоняющей стратегии» КНР), показателен факт, что, по некоторым источникам, обе страны имеют сопоставимые показатели по доле военных расходов в объеме экономики¹².

В противовес «тенденциям одностороннего диктата» на мировой арене китайские руководители говорят о задаче построения основанного на многополярности (полицентричности) нового справедливого миропорядка, в связи с чем подчеркивают центральную роль универсальных структур, прежде всего ООН, необходимость уважения принципов суверенитета и самостоятельности государств. Пекин декларирует приверженность конструктивному и мирному решению мировых и региональных проблем, включая урегулирование в «горячих точках» и адекватное реагирование на новые угрозы и вызовы, демонстрирует гибкость и осмотрительность, *избегая прямых столкновений и*

конфронтации с теми или иными субъектами международной политики, в частности, с США и другими странами Запада.

В стремлении снизить обеспокоенность в мире по поводу глобальных последствий китайского роста руководство КНР в дополнение к декларациям о сугубо «мирных» целях развития в последние годы продвигает концепцию «гармонизации международных отношений» (китайский вариант идеи справедливого миропорядка) и «совместного развития». Большое внимание уделяется при этом практическому инструментарию, в том числе средствам «мягкой мощи» — экономическим (почти в 190 странах и «районах»), гуманитарным, информационным и другим проектам: от создания зон свободной торговли и до организации многочисленных институтов Конфуция.

По проблематике двусторонних отношений (на официальном уровне КНР поддерживает их более чем со 170 странами) в документах по внешней политике выделяются (порой в меняющейся последовательности) связи с тремя группами стран — соседними, крупными (развитыми), развивающимися. Отношения с первой группой (КНР непосредственно граничит с 14 государствами) в Пекине называют особенно важными для создания «мирного окружения». Среди «крупных стран» выделяются США. Китайско-американские отношения в Пекине часто определяют как одни «из самых важных и динамичных межгосударственных связей в мире», причем де-факто они сочетают растущую экономическую взаимозависимость и сотрудничество с весьма жесткой порой конкуренцией и спорами: в данной группе отдельно, как правило, отмечаются также связи с Россией, ЕС, Японией и, как правило, с Индией. Наконец, неизменным (на протяжении всей истории КНР) приоритетом остаются связи с третьей по счету группой — «развивающимися странами», к которым КНР причисляет и себя, укрепляя с ними «солидарность и сотрудничество». Общей линией для всех стран является продвижение системы партнерских отношений, которые в конкретных случаях могут иметь разные формулы и смысловое наполнение («отношения сотрудничества и партнерства», «конструктивное партнерство», «стратегическое партнерство», «конструктивное партнерство», «всеобъемлющее стратегическое партнерство» и т.д.)¹³.

Добившись, таким образом, немалого усиления своей роли на мировой экономической и политической арене, Китай продолжает курс на дальнейший подъем и развитие. По некоторым позициям, прежде всего в экономике, КНР уже сегодня причисляется международными экспертами к державам глобального порядка. При этом в самом Китае сегодняшний уровень рассматривается как один из этапов в решении задачи выхода на «передовые позиции». Дальнейшее продвижение Пекин видит как путь, связанный с необходимостью ответов на ряд специфических вызовов. Как подчеркивают правительственные эксперты, в экономике это, к примеру, необходимость обеспечения доступа к мировым энергоресурсам и недопущение «нефтяного голода», задача защиты от давления на юань и требований Запада по «либерализации» внутрикитайского финансового рынка; в политике эти вызовы, по мнению тех же экспертов, граничат с «рисками». Причем ряд из них находится, в частности, в сфере отношений с США. Речь идет, в частности, о «возможной ловушке для Китая» в виде тезиса о его «международной ответственности», о дефиците военно-политического доверия и связанном с этим американском «прессинге», о проблеме Тайваня и т.д.¹⁴ Предметом повышенного беспокойства КНР в последнее время стала также обострившаяся проблема территориального размежевания в Южно-Китайском море.

БРИКС: место в системе приоритетов, целей и инструментов политики

В современных условиях место и роль КНР на мировой экономической и политической арене, глобально-региональные цели Китая в среднесрочной и долгосрочной перспективе, в том числе в экономике (продолжение роста, выход на уровень передовых стран) и политике (роль мощного центра в системе нового многополярного миропорядка), принципы (сочетание «сдержанности» и «активности») и конкретные формы (многосторонние и двусторонние форматы, инструменты «мягкой мощи») реализации данных целей — все это позволяет более четко представлять особенности политики Китая по отношению к БРИКС. Выраженные в декларациях китайского руководства и в ряде оценок близких к нему экспертных кругов КНР интересы, цели, формы этой политики структурируются следующим образом.

БРИКС, как считают в Пекине, является *конструктивным фактором формирования «мировой архитектуры»*, которая, напомним, представляется китайскому руководству как архитектура «нового справедливого и рационального миропорядка». Официальную позицию дополняют оценки авторитетных экспертных центров, согласно которым функционирование БРИКС отвечает интересам КНР, поскольку способствует созданию благоприятных глобальных условий для дальнейшего развития страны, расширяет Китаю «пространство для маневра» (дает странам «пятерки» возможность «повысить или восстановить статус в качестве мировой державы») ¹⁵. Очевидно, что «мировую архитектуру» в Пекине видят как комплекс и *экономических*, и *политических* элементов. В частности, неоднократные призывы Пекина к странам-партнерам уделять внимание вопросам безопасности, укреплять «сотрудничество по важным региональным и международным делам и углублять взаимодействие по всем направлениям» ¹⁶ — свидетельство внимания Китая к политической составляющей в БРИКС. Близкие к правительству эксперты подчеркивают эту мысль еще четче, видя «опору БРИКС» не только в экономической кооперации, но и «в стратегической координации по проблемам политики и безопасности» ¹⁷. Так (с позиций интересов КНР и участия страны в данном формате) в Китае видят *первую* цель, рассматривают ее как своего рода *стратегию БРИКС*.

Сегодняшние *тактические* цели «пятерки» китайские руководители представляют в «содействии более сбалансированному развитию мировой экономики», в повышении эффективности *глобального управления*, в поэтапной «рационализации», таким образом, *международных отношений*. Для реализации этих задач Китай призывает партнеров по БРИКС:

– содействовать реформам *международной финансовой системы*, прежде всего МВФ и ВБ, с тем, чтобы право голоса и соответствующие квоты в них соответствовали нынешнему месту экономических субъектов в изменившейся структуре мировой экономики; предпринимать меры по повышению эффективности международного механизма финансового контроля;

– продвигать «перебалансировку», совершенствование *международной валютной системы*, включая упорядочение эмиссии, постепенное движение к диверсификации корзины резервных валют; налаживать использование национальных валют в экономических операциях между странами БРИКС ¹⁸;

– в целях улучшения глобального управления *использовать возможности Группы двадцати* и других механизмов, для чего усиливать в них взаимодействие и координацию между странами «пятерки» ¹⁹; особое значение Китай придает усилению координации стран БРИКС в G-20 при решении вопросов *глобальной экономики* — как

общего характера (обеспечение устойчивого развития), так и имеющих конкретную направленность (валютные режимы, ограниченное резких ценовых колебаний на важные товары и т.д.)²⁰;

– уделять внимание решению таких мировых проблем, как изменение *климата*, безопасность в сфере *продовольствия*, обеспеченность *энергетическими ресурсами* и общественное *здравоохранение*.

В осуществлении обозначенных целей, включая совершенствование глобальной экономики и валютно-финансовой системы, упор делается *на защиту и продвижение интересов (экономических и иных) развивающихся стран*, в т.ч. стран с формирующейся экономикой — путем развития диалога по линиям Юг—Север, Юг—Юг, осуществления Целей развития тысячелетия ООН, выполнения мандата Дохинского раунда переговоров ВТО, недопущения протекционизма и т.п.

В Пекине *поощряют институциональное становление* БРИКС как неформализованной диалоговой структуры, имея в виду *создание многосторонних площадок отраслевого сотрудничества стран-участниц*. В таком подходе отражается *вторая* (помимо «формирования архитектуры мира») из двух главных целей КНР в БРИКС — *сотрудничество участников в «практически значимых сферах»*, которое, по заявлениям официального Пекина, является «опорой» взаимодействия в БРИКС. При этом эксперты КНР указывают на базовую экономическую взаимодополняемость между странами БРИКС и сравнительные преимущества каждой из них. Среди таковых они видят «обрабатывающую промышленность Китая, энергетическую индустрию России, минеральную индустрию Бразилии и информационные технологии Индии»²¹. Правда, как оговариваются эксперты, имеющиеся возможности еще только предстоит реализовать. Более того, между странами БРИКС «существует конкуренция (например, между Китаем, Бразилией и Индией на рынках сбыта товаров, между РФ и Бразилией — на сырьевых рынках)». Но данное обстоятельство, по мнению аналитиков КНР, лишь актуализирует необходимость «углубления сотрудничества»²². Добавим, что официальный Пекин отметил как важный шаг начало работы в формате БРИКС в таких областях, как финансы, торговля, промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство, статистика, наука и техника, деятельность академических («мозговых») центров. Подчеркивается значимость продвижения по новым направлениям, в т.ч. намеченным на саммите 2012 г. в Дели.

Придерживаясь тезиса «через многосторонние форматы — к укреплению двусторонних связей», китайские руководители и экспертное сообщество КНР видят в БРИКС катализатор развития *двусторонних отношений КНР* с другими участниками «пятерки». Примерами внимания к данному направлению являются интенсивные двусторонние контакты руководства КНР на полях саммитов БРИКС. В поле повышенного внимания политиков и экспертов Китая находится двусторонняя торговля между странами БРИКС: суммарно она увеличивалась в последнее время ежегодно почти на 30%, достигнув к концу 2000-х гг. почти четверти трлн долл.²³ Надо полагать, что дополнительным импульсом для Пекина служит возможность развивать отношения с членами «пятерки» как авторитетными региональными лидерами. Неслучайно, отношения, к примеру, с ЮАР Пекин откровенно характеризует как фактор содействия «развитию отношений Китая со всей Африкой».

Наконец, руководители Китая неизменно подчеркивают, что сотрудничество и «совместное развитие» со странами БРИКС, является *внешнеполитическим приоритетом Китая*. БРИКС, согласно таким оценкам, имеет богатый потенциал и хорошие перспективы, и КНР намерена активно и «неуклонно» продвигать взаимодействие в

данном формате²⁴. Важность взаимодействия в БРИКС подчеркнута и в материалах XVIII съезда КПК.

Так, в основном, выглядят цели и методы политики КНР в формате БРИКС, содержащиеся в официальных документах и материалах правительственных экспертных центров. Отметим, что с данными оценками в своих интерпретациях солидаризируется и абсолютное большинство экспертного сообщества КНР в целом, где лишь изредка наблюдаются элементы «скептицизма» в отношении БРИКС²⁵.

Официальные декларации и базовые интересы

Есть немало оснований полагать, что приведенные общие положения, в частности, тезис о «приоритетности БРИКС», имеют неслучайный характер: и с точки зрения базовых международных интересов КНР, и с позиций поведенческих постулатов политики Китая на внешней арене формат БРИКС весьма органично (если не идеально) вписывается в их дух и даже «букву».

Во-первых, главные цели БРИКС (в том виде, в каком они сформированы и зафиксированы в документах по итогам саммитов («создание более равноправного мира», «развитие в условиях многополярности», продвижение «многосторонней дипломатии» и т.д.)²⁶ полностью созвучны китайским представлениям о новом справедливом, рациональном многополярном миропорядке, который де-факто стал бы альтернативой системе, основанной на руководстве Запада. В глазах ряда видных китайских экспертов БРИКС представляется своего рода «эффективным коллективным проводником», «катализатором» процессов, отвечающих нынешним и перспективным внешнеполитическим и внешнеэкономическим интересам КНР. Кроме того, заметим, что китайские руководители называют БРИКС «новой моделью глобального экономического сотрудничества», отмечают, что каждая из стран-участниц «на практике нашла свой путь развития», причем это «является общим достоянием человечества»; в Пекине выделяют «уважение и обмен опытом избранных путей и моделей развития» как одно из важных направлений деятельности в БРИКС²⁷. Эксперты КНР подчеркивают при этом, что все страны БРИКС «не являются государствами Запада».

Иными словами, на путях сотрудничества в БРИКС Пекин вполне может усматривать для себя дополнительные «козыри»: возможность усилить позиции «китайского пути» в «споре» с либеральной «западной моделью» и подкрепить один из базовых тезисов своей международной политики — принцип «права на выбор» пути развития.

Во-вторых, само становление взаимодействия в БРИКС оказалось для Китая весьма «ко времени», поскольку совпало с периодом внутреннего поиска для непрерывно растущей страны более активного (и оптимального) международного поведенческого алгоритма, а также с попытками формулирования адекватного тому теоретического обоснования. Действительно, ближе к концу 2000-х гг. руководство КНР стало все чаще говорить о задаче более действенного, чем ранее, «участия в международных делах» и «освоения внешнего пространства». Одновременно в экспертном сообществе проявилось желание «несколько по-новому взглянуть» на лежащие в основе китайской политики и восходящие к древним стратегемам постулаты «отца китайских реформ» Дэн Сяопина, которые трактуются как «диалектический» баланс двух принципов — традиционного «самоограничения, сдержанности» (taoguang yanghui) и «некоторых стоящих действий» (youxiao zuowei)²⁸. При этом проводилась мысль, что стратегия 1990-х, когда преобладало «самоограничение» (часто трактуемое как призыв «не высываться»), а «некоторые действия» носили тактический, подчиненный характер, уже не всегда приносит

должный эффект. Поэтому, по этим воззрениям, приоритет должен быть отдан «действенной» стороне, что не означает, однако, утраты значения «самоограничения»: оно проявляется в том, чтобы определить «важность вопроса, выбрать нужный момент и наиболее эффективный способ действий в соответствии с собственными силами». Итоговый рецепт новаций состоит в продвижении модели «активного участника», который «предпринимает стоящие действия», но которому по-прежнему следует соблюдать «заветы Дэна», не стоит непременно «что-либо возглавлять» и следует, как и раньше, по возможности «не выпячиваться»²⁹. Для реализации такой «модернизированной» прагматичной стратегии — своего рода «активности из тени — весьма «удобным» объективно выглядит возникший формат БРИКС — структура взаимодействия крупных стран с «формируемыми рынками», где продвигаются сходные с Китаем интересы, а роль «знаменосца» не выглядит акцентированной. Как абсолютно откровенно говорят китайские эксперты, с появлением объединения «растущих стран», рост Китая становится «меньшим раздражителем для остального мира»³⁰.

Хорошей иллюстрацией такого похода может служить детализированная позиция по задаче (тактической в своей сути) повышения эффективности глобального управления. Правительственные эксперты КНР подчеркивают, что речь здесь «идет не об исключении участия или замене государств Запада», не о «революционных переменах», а о том, что страны с формирующейся экономикой (и прежде всего их «авангард в лице БРИКС») «постепенно реформируют старую систему», действуя в рамках ее нынешних условий. При этом, однако, вовсе не ставится под сомнение, что в итоге, через определенное, пусть и продолжительное время, эти страны «неизбежно добьются большего голоса и влияния, будут обладать большей решающей силой»³¹. Склонность к осторожным, не конфронтационным шагам в реформировании глобальных институтов видна и на примере позиции по созданию Банка развития БРИКС: в Китае настоятельно подчеркивают, что он не является альтернативой МВФ и Всемирному Банку³².

Похожий характер носит третий тезис. Формат БРИКС с высокой долей проблематики развивающихся стран в его складывающейся повестке (диалоги Севр—Юг, Юг—Юг, задача «усилить голос развивающихся стран в мировых делах» т.п.) опять-таки хорошо сочетается с основными направлениями и задачами китайской политики, прежде всего с местом и ролью, которые отводятся в ней этой группе государств. Несмотря на серьезные экономические и другие достижения, Китай упорно причисляет себя именно к развивающимся странам. И сегодня КНР делает это не менее настойчиво, чем раньше, причем фокусирует внимание прежде всего на иностранной аудитории, делает акцент на своем позиционировании в качестве выразителя и активного защитника интересов развивающихся стран, моста «между развивающимися и крупными странами», одновременно применяя в последнее время термин «ответственное государство»³³.

Объяснения такой позиции могут состоять в том, что она, с одной стороны, с учетом растущей роли развивающихся стран объективно способствует усилению международных позиций КНР, а с другой — позволяет добиваться дополнительной политической преференции в виде возможности по-прежнему «не высовываться» и избегать тем самым «излишней международной ответственности»³⁴.

Вряд ли случайно, что с появлением БРИКС Китай стал более акцентировано выделять среди развивающихся государств авторитетную группу стран с «формируемыми экономиками». *В этом контексте можно сказать, что в опоре на формат БРИКС Пекину видятся новые (и более действенные) инструменты для дальнейшего усиления своего влияния в развивающемся мире. Сами же развивающиеся страны издав-*

на рассматривались как важное направление (и некий «трамплин») в реализации системных внешнеполитических целей КНР, в том числе в разного рода спорах (климат, права человека и т.п.) со странами традиционного Запада³⁵.

Таким образом, в Китае, с одной стороны, настойчиво подчеркивают значение БРИКС как «защитника экономических и иных интересов» всех развивающихся стран, как «моста сотрудничества между Севером и Югом», «баланса между США и третьим миром»³⁶, с другой — напоминают, что «самой крупной развивающейся страной и государством с поднимающимся рынком, крупнейшей экономической структурой» БРИКС, а следовательно, надо понимать, и ведущей силой в «пятерке» является именно КНР³⁷.

Понятно, что активность КНР в развивающемся мире, в том числе в странах с формирующимися рынками, часто воспринимается неоднозначно — возникают дискуссии о некоем «новом колониализме» и стремлении «потеснить любых конкурентов в борьбе за ресурсы». В этой связи отдельной строкой может быть прописана еще одна из заинтересованностей КНР в БРИКС — видение взаимодействия в «пятерке» как возможности урегулирования тех или иных разногласий между Китаем с одной стороны, и другими странами БРИКС, развивающимся миром — с другой³⁸.

В комплексе все из обозначенных ресурсных возможностей, связанных с БРИКС («справедливая» мировая архитектура, активная политика «без излишней ответственности», «рост веса» в развивающемся мире, выгоды от сотрудничества с экономиками других стран БРИКС), рассматриваются китайским руководством как шанс усилить позиции в диалоге с другими крупными игроками, прежде всего с США и Западом. При этом речь идет о возможностях повысить глобальную конкурентоспособность, в том числе в поиске оптимальных ответов на системные вызовы для дальнейшего подъема страны, связанные, в частности, с доступом к мировым энергоресурсам и сырью, защитой национальной валюты и т.п.

Двусторонние отношения КНР со странами «пятерки»

Четыре линии отношений Китая с участниками «пятерки» — тема, достойная хотя бы краткого отдельного упоминания. Тем более, что как отмечено выше, двусторонние связи являются одной из самостоятельных целей КНР в формате «пятерки». Повышенное внимание Пекина к данному направлению видится неслучайным: здесь хорошо понимают значение крепких двусторонних отношений в качестве «несущей конструкции» БРИКС в целом, важность учета имеющихся в этой части проблем.

Официальный Пекин достаточно высоко оценивает отношения с каждой из стран БРИКС, отмечая, что во всех четырех случаях речь идет о стратегическом партнерстве, динамичном развитии в последние годы торгово-экономических отношений. В контексте базовых целей БРИКС у Китая имеется заметное сходство с позициями каждого из партнеров.

Так, высокая степень совпадения присутствует во взглядах КНР и РФ. И РФ, и Китай, развивающие отношения «всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия»³⁹, согласованно рассматривают БРИКС (и свое взаимодействие в этом формате) как:

– инструмент для общего усиления своих международных позиций (в том числе в диалоге со странами традиционного Запада), для стимулирования строительства нового полицентричного *миропорядка*, в котором и РФ и КНР рассчитывают занять достойное, с точки зрения каждой из них, место⁴⁰;

– механизм формирования новых, более выгодных для КНР и РФ «правил игры» конкретно на глобальном экономическом поле;

– возможность углубления и расширения двусторонних и многосторонних проектов с другими странами пятерки, в том числе путем использования взаимодополняемости в сфере экономического взаимодействия.

Тема БРИКС неизменно присутствует в китайско-индийской повестке. О задаче дальнейшего развития двустороннего взаимодействия в «пятерке» и других важных форматах шла речь между Председателем КНР и Премьер-министром Индии на полях саммита БРИКС в Дели (март 2012 г.). Обе страны как два крупных и находящихся на траектории одновременного подъема соседних государства стремятся прагматично расширять сотрудничество во многих сферах. Показателен результат в одной лишь области китайско-индийской торговли — за 2001–2011 гг. она выросла более чем в 20 раз (с 3,6 до 73,9 млрд долл.)⁴¹.

Бразилию китайские руководители выделяют как одну из первых развивающихся стран, установившую стратегическое партнерство с КНР (1993 г.). По обоюдным официальным оценкам, стороны поддерживают активный диалог на высшем и других уровнях, который ныне вошел «в новую фазу всестороннего, ускоренного и глубокого развития». Реализуя два базовых документа — «План совместных действий» и «Программу экономического и гуманитарного сотрудничества на 10 лет» — две страны результативно сотрудничают по двусторонним и глобальным вопросам. Бразилия — крупнейший торговый партнер Китая в Латинской Америке и второй после РФ среди стран БРИКС — около 80 млрд долл.⁴²

Менее чем за полтора десятилетия официальных дипломатических отношений существенно продвинулись связи Китая и ЮАР. В подписанной в августе 2010 г. в ходе визита президента ЮАР в КНР Пекинской декларации стороны объявили о начале этапа всестороннего стратегического партнерства. Важность для КНР отношений с ЮАР отразило и такое сравнительно новое для китайской дипломатической (воснодипломатической) практики явление, как «демонстрация флага» в ходе визита в Дурбан в апреле 2011 г. кораблей ВМФ КНР. Китай является крупнейшим торговым партнером ЮАР, объем их двусторонней торговли достиг 45,4 млрд долл. США⁴³.

Совпадения и расхождения позиций, возможности их согласования

Как и в случае с Россией, между КНР и остальными участниками БРИКС имеется сходство взглядов по поводу основных целей и направлений сотрудничества в «пятерке». Это такие задачи, как построение «более справедливого» полицентричного миропорядка, неприятие политики одностороннего диктата, сбалансированное развитие мировой экономики, реформа глобального управления, практическое сотрудничество по широкому спектру направлений и дальнейшая институционализация данного формата.

Однако как в двусторонних отношениях, так и во взглядах на ряд вопросов функционирования БРИКС между КНР и ее партнерами по «пятерке» есть и заметные расхождения, нерешенные вопросы, а порой (по линии КНР — Индия) и достаточно сложные проблемы.

С Россией таких вопросов внешне меньше, но и здесь пока не идеален уровень стратегического доверия (партнеры внимательно наблюдают за диалогом друг друга с Западом, еще живы стереотипы противостояния 1960–1980 гг., в КНР порой занижается значение России, а в РФ говорят о «китайской угрозе»). Не все гладко в торгово-экономических отношениях КНР и РФ (неудовлетворительная для России структура тор-

говли, низкий уровень инвестиций и т.д.). С точки зрения особенностей во взглядах на повестку дня БРИКС, очевидно, что для России, скажем, не столь актуальна проблематика развивающихся стран, в продвижении которой заинтересован Китай.

Одним из спорных моментов китайско-бразильских отношений могут служить разногласия по поводу «заниженной» курсовой стоимости юаня, что, по мнению бразильской стороны, делает ее товары менее конкурентоспособными⁴⁴.

Сложнее китайско-индийские разногласия. Их причины находятся как в плоскости исторически нерешенных вопросов (погранично-территориальный, тибетский), так и в сфере современных проблем, прежде всего в конкуренции геополитического характера, которая стала по-своему неизбежной в ходе одновременного подъема двух крупных азиатских государств-соседей. Придерживаясь в целом совместимых взглядов на необходимость построения глобального полицентричного миропорядка, стороны явно расходятся в оценках роли каждой из них на региональном уровне, прежде всего в Азии и бассейне Индийского океана. Кроме того, в Дели с подозрительностью следят за развитием связей КНР с главным региональным оппонентом Индии — Пакистаном. Пекин, в свою очередь, озабочен усилением американо-индийского сотрудничества, в котором усматривает планы «сдерживания» Китая. В экономической сфере Индия недовольна своим дефицитом в двусторонней торговле, Китай — отказом Дели предоставить КНР статус страны с рыночной экономикой. Отдельный вопрос, имеющий непосредственное влияние на атмосферу в БРИКС — это не удовлетворяющая Дели реакция Пекина на давнее желание Индии (как и Бразилии) стать постоянным членом СБ ООН. Позиция Китая, согласно которой, он «с пониманием относится к намерениям Индии» (эта формула находит отражение и в «консенсусных» формулировках саммитов БРИКС), вызывает особое «разочарование» Дели.

Однако похоже, что в силу обозначенных выше системных целей своей политики и видения той роли, которую в их достижении способен сыграть БРИКС, Китай демонстрирует ощутимый настрой развивать отношения в данном формате, осознавая существующие разногласия и продумывая пути их устранения. О необходимости такого подхода влиятельные китайские эксперты говорят применительно к той же Индии, которая в контексте БРИКС должна, по их мнению, восприниматься прежде всего как «государство с формирующимся рынком, имеющее общие с КНР интересы», и уже лишь потом как страна, избравшая «иную общественно-политическую модель»⁴⁵. Неслучайно, различие в «избранных путях развития» Китай не склонен считать препятствием для сотрудничества.

Поскольку, как указано в Концепции внешней политики РФ, *сотрудничество в БРИКС* отвечает ее базовым национальным интересам, Россия, также как и Китай, заинтересована в «нивелировании расхождений» между странами «пятерки». Причем, по-видимому, речь должна идти не столько о непременном устранении расхождений (зачастую они имеют объективный характер, например, с точки зрения принадлежности стран к разным цивилизациям), сколько о том, чтобы они не служили препятствием к реализации общих согласованных целей. Для России и Китая вкладом в решение этой задачи могли бы быть:

– дальнейшее продвижение российско-китайского взаимодействия по повестке дня, формам и направлениям развития БРИКС; точка зрения двух объективно наиболее авторитетных членов БРИКС весьма значима для перспектив «пятерки»;

– сохранение и дальнейшее продвижение структуры трехстороннего взаимодействия «Россия—Индия—Китай» (РИК), задачей которого, помимо региональной

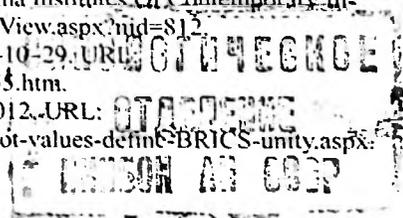
(центрально-азнатской и пр.) повестки, должно стать укрепление РИК как своего рода «опорного звена» БРИКС. Не секрет, что в сотрудничестве «пятерки», которое во многом пока лишь нащупывает оптимальные формы, порой требуется деликатное «совмещение позиций» Китая, РФ с латиноамериканскими и африканскими партнерами. РИК, имея (с учетом важной роли Индии) согласованную трехстороннюю платформу, мог бы серьезно облегчить эту задачу. Не случайно, в ходе пресс-конференции министров иностранных дел РФ, Индии и КНР по итогам их 11-й трехсторонней встречи была подчеркнута важность взаимодействия стран РИК в других форматах, в том числе в БРИКС⁴⁶. Уместно заметить, что на возможности «тройки» в контексте БРИКС обращают внимание и влиятельные китайские эксперты, которые отмечают, что страны РИК, являясь ядром «пятерки», имеют большое влияние в обсуждении вопросов политики, культуры, безопасности⁴⁷. Еще один реальный и потенциальный вклад РИК — это возможность продолжать способствовать прогрессу и решению непростых проблем в китайско-индийских отношениях;

– шаги по формулированию и реализации практических проектов (в экономике, науке и технике, а также в сферах энергетики и инноваций), которые отражали бы реальную конвергенцию интересов стран-участниц (и снижали бы значение разногласий). Это сложная задача, что не отменяет, однако, ее актуальности, поскольку иначе БРИКС как структура рискует остаться на уровне деклараций;

– планомерное развитие в «пятерке» всех линий двусторонних отношений, в ходе которого на путях конструктивного диалога поэтапно решались бы спорные вопросы, остающиеся между теми или иными странами БРИКС.

1. Чжунго тунизи чжайяо [Краткий статистический справочник Китая]. Бэйцзин, 2012. С. 24–25. Заслуживают также внимания и данные МВФ: в 1980–2011 г. ВВП КНР увеличился с 202, 2 до 7239 млрд долл., а соответствующие показатели ВВП других стран БРИКС за эти же годы составили: для Бразилии 148,9 и 2492,9 млрд долл., для Индии — 181,4 и 1826, 8 млрд, для ЮАР — 80,5 и 408,7 млрд. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02/weodata/weorept.aspx?sy=1980&ey=2011&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=223%2C199%2C534&s=NGDPD&grp=0&a=&pr.x=39&pr.y=9>.
2. China Statistical Yearbook. Foreign Trade and Economic Cooperation. 6–3 Total Value of Imports and Exports // China Statistical Yearbook 2011. Сервер ИДВ РАН. URL: <http://server/YearBooks/YearBook2011/html/R0603e.htm>; Внешнеторговый оборот Китая в 2011 г. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/about-china_new/foreign-trade.
3. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2188rank.html>.
4. <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/7994/>; <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2199rank.html>.
5. Подробнее см.: например: *Титаренко М.И.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 164–169.
6. Жэньминь жибао. 2010. 20 июля. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7073164.html>.
7. Письменное интервью председателя КНР Ху Цзиньтао казахстанским и российским СМИ. Синьхуа, 13.06.2011; Ху Цзиньтао призвал бороться за полное построение средиземноморского общества. 08/11/2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8010234.html>.
8. В статье директора Института Латинской Америки КАСМО У Хуньина «К механизму сотрудничества БРИКС» эта стратегическая цель отражена (по меньшей мере, косвенно) в определении БРИКС как формата, «способного серьезно помочь странам-участницам... восстановить глобальный статус». On the BRICs Cooperation Mechanism // Contemporary International Relations. 2011. Vol. 21, № 1 Jan./Feb. — Scholarly Journals Of China Institutes Of Contemporary International Relations. URL: <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=1959>.
9. См., например: Министерство иностранных дел КНР: в «китайской мечте» нет никакого заговора. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7073164.html>.

10. См., например: Китай вступает в эпоху авианосцев: Необходимо ускорить процесс принятия соответствующих законов. URL: <http://russian.people.com.cn/95197/7733686.html>: Отряд боевых кораблей ВМС Китая вошел в Черное море. Опубликовано www.itar-tass.com Июль 31, 2012. URL: <http://ntn.manjunet.com/archives/59983>.
11. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_military_expenditures.
12. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2034rank.html>.
13. Подробнее см.: *Портяков В.Я.* Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 136–140.
14. *Yuan Peng.* A Harmonious World and China's New Diplomacy (P. 4) // Contemporary International Relations. 2007. Vol. 17, № 3. May/June. Scholarly Journals Of China Institutes Of Contemporary International Relations URL: <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=810>.
15. Там же.
16. Председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул предложение из трех пунктов по дальнейшему сотрудничеству между странами БРИКС. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7773765.html>
17. *Гуань Гуйхай.* Цзинь чжуань гоцзя цичжи юй чжун э ни дэн гоцзи цичжи дэ бицзяо [Статья заместителя директора Института международных отношений Университета Бэйда «Сравнение БРИКС, РИК и других международных механизмов»] // Даньдай шицзе. Чжунгун чжуньян дуйвай ляньюлу бу. Бэйцзин. 2011. С. 37.
18. Речь Председателя КНР Ху Цзиньтао на встрече руководителей стран БРИК // «Жэньминь жибао» он-лайн. 17.06.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6680077.html>.
19. Страны БРИКС должны эффективно использовать механизм Группы двадцати для укрепления координации политики ведущих экономических субъектов — китайские представители. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7603459.html>.
20. *Чэнь Фэньин.* Цзинь чжуань гоцзя цзиньши цинци синши цзи чжэнцэ сетяо (Статья директора Института экономики Китайской академии современных международных отношений «Страны БРИКС: экономическая ситуация и политическая координация») // Даньдай шицзе. Чжунгун чжуньян дуйвай ляньюлу бу. Бэйцзин. 2011. С. 39.
21. Предстоящая встреча руководителей БРИК поможет расширить рамки сотрудничества и совместными усилиями выйти из кризиса // «Жэньминь жибао» он-лайн. 15.06.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6678069.html>.
17. Значение встречи руководителей стран БРИКС в городе Санья и перспективы механизма сотрудничества стран БРИКС // «Жэньминь жибао» он-лайн. 15.06.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7351626.html>.
23. Годовой обзор: Рост стран БРИКС постепенно трансформирует глобальный экономический порядок // «Жэньминь жибао» он-лайн. 18.12.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7679964.html>.
24. Председатель Ху Цзиньтао о роли БРИКС. «Жэньминь жибао» он-лайн. 12.03.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7772469.html>.
25. Сомнения в перспективах БРИКС в связи с рядом внутренних противоречий между странами-участницами, в частности, «Китаем и Индией», высказывались, например, экспертами Института АТР КАОН в беседах с автором осенью 2011 г. в Пекине.
26. См., например: Декларация, принятая по итогам Саммита БРИКС (г. Санья, о.Хайнань, Китай, 14 апр. 2011 г.). URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBSamBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A>: Делийская декларация (принята по итогам IV саммита БРИКС). 29 марта 2012 г. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBSamBric/1DB82FF3745BA8FE442579D5004778E6>.
27. Речь Председателя КНР Ху Цзиньтао на встрече руководителей стран БРИК // «Жэньминь жибао» он-лайн. 17.06.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6680077.html>.
28. *Yuan Peng.* A Harmonious World and China's New Diplomacy (P. 2) // Contemporary International Relations. 2007. Vol. 17, № 3 May/June. Scholarly Journals Of China Institutes Of Contemporary International Relations. URL: <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=812>.
29. *Yang Wenchang.* Diplomatic words of wisdom. China Daily, 2011–10–29. URL: http://www.chinadaily.com.cn/2011-10-29/content_13999455.htm.
30. Benefits, not values define BRICS unity // Global Times. 27.03.2012. URL: <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/702407/Benefits-not-values-define-BRICS-unity.aspx>.

31. *Дун Жаньвэй*. Цзиньчжуань гоцзя цзюэци юй цюаньцю чжили тиси (Статья вице-президента Шанхайской академии общественных наук «Подъем стран БРИК и система глобального управления») // *Даньдай шицзе, Чжунгун чжунъян дуйвай лянлюо бу*. Бэйцзин, 2011. С. 27.
32. Данную точку зрения в связи с решениями саммита БРИКС в Дели отстаивал, в частности, такой видный эксперт, как директор Института международных проблем МИД КНР Цюй Син. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/7772873.html>.
33. В англоязычном офицнозе «Чайна дейли» осенью 2011 г. подчеркивалось, что Китай еще долгое время будет являться «развивающимся государством». URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2011-10/29/content_13999455.htm. Одновременно в Белой книге "Мирное развитие Китая", опубликованной 6 сентября 2011 г. правительством КНР, говорилось, что «в качестве ответственного члена международного сообщества Китай соблюдает международное право и общественные критерии международных отношений, а также активно исполняет свои международные обязанности». URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7692099.html>. При этом, похоже, что в последние год-два упор на тезис «КНР — развивающаяся страна» с точки зрения «внутреннего потребления» стал не столь очевиден. См.: Выступление Ян Цзечи для сотрудников Института международных проблем МИД КНР 22 августа 2011 г. URL: www.cis.org.cn/english/2011-08/22content_4425488.htm.
34. Эта тема была особенно популярна в официальных СМИ КНР, например, летом-осенью 2010 г., когда за период с июля по сентябрь 2010 г. ей было посвящено не менее 5 специальных редакционных комментариев «Жэньминь жибао», в т.ч. «Не следует требовать от Китая нести еще большую международную ответственность». URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7146897.html>. При этом показательно мнение экспертов австралийского агентства новостей, которые отмечают, что Пекин не стремится к афишированию глобальной роли и ответственности и через БРИКС «попытается укрепить влияние развивающихся стран, предпочитая оставаться в тени». *Mitch Moxley*. China Not Too Keen to Assume Global Leadership Role? 27 April 2010. URL: http://australia.to/index.php?option=com_content&view=article&id=199&Itemid=120.
35. Как подчеркивала накануне саммита в Санья *Wall Street Journal*, «правительство КНР всегда ставило себя в позицию своего рода защитника развивающегося мира, а взамен рассчитывает, что сравнительно бедные страны встанут рядом с Китаем в противостоянии с развитыми государствами по таким вопросам как права человека, климат». URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703841904576256413453368944.html>. Еще более четко эту мысль выделяют упомянутые выше австралийские наблюдатели: «Китайские руководители традиционно рассматривали развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки как важнейшую силу в международных делах, а также как противовес американскому унитаризму (unilateralism)», причем... «считали Китай неотъемлемой составной частью этой группы». ». Что касается БРИКС, то в опоре на этот формат Китай уже, по их мнению, «в полной мере воспользовался предоставленной возможностью для усиления своих позиций и своей значимости в развивающихся странах, а также для сдерживания влияния США и других западных государств», причем при этом в Пекине «предпочитали уклоняться от открытого лидерства, часто полагаясь на соседнюю Россию». Такая политика, считают эксперты продолжится, и Китай «будет в большинстве случаев избегать лидирующей роли в этих группах». URL: http://australia.to/index.php?option=com_content&view=article&id=199&Itemid=120.
36. Цзинь Цаньжун — профессор и заместитель декана китайского Института международных исследований университета Женьминь — отметил, что правильное место Китая — быть балансом между Соединенными Штатами и развивающимся миром, а не групповым лидером последнего». URL: http://australia.to/index.php?option=com_content&view=article&id=199&Itemid=120.
37. См., например: БРИК: путь к сотрудничеству и общему выигрышу // «Жэньминь жибао» онлайн, 31.03.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7336372.html>; <http://russian.people.com.cn/95181/6953964.html>.
38. *Wall Street Journal* писала о том, что БРИКС — долговременная цель Китая, поэтому он заинтересован в урегулировании разногласий, остающихся между участниками структуры. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703841904576256413453368944.html>.

39. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. 5 июня 2012 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1230.
40. В Совместном заявлении Второго саммита БРИК (2010 г.) положение с упоминанием «многополярного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на международном праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях всех государств и коллективном принятии ими решений» сформулировано особенно четко, совпадает или во многом созвучно с пунктами китайско-российских международных деклараций (1997, 2005, 2008, и 2011 гг.) о «рациональном и справедливом международном порядке XXI века» (2005 г.), об императивах мировых перемен «на полицентричной основе» (2011) и принципах «равноправия и взаимной выгоды», уважения международного права», «равенства.. взаимодействия... объединения усилий всех стран» (2008 г.) и т.п., что говорит о влиянии и результативности китайско-российского взаимодействия в БРИКС.
41. <http://profit.ndtv.com/News/Article/india-china-trade-hits-all-time-high-of-73-9-billion-in-2011-296742?pfrom=home-otherstories>.
42. Министр иностранных дел Бразилии подтвердил важность укрепления торгово-экономических отношений с Китаем. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7820797.html>.
43. <http://russian.people.com.cn/31520/7768655.html>.
44. Owen Flether. China Seeks Heft for 'BRICS'. April 13, 2011. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703841904576256413453368944.html>.
45. <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/702407/Benefits-not-values-define-BRICS-unity.aspx>.
46. <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/704810/China-Russia-India-look-to-positive-roles-abroad-at-meeting.aspx>; <http://in.news.yahoo.com/india-china-russia-jointly-tackle-global-issues-111848937.html>.
47. *Гуань Гуйхай*. Цзинь чжуань гоцзя цзичжи юй чжун э ин дэн гоцзи цзичжи дэ бнцзяо [Сравнение БРИКС, РИК и других международных механизмов] // Даньдай шицзе, Чжунгун чжунъян дуйвай лянлюо бу. Бэйцзин, 2011. С. 36.

Взаимодействие России и Вьетнама выходит на новый уровень*

(К итогам визита в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга)

© 2012

А. Воронин

Автор анализирует итоги первого официального визита в Российскую Федерацию президента Социалистической Республики Вьетнам Чыонг Тан Шанга, состоявшегося 26–30 июля 2012 г., и через их призму рассматривает перспективы российско-вьетнамского стратегического партнерства. Делается вывод о том, что всеобъемлющее взаимодействие двух стран должно выйти на качественно новый уровень, для чего имеются все необходимые предпосылки.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, российско-вьетнамский саммит в июле 2012 г., перспективы всеобъемлющего стратегического партнерства.

26–30 июля 2012 г. состоялся официальный визит в Российскую Федерацию президента Социалистической Республики Вьетнам. Это был первый визит Чыонг Тан Шанга в качестве президента СРВ, хотя и до избрания на эту должность ему доводилось бывать в России.

Справка: Президентом СРВ Чыонг Тан Шанг был избран на сессии Национального Собрания СРВ в июле 2011 г. До этого он занимал пост постоянного члена Секретариата ЦК Компартии Вьетнама и был, по существу «вторым человеком» в партии. Родился в 1949 г. на юге Вьетнама. Имеет высшее образование, юрист. Владеет английским языком. Участник войны Сопротивления вьетнамского народа против агрессии США. За свою патриотическую деятельность в 1971 г. был арестован сайгонскими властями и почти два года, вплоть до подписания Парижских соглашений о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме провел в тюрьме (1971–1973 гг.). С 1996 г. член Политбюро ЦК КПВ. В 1996–2000 гг. в качестве первого секретаря горкома КПВ руководил партийной организацией г. Хошимина — крупнейшего экономического центра страны. На посту президента СРВ ведет активную внешнеполитическую деятельность. Сторонник развития сотрудничества с Россией. Неоднократно посещал нашу страну. В июне 2008 г. и в ноябре 2009 г., находясь в Москве, встречался с руководством «Единой России» (ЕР), присутствовал на съезде ЕР.

В России вьетнамский президент провел пять дней. Находясь в Москве, он встретился с руководством Государственной Думы и Совета Федерации, беседовал с представителями деловых, научных, общественных кругов, ответил на вопросы российских журналистов.

Встречался он и с вьетнамскими дипломатами, представителями вьетнамской диаспоры — студентами и бизнесменами, работающими в России. Были и официальные протокольные мероприятия. Возглавляемая им делегация возложила цветы к могиле Неизвестного солдата у стен Кремля, к памятнику Хо Ши Мина в Москве, посетила мавзолей В.И. Ленина. Успел Чыонг Тан Шанг слетать и в Нарьян-Мар, где свою работу начало СП «Русьвьетпетро».

Центральное место в программе визита вьетнамского президента заняли переговоры с Президентом РФ В.В. Путиным, состоявшиеся 27 июля 2012 г., и с премьер-министром Д.А. Медведевым.

По заявлению президентов, сделанному ими по итогам бесед в сочинской летней резиденции российского лидера «Бочаров ручей», переговоры, длившиеся в течение почти двух часов, сначала в узком, в присутствии только переводчиков, а затем в расширенном составе, были «плодотворными и эффективными». Они проходили в «очень доверительной и откровенной атмосфере».

На саммите, как это следует из итогового «Совместного заявления об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам», был рассмотрен самый широкий комплекс проблем двусторонних отношений, перспективы дальнейшего продвижения сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технологической и гуманитарной областях. Согласованы планы действий на долгосрочную перспективу, в том числе и на международной арене. Подписано пять двусторонних, межведомственного характера документов, в том числе Меморандум о взаимопонимании между министерствами сельского хозяйства об укреплении сотрудничества, Меморандум между таможенными службами об обмене статистическими данными о взаимной торговле товарами, Программа сотрудничества между Министерством культуры России и Министерством культуры, спорта и туризма СРВ в области культуры на 2013–2015 гг.¹

Президентами сделан вывод о том, что со времени подписания 1 марта 2001 г. Декларации о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ, положившего начало реализации нынешней модели отношений двух стран, российско-вьетнамское сотрудничество получило значительное и динамичное развитие. В результате предпринятых с обеих сторон усилий сотрудничество вышло на качественно новый уровень. Оно приобрело характер всеобъемлющего партнерства. Есть все основания утверждать, что этот позитивный тренд в отношениях двух стран будет сохранен и развит.

«Продуктивное взаимодействие Вьетнама и России будет активно развиваться и выйдет на уровень, соответствующий исключительно высокому политическому доверию, присущему отношениям между нашими странами». Такое заявление относительно перспектив сотрудничества с Россией сделал вьетнамский президент в интервью «Российской газете»² И с этим выводом трудно не согласиться. Состоявшийся в Сочи саммит показал, что для дальнейшего продвижения партнерства России и Вьетнама, придания ему всеобъемлющего характера имеются все необходимые политические и экономические предпосылки:

– С начала XXI-го в. Россия и Вьетнам существенно нарастили свой экономический, технологический, финансовый, оборонный, внешнеполитический потенциал, что создает необходимые предпосылки для динамичного сотрудничества. Это в корне отличает ситуацию, в которой обе страны находились в конце XX — самом начале XXI вв.

– Государственное руководство обеих стран исполнено политической воли добиваться новых успехов на всех основных направлениях сотрудничества.

– У России и Вьетнама совпадают стратегические задачи экономического развития. Они заинтересованы в успешном продвижении друг друга по пути модернизации и индустриализации.

– Экономикой двух стран, как минимум, не конкурируют друг с другом, а по многим параметрам, при умелом управлении, могут быть взаимодополняемыми.

– В отношениях между двумя странами нет каких-либо нерешенных политических проблем, которые тормозили бы их стратегическое партнерство. В российском и вьетнамском обществах нет каких-либо взаимных фобий. В наших странах отсутствуют политические силы, которые выступали бы против укрепления исторически тесных уз дружбы между нашими народами.

– У наших стран общие или совпадающие оценки ситуации в мире, в том числе в жизненно важном для обеих стран Азиатско-Тихоокеанском регионе.

– Вьетнам готов играть роль «моста» между Россией и странами-членами АСЕАН, содействовать расширению российского присутствия в Юго-Восточной Азии. В то же время вьетнамские партнеры заинтересованы в оказании Россией помощи в продвижении связей СРВ со странами-членами СНГ.

– Вьетнам — один из ключевых партнеров России в АТР. Россия заинтересована в сильном и процветающем Вьетнаме. Такой характер российской политики в отношении Вьетнама есть неотъемлемая, составная часть внешнеполитической стратегии президента В.В. Путина, направленной на укрепление отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе с государствами-членами АСЕАН, авторитетным и влиятельным членом которой является СРВ. Такого подхода требует принятая на вооружение российским руководством политика ускоренного развития азиатской части страны, Российского Дальнего Востока, а также равноправное, взаимовыгодное участие России в интеграционных процессах в АТР, в том числе и со своими традиционными партнерами, с которыми у нее существует наиболее развитая и всесторонняя система партнерских связей. Этого требует и линия на коллективное выстраивание открытой, транспарентной, безблоковой архитектуры безопасности и устойчивого развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе, принятие совместных или согласованных мер по преодолению вызовов и угроз, существующих в регионе.

– Во всемерном наращивании потенциала всеобъемлющего стратегического партнерства с Россией заинтересован и Вьетнам, геополитическое положение которого в последние годы подвергается все новым испытаниям в связи с ростом великодержавных амбиций внерегиональных игроков. Как подчеркнул в своем заявлении Чыонг Тан Шанг по итогам переговоров с В.В. Путиным, «укрепление и развитие отношений традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства с Российской Федерацией является одним из важнейших приоритетов внешней политики Вьетнама... Мы приветствуем и очень высоко оцениваем курс Российской Федерации на дальнейшее развитие отношений стратегического партнерства с Вьетнамом, как это было отражено в Указе «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»¹.

Материалы июльского (2012 г.) саммита отражают и наиболее характерные особенности российско-вьетнамского партнерства, отличающие его от отношений Вьетнама с другими державами. Важнейшая отличительной чертой российско-вьетнамского партнерства, и на это обращали особое внимание как российские, так и вьетнамские участники саммита, является ее доверительный, а не только взаимовыгодный характер.

В основе российско-вьетнамского сотрудничества, и это было также подчеркнуто в «Совместном заявлении об укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьет-

нам», лежит принцип исторической преемственности, взаимное стремление к умножению богатейшего капитала многолетней дружбы и всестороннего опыта взаимодействия между двумя странами. Повседневная забота о реализации этого принципа в практической политике наших государств также позволяет бережно хранить и развивать в историческом самосознании наших народов все лучшее, что нас объединяет и сближает, и тем самым расширять социальную базу сотрудничества.

В наших странах хорошо помнят тот факт, что само создание Демократической Республики Вьетнам неразрывно связано с Победой советского народа в Великой Отечественной войне против гитлеровского фашизма и японского милитаризма. В Совместном заявлении, принятом по итогам российско-вьетнамского саммита в июле 2012 г., стороны, затрагивая эту сторону отношений между Россией и Вьетнамом, особо подчеркнули, что наши страны «решительно отвергают всякие попытки пересмотреть историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающую роль советского народа в Победе над фашизмом и милитаризмом».

Эта тема затрагивалась и на встрече президента СРВ с российскими ветеранами войны сопротивления вьетнамского народа и активистами Общества российско-вьетнамской дружбы, состоявшейся в Москве 26 июля. В своем выступлении перед участниками встречи Чыонг Тан Шанг отметил, что в самые трудные годы борьбы вьетнамского народа за свою свободу, независимость и государственное единство СССР/Россия твердо и последовательно выступали на стороне вьетнамских патриотов, оказывали Вьетнаму всестороннюю помощь и поддержку. Участники встречи говорили о том, что в 2015 г. исполнится семьдесят лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В этом же году Вьетнам будет праздновать семидесятилетие Августовской революции 1945 г. и создания Демократической Республики Вьетнам. Важно широко отметить эти исторически взаимосвязанные события крупными акциями, в том числе и по линии «народной дипломатии». Это будет иметь большое воспитательное значение, особенно для молодежи двух стран.

Еще одна особенность российско-вьетнамских отношений состоит в том, что они строятся на долгосрочной основе. Это создает важные предпосылки для стратегического планирования взаимоотношений национальных экономик, выстраивания системы приоритетов, формирования и реализации крупномасштабных, стратегически значимых проектов. Это также позволяет более уверенно, сбалансированно и с наименьшими рисками маневрировать материальными, финансовыми, трудовыми, интеллектуальными, информационными ресурсами, необходимыми для поддержания высокой динамики и устойчивого характера всего комплекса отношений.

Особенность стратегического партнерства между Россией и Вьетнамом состоит и в том, что оно работает, прежде всего, на общенациональные цели, обеспечивает общегосударственные интересы обеих стран. Поддержание такого характера отношений предполагает наличие не только стремления к взаимной выгоде, но и взаимного понимания, взаимного уважения интересов и озабоченностей друг друга, стремление прийти на помощь друг другу.

На саммите было отмечено, что за последнее десятилетие удалось существенно продвинуться в деле создания эффективно работающей правовой базы по основным направлениям двустороннего сотрудничества. Сегодня действуют более 70 двусторонних межправительственных и межкорпоративных соглашений⁴. В то же время была констатирована необходимость добиваться дальнейшего совершенствования правовой основы всеобъемлющего стратегического партнерства, особенно по наиболее перспективным направлениям, сформировавшимся в последние годы.

Предстоит наращивать повседневную работу всех звеньев сотрудничества, включая контакты на уровне правительств, министерств и ведомств, парламентов, политических партий, общественно-политических институтов и объединений, представляющих «народную дипломатию», в том числе обществ дружбы. Нуждаются в дальнейшем совершенствовании деятельность двусторонних межправительственных структур, связи экономических субъектов сторон, деятелей науки и культуры. Этому же должна способствовать деятельность средств массовой информации, обмена в сфере туризма, спорта, детские и молодежные обмены. Все это будет лишь расширять социальную базу партнерства, делать его более устойчивым, неподвластным сиюминутной конъюнктуре.

В современном мире, в условиях турбулентности, вызванной идущей перестройкой мирового общественно-политического порядка, финансово-экономическим кризисом, сама концепция стратегического партнерства требует постоянного развития и обновления, подпитки новыми, масштабными идеями и проектами, реализация которых способна вызвать синергетический эффект, обеспечить стабильный, поступательный характер отношений, поднять уровень взаимодействия двух стран на качественно новую высоту. Эта мысль отчетливо прозвучала в заявлении для прессы, которое сделали российский и вьетнамский руководители по итогам встречи в Сочи. Вьетнамский президент подчеркнул: «Мы очень рады и полностью согласны с инициативой российского руководства поднять отношения между нашими странами до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства»⁵.

Одна из важнейших сторон такого действенного инструмента партнерства, каким являются переговоры на высшем уровне, состоит в том, чтобы максимально эффективно конвертировать политическую философию, заложенную в основу совместно принятой концепции стратегического партнерства, в конкретные, практические дела, добиться того, чтобы динамично растущий комплексный потенциал партнерства был как можно более полно задействован на благо народов России и Вьетнама, в интересах мира и сотрудничества, безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И этот инструмент, как показали июльские 2012 г. переговоры В.В. Путина и Чыонг Тан Шанга, успешно работает, мобилизуя на реализацию актуальных задач сотрудничества все более широкие и разнообразные возможности, которыми располагают российская и вьетнамская стороны, постепенно снимая на этом пути различного рода бюрократические препоны.

Президенты России и Вьетнама высказались за дальнейшее «поддержанье интенсивного политического диалога на всех уровнях, прежде всего на высшем». Очевидно, что этому в значительной мере будет способствовать официальный визит во Вьетнам Президента Российской Федерации В.В. Путина. Принципиальная договоренность об осуществлении такого визита была достигнута в ходе сочинского саммита. В этом же русле следует рассматривать и предстоящие встречи лидеров двух стран «на полях» международных и региональных мероприятий, в том числе в ходе саммита АТЭС во Владивостоке.

Справочно: 8 сентября 2012 г. В.В. Путин и Чыонг Тан Шанг провели встречу в ходе Саммита АТЭС во Владивостоке. Был подписан Протокол о начале консультаций о создании зоны свободной торговли между Вьетнамом и участниками таможенного союза России—Белоруссии—Казахстана, обсуждены вопросы межрегионального сотрудничества между Дальним Востоком и Вьетнамом, проведен форум российских и вьетнамских бизнесменов⁶.

Будет продолжена и практика обмена посланиями, общения по телефону. Все это, безусловно, придаст мощный импульс сотрудничеству двух стран по всем направлениям.

В центре внимания участников сочинского саммита, как это и было заранее обговорено, находились фундаментальные вопросы торгово-экономического сотрудничества, которое в значительной мере и должно определить как масштабы, так и качественные характеристики всего комплекса взаимодействия двух стран на длительную перспективу. При анализе ситуации, сложившейся к сегодняшнему дню на этом решающем направлении сотрудничества, констатировалось, что за последние пять лет, несмотря на испытания, выпавшие на долю наших стран в связи мировым финансово-экономическим кризисом, удалось в три раза увеличить взаимный товарооборот. По итогам 2011 г. он составил 3 млрд долл.

В целом, перспективы торгово-экономического сотрудничества выглядят обнадеживающе. Они видятся, прежде всего, на путях диверсификации и либерализации торговли, активизации взаимодействия между финансовыми и банковскими структурами двух стран, расширения инвестиционного и кредитного сотрудничества, увеличения масштабов производственной кооперации. Понятно, что движение по всем этим направлениям требует дальнейшей активизации роли государства в управлении процессами сотрудничества, налаживания государственно-частного партнерства в реализации совместных экономических проектов. Как заявил В.В.Путин 27 июля 2012 г., при использовании новых инструментов государственной поддержки взаимодействия показатели торговли в ближайшие годы могут вырасти еще в три-четыре раза⁷. Так, есть основания полагать, что уже к концу 2012 г. товарооборот между нашими странами может возрасти до 4 млрд долл., — об этом сообщили российские участники российско-вьетнамского бизнес-форума, состоявшегося 30 июля с.г. в ТПП РФ⁸. В этой встрече приняли участие президент СРВ Чыонг Тан Шанг и члены вьетнамской делегации, в том числе Хоанг Чунг Хай — заместитель премьер-министра СРВ, председатель вьетнамской части Межправительственной российско-вьетнамской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

О каких новых инструментах идет речь? Речь, в частности, идет о предоставлении государственных гарантий экономическим субъектам, участвующим во взаимодействии, о более активном привлечении международных и российских финансовых институтов. Речь также идет о том, что в связи со вступлением России в ВТО, она должна будет снизить импортные тарифы на вьетнамские товары. На объемах взаимной торговли должно положительно сказаться и заключение соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и Таможенным союзом с участием России, Казахстана и Белоруссии. «Как показывает наш опыт проведения политики открытых дверей, заключение этого соглашения послужит мощным импульсом к бурному развитию торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Вьетнамом и Россией», — отметил Чыонг Тан Шанг⁹.

Экономисты подсчитали, что только за счет введения режима свободной торговли в течение ближайших пяти лет объем российско-вьетнамской торговли можно будет увеличить до 12 млрд долл. При этом в основном вырастет вьетнамский экспорт. Нельзя также забывать и о том, что после достижения соглашения о зоне свободной торговли Вьетнам получит дополнительную возможность выхода на рынки других стран-членов СНГ¹⁰.

Не менее масштабные возможности открываются и в области инвестиционного сотрудничества, особенно в производственной сфере как на территории Вьетнама, так и на территории России. По итогам 2011 г. накопленные российские инвестиции в СРВ, без учета деятельности флагмана сотрудничества СП «Вьетсовпетро», составили 919 млн долл. В СРВ реализуется 78 проектов с российскими инвестициями. Российское

правительство оказывает кредитную поддержку проектам на вьетнамском направлении. Общий объем кредитования составляет 10 млрд долл. В докладе на российско-вьетнамском форуме в ТПП РФ, состоявшемся 30 июля 2012 г., президент Торгово-промышленной палаты Вьетнама Ву Тьен Лок заявил, что в качестве ближайшей цели палата рассматривает увеличение накопленных российских инвестиций до 2 млрд долл. При этом потребительский рынок СРВ оценивается в 200 млрд долл. Вьетнам поощряет инвестиции в экологически безопасные инфраструктурные проекты, связанные с реконструкцией государственных предприятий, информационными технологиями, промышленным производством и переработкой. Страна также приветствует участие иностранных инвесторов в процессе приватизации государственных предприятий¹¹.

Что касается вьетнамских инвестиций в России, то они пока весьма скромны. Всего реализуется 14 проектов на сумму 77,8 млн долл¹². Тем не менее и здесь в последнее время наметились важные подвижки, прежде всего в самом подходе лидеров российских и вьетнамских компаний. На встрече с российскими бизнесменами президент СРВ заявил, что вьетнамские предприниматели готовы осуществлять инвестиции в российские регионы Дальнего Востока и Сибири. Российско-вьетнамские совместные компании уже работают на Крайнем Севере и Южном Урале. И работают, надо сказать, успешно. Примером эффективности такой формы сотрудничества на территории России, как совместные компании, является деятельность российско-вьетнамской компании «Русьветпетро» в Ненецком автономном округе (49% уставного капитала принадлежит Вьетнаму), которую посетил Чыонг Тан Шанг во время своего официального визита в Россию. К началу 2012 г. эта компания уже добыла 2 млн т нефти. Вьетнамскому президенту во время его посещения Нарьян-Мара российские и вьетнамские нефтяники обещали, что к концу года добыча нефти будет доведена до 3,5 млн т¹³.

Участники переговоров отмечали, что дальнейшие успехи в торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве во многом зависят от того, насколько действенным и эффективным окажется партнерство между государственными органами и экономическими субъектами, участвующими в сотрудничестве. В связи с этим обратило на себя внимание заявление помощника российского президента Э. Набиуллиной. Выступая на российско-вьетнамском бизнес-форуме в ТПП с докладом о состоянии и перспективах экономического сотрудничества, она сообщила, что в ближайшее время предполагается наладить постоянный мониторинг реализации инвестиционных проектов, а также улучшить информационное обеспечение деятельности партнеров. Очевидно, чем быстрее и профессиональнее эти давно ожидаемые меры будут реализованы, тем больший экономический эффект они смогут принести для обеих сторон. Практика отношений России с другими странами, в том числе с такими, как КНР, является убедительным тому подтверждением¹⁴.

В свою очередь Чыонг Тан Шанг и другие члены вьетнамской делегации рассказали участникам форума о реформах, проводимых в СРВ с целью улучшения инвестиционного климата в стране, подчеркнув при этом, что благодаря этим реформам Вьетнам добился существенного роста иностранных инвестиций в национальную экономику. Вьетнамский президент заявил, что его страна готова предоставить необходимые условия российским предпринимателям для наращивания своего бизнеса. А вьетнамские предприниматели готовы вкладывать инвестиции в российские регионы¹⁵.

Следует подчеркнуть, что на всем протяжении советско/российско-вьетнамских отношений, начиная с 50-х гг. прошлого столетия, когда, получив в 1954 г. мирную передышку после подписания Женевских соглашений, демократический Вьетнам приступил к созданию национальной экономики, сотрудничество в сфере энергетики было важней-

шим звеном российско-вьетнамского партнерства. Советский план ГОЭЛРО стал для него образцом создания единой общенациональной энергетической системы*. Сотрудничество в сфере энергетики и сегодня развивается по восходящей: стабильно, динамично, масштабно, комплексно, эффективно, с использованием новейших технологий, с хорошим заделом на перспективу.

Тема сотрудничества в сфере энергетики заняла, пожалуй, центральное место в программе официального визита в Россию вьетнамского президента. В центре внимания она оказалась и на переговорах двух президентов в Сочи. В.В. Путин и Чыонг Тан Шанг подтвердили, что и в обозримом будущем именно энергетика в самом широком понимании этого слова будет оставаться одной из несущих опор сотрудничества двух стран. Во Вьетнаме уже работают мощнейшие российские транснациональные энергетические компании, такие как Газпром, Лукойл, ТНК-ВР. При содействии «Росатома», которому принадлежит 25% мирового рынка атомной энергетики, в центрально-вьетнамской провинции Ниньтуан начато сооружение первой в стране атомной электростанции. Стороны рассматривают и другие весьма перспективные проекты в сфере энергетики.

Одна из фундаментальных причин успехов российско-вьетнамского сотрудничества в энергетической сфере состоит в том, что энергетики постоянно работают над совершенствованием отраслевой стратегии сотрудничества с целью придания ему комплексного, всеобъемлющего, масштабного, долгосрочного характера. В предстоящий период, с тем, чтобы ответить на новые вызовы, связанные с необходимостью обеспечить энергетическую безопасность, им предстоит ускорить темпы создания новых мощностей в нефтегазовой, гидро- и атомной энергетике, динамично расширять совместную нефте-газодобычу. В частности, будут продолжены работы на континентальном шельфе Вьетнама.

Эта деятельность, что специально подчеркивается в совместном российско-вьетнамском заявлении, принятом по результатам сочинского саммита, будет осуществляться в строгом соответствии с принципами и нормами международного права, в том числе и с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Очевидно, что такая отсылка к международному праву была сделана сторонами с тем, чтобы успокоить зарубежную печать, в которой в последнее время все чаще появляются различного рода спекуляции по поводу освоения Вьетнамом природных ресурсов на континентальном шельфе страны.

Будет также расширена деятельность нефтегазовых российско-вьетнамских предприятий и в России, в том числе в Арктической зоне. Начаты переговоры о возможных поставках в СРВ российского сжиженного газа с Сахалинских месторождений. На этот счет «Газпром» и «Петровьетнам Газ» 30 июля 2012 г. в присутствии Чыонг Тан Шанга подписали меморандум о взаимном понимании в отношении сотрудничества в сфере поставок сжиженного природного газа (СПГ)¹⁶. Прорабатываются вопросы, связанные с выходом российско-вьетнамских нефтегазовых компаний на энергетические рынки третьих стран, располагающих необходимым природным и финансовым потенциалом.

Вместе с тем, приходится с сожалением констатировать, что даже с учетом предпринятых в последние годы обеими сторонами мер, уровень взаимного товарооборота и взаимных инвестиций по-прежнему остается пока весьма скромным. Он явно не отвечает растущему экономическому потенциалу сторон. Эта ситуация требует не ослаблять усилий по поиску новых рычагов для дальнейшего изменения ситуации в лучшую сторону. При этом важно четко соблюдать баланс интересов российских и вьетнамских

* О советско-российско-вьетнамских отношениях в сфере энергетики см.: статью А.С. Воронина в журнале «Проблемы Дальнего Востока». 2012. № 4 (прим. редакции).

компаний при реализации совместных проектов как в России, так и во Вьетнаме. Реализация такого подхода позволит компаниям обеих стран достигать сопоставимых показателей их экономической эффективности. На эту сторону вопроса обратил внимание Министр энергетики РФ А.В. Новак в беседе с президентом «Петровьетнама» Фунг Динь Тхыком, состоявшейся в Москве 26 июля 2012 г.¹⁷

Огромный резерв дальнейшего увеличения объемов товарооборота и инвестирования на взаимовыгодной и сбалансированной основе содержит в себе идея ускоренного развития межрегиональных связей. Связи со своими вьетнамскими партнерами сегодня поддерживают более двадцати субъектов Российской Федерации. Вопрос о дальнейшем развитии межрегиональных связей, как одном из наиболее перспективных каналов дальнейшего расширения сотрудничества, также затрагивался в ходе встречи В.В. Путина и Чыонг Тан Шанга. В центре внимания этот вопрос был и на встрече вьетнамского президента с руководством Совета Федерации—палаты регионов российского парламента. Стороны подтвердили, что особенно многообещающей является кооперация в реализации программ развития регионов российского Дальнего Востока. Вопрос этот комплексный. Его реализация предполагает участие многочисленных профильных вьетнамских компаний в масштабных проектах, в том числе в сфере энергетики, в легкой промышленности, сельском хозяйстве, в мебельной, обувной, кожевенной промышленности, в создании инфраструктуры, в активизации туристических, образовательных обменов. Вьетнамский президент заявил о готовности СРВ участвовать в реализации программ развития российского Дальнего Востока. В.В. Путин и Чыонг Тан Шанг договорились о том, что соответствующие государственные структуры в рамках существующего национального законодательства будут оказывать содействие компаниям и предприятиям сторон, работающим на региональном уровне.

Справка: 7 сентября 2012 г. в рамках мероприятий саммита АТЭС во Владивостоке состоялся российско-вьетнамский бизнес-форум. Вместе с президентом СРВ в его работе приняли участие руководители 65 вьетнамских предприятий в сфере химической промышленности, транспорта, нефтепереработки, металлургии, судоремонта, электроэнергетики, финансов, телекоммуникации, производства строительных материалов, строительства, туризма¹⁸.

По мнению помощника президента России Э. Набинуллиной, которое она высказала в ходе встречи Чыонг Тан Шанга с российскими бизнесменами в ТПП, многообещающими областями сотрудничества являются также машиностроение, телекоммуникации, горнодобывающая промышленность, металлургия, гражданское авиастроение. Движение по этим направлениям наметилось. Так, в 2010 г. между российскими и вьетнамскими компаниями подписано соглашение о реализации проекта строительства металлургического завода по производству меди. В СРВ ведется сборка российской грузовой автотехники (ОАО «Камаз», «Газ», «Уаз»)¹⁹. Растущая инновационная емкость вьетнамского рынка открывает новые возможности для многократного увеличения масштабов поставок в СРВ высокотехнологичной, наукоемкой, инновационной продукции с повышенным валовым доходом.

На переговорах в Сочи было уделено внимание развитию сотрудничества и в духовной, интеллектуальной сфере. Следует подчеркнуть, что советско/российско-вьетнамские отношения всегда отличали тесные связи в этой сфере как один из важнейших источников взаимопонимания и близости двух народов, неразрывности их связей даже в самые сложные периоды истории. В ходе сочинского саммита российские и вьетнамские руководители продемонстрировали стратегическое видение этого аспекта сотрудничества, важность учета особенностей современного этапа общественно-

политического развития двух стран, соблюдения долгосрочного подхода к решению задач сотрудничества в сфере науки, образования, культуры. Было признано необходимым расширение взаимодействия в сфере науки и технологий, образования и подготовки кадров, учитывая при этом все возрастающие потребности Вьетнама в квалифицированных специалистах, прежде всего для высокотехнологичных отраслей.

Стороны подтвердили, что важнейшими «точками роста» в этих сферах будут и впредь оставаться уже успешно функционирующие совместные научные и научно-производственные коллективы, прежде всего такие, как российско-вьетнамский Тропический центр, имеющий разветвленную сеть исследовательских подразделений, как во Вьетнаме, так и в России. Предстоит также наращивать научно-исследовательскую, инновационную составляющую в российско-вьетнамских производственных компаниях. Примеры такого подхода уже имеются. Это убедительно подтверждает научно-производственная деятельность, осуществляемая в рамках «Вьетсовпетро», которое известно своими многочисленными ноу-хау. Перспективным видится создание совместных инновационных коллективов на базе университетов с участием обучающихся в них студентов, аспирантов и стажеров. Таким коллективам, особенно на российском Дальнем Востоке, должны быть предоставлены организационные и финансовые преференции.

Особое внимание следует уделить развитию сотрудничества по тем направлениям, где инновационные интересы двух стран совпадают, а то и просто переплетаются. Речь идет, в частности, о развитии биотехнологий, сельского хозяйства, аквакультуры, медицины, информационных технологий, о создании новых материалов, мирном использовании атома и авиационно-космических технологий, нетрадиционных источников энергии, нанотехнологий. В конкретном плане вопросы дальнейшего российско-вьетнамского сотрудничества в сфере науки и технологий, прежде всего в рамках совместного Тропического центра, президент СРВ обсудил на встрече с президентом РАН Ю.С. Осиповым и российскими учеными, состоявшейся 30 июля 2012 г. в Президиуме РАН. Чыонг Тан Шанг высказал пожелание, чтобы Российская академия наук продолжала оказывать Вьетнаму помощь в подготовке научных кадров. Акцентировал он внимание и на важности для вьетнамской стороны сотрудничества в изучении биоразнообразия, рационального использования природных ресурсов. Между РАН и Вьетнамской академией науки и технологий было подписано Соглашение о научном сотрудничестве и обмене учеными на период 2012–2017 гг., предусматривающее сотрудничество по более 50 темам совместных исследований. Ранее, 26 мая 2012 г. в Москве было подписано Соглашение о сотрудничестве между РАН и Академией общественных наук СРВ на 2012–2014 гг., предусматривающее обмена учеными-обществоведами, реализацию совместных научных проектов на базе прямых договоров между институтами, проведение экспедиционных исследований.

По итогам российско-вьетнамского саммита была подписана также Программа сотрудничества в области культуры на 2013–2015 гг. между Министерством культуры РФ и Министерством культуры, спорта и туризма СРВ. Стороны договорились уделять первостепенное внимание регулярному проведению Дней национальной культуры, деятельности Российского центра науки и культуры и Фонда «Русский мир» в СРВ, созданию Вьетнамского культурного центра в России, строительству которого ведется в Москве, популяризации русского языка во Вьетнаме и вьетнамского языка в России. Будут поощряться обмены в области информации, туризма, киноискусства, издательского, музейного и архивного дела. Стороны исходят из того, что чем больше будет взаимных обменов, тем лучше граждане наших стран будут знать реальное положение

вещей в России и во Вьетнаме. А это одно из важнейших условий расширения социальной базы сотрудничества.

Особое внимание, как это следует из Заявления, принятого по итогам визита в Россию Чыонг Тан Шанга, будет уделено дальнейшему развитию сотрудничества в сфере образования. На это специально обратил внимание и В.В. Путин во время встречи с журналистами по итогам переговоров. Он сообщил, в частности, что по количеству специалистов, подготовленных в вузах России, Вьетнам занимает одно из первых мест. В России подготовлено 52 тысячи специалистов из Вьетнама. Сейчас в России учится более 6 тысяч человек. Из них 1,7 тыс. — по государственной линии²⁰. Ежегодно количество вьетнамских студентов, обучающихся в российских вузах, увеличивается на 500–600 человек. Потенциал сотрудничества в сфере образования огромен. Вьетнамская молодежь с удовольствием едет учиться в Россию. По мнению вьетнамских экспертов, количество студентов и аспирантов из СРВ, обучающихся в России, как по государственной линии, так и на коммерческой основе, будет возрастать, и в перспективе может составить несколько десятков тысяч человек. Особо перспективным видится сотрудничество в подготовке кадров в ключевых для СРВ областях, там, где наиболее ощутим дефицит высококвалифицированных специалистов: энергетика, здравоохранение, судостроение, военно-технические специальности²¹. Большие перспективы связываются с созданием вьетнамско-российского технологического университета в Ханое.

Президенты России и Вьетнама отметили существенный вклад работающих и обучающихся в России граждан СРВ и вклад работающих и обучающихся во Вьетнаме российских граждан в поддержание и развитие традиций дружбы и сотрудничества между государствами и народами. Они договорились создавать благоприятные условия для их работы и учебы в соответствии с национальным законодательством сторон. Актуальность и важность решения этих проблем очевидна, поскольку масштабы сотрудничества двух стран в сфере миграции весьма существенны. Российских граждан, работающих или обучающихся в СРВ, по данным российского посольства в Ханое, насчитывается около 5 тыс. чел. Общее количество вьетнамских граждан, работающих или обучающихся в России, по оценке МИД СРВ, доходит до 80 тыс. чел.²² Из них более половины проживает в Москве. Государственным органам двух стран предстоит продолжить работу по повышению управляемости миграционными процессами с тем, чтобы они более эффективно работали на решение основополагающих задач социально-экономического развития наших стран, точнее отвечали особенностям и потребностям регионального развития сторон при строгом соблюдении и уважении основных социальных прав мигрантов. Не снимается и важность решения проблем, связанных с борьбой против незаконной миграции.

Россия и Вьетнам обладают большим и пока не в полную меру задействованным потенциалом партнерства в сфере туризма. Правда, как это отмечалось на саммите в Сочи, в последние годы число россиян, посещающих Вьетнам, резко возросло. В 2011 г. оно составило 88 тыс. чел. Ожидается, что в 2012 г. этот поток увеличится почти в два раза. По темпам прироста количества российских туристов Вьетнам занимает одно из первых мест²³. Но это явно не предел. По прогнозам министерства культуры, спорта и туризма СРВ уже к 2014 г. поток российских туристов в СРВ может возрасти до 300 тыс. чел.²⁴

Уникальное своеобразие российско-вьетнамскому стратегическому партнерству придает проверенное временем военно-техническое сотрудничество, взаимодействие органов безопасности двух стран. Оно отвечает основополагающим принципам международного права, служит интересам коллективной борьбы с новыми вызовами и угрозами

миру, безопасности, стабильности и развитию в АТР, способствует укреплению позиций России в Юго-Восточной Азии. В интервью первому заместителю генерального директора ИТАР ТАСС Михаилу Гусману вьетнамский президент назвал одним из «наиболее ценных результатов» такого сотрудничества укрепление обороноспособности Вьетнама, обеспечение его безопасности. «Мы очень признательны вам за искреннюю помощь в этом деле», — подчеркнул президент²⁵.

По мере укрепления экономического потенциала СРВ идет процесс наращивания закупок Вьетнамом российских вооружений и техники. Если еще несколько лет тому назад Вьетнам закупал российские вооружения на 300 млн. долларов, то в 2011 г. эти закупки выросли до 1,5 млрд долл.²⁶ Вьетнам входит в число самых крупных партнеров России в военно-технической сфере. Расширяется номенклатура поставляемой Россией военной техники, повышается ее качество. Растут объемы закупок высокотехнологичной техники. Идет обучение вьетнамских специалистов, поставка запчастей для поставляемой техники, ее ремонта и модернизации. На встрече руководителей военных ведомств России и СРВ, состоявшейся в ходе визита вьетнамского президента в Москву, с вьетнамской стороны была высказана благодарность России за содействие в строительстве вооруженных сил Вьетнама.

Накануне визита Чыонг Тан Шанга в Россию в прессе началось муссирование слухов о том, что вьетнамский президент едет в Москву договариваться о «возвращении русского военно-морского флота в Камрань». Широко цитировалось высказывание главнокомандующего ВМФ России вице-адмирала Виктора Чиркова о том, что Россия, якобы, ведет переговоры об открытии военно-морских баз на Кубе, Сейшелах и во Вьетнаме²⁷. Журналисты ожидали, что эта тема найдет свое место и в совместных документах, принятых по итогам встречи двух президентов в Сочи. Однако в материалах об итогах переговоров нет и намека на создание базы в Камрани. Речь идет, сообщил собравшимся в Сочи журналистам российский министр иностранных дел С.В. Лавров, принимавший участие в саммите, об открытии пункта материально-технического обеспечения Военно-морского флота РФ. При этом он дал буквально следующее пояснение: «Россия — Тихоокеанская держава, у нее есть Тихоокеанский флот, который совершает походы и которому необходимо обеспечивать готовность к реагированию на угрозы и вызовы... Поэтому для российского флота, работающего за границей, во всем мировом океане, важно иметь возможности материально-технического обеспечения»²⁸.

Со своей стороны президент СРВ Чыонг Тан Шанг в интервью корреспонденту «Голос России» 27 июля изложил вьетнамскую официальную точку зрения по данному вопросу. «Что касается России, то с ней нас связывают давнее сотрудничество и стратегическое партнерство. Это партнерство будет развиваться и впредь. Поэтому мы представим России преимущества в Камрани, в том числе и в целях развития военного сотрудничества... Мы ни в коем случае не намерены кооперироваться ни с какой из стран в целях военного использования порта Камрань. Вьетнам — единственный хозяин своей земли... Я еще раз подчеркиваю: Камрань — это вьетнамский порт»²⁹, — сказал Чыонг Тан Шанг.

Конкретные вопросы координации действий внешнеполитических ведомств двух стран обсуждались во время июльского визита в Москву с министром иностранных дел СРВ Фам Бинь Минем³⁰. Тогда же был подписан План сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами на 2013–2014 гг. Что касается саммита в Сочи, то на нем была подтверждена близость или совпадение позиций России и Вьетнама по широкому кругу глобальных и региональных проблем. Достигнута договоренность «продолжить традиции тесного взаимодействия и поддержки друг друга на международной арене».

Известно, что как на глобальном уровне, в рамках ООН и других международных организаций, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, внешнеполитические службы двух стран действуют солидарно, в духе взаимопонимания, высокого доверия и партнерского взаимодействия. Участники саммита подтвердили, что такое взаимодействие и впредь будет оставаться ключевой, неотъемлемой чертой сотрудничества двух стран на мировой арене и, прежде всего, в зоне их жизненно важных национальных интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии.

Значение внешнеполитических аспектов сотрудничества как неотъемлемой части всеобъемлющего стратегического партнерства между двумя странами трудно переоценить. И объясняется это, в частности, тем, что под воздействием процессов, идущих на глобальном уровне, по мере интеграции России и Вьетнама в общемировое пространство обе страны должны учитывать общемировые и региональные политические и экономические проблемы. Это, по вполне понятным причинам, раздвигает рамки, увеличивает масштабы и в то же время предъявляет все новые требования к уровню взаимодействия внешнеполитических ведомств двух стран, повышает их ответственность за успешную реализацию общенациональных задач.

Достигнутый уровень взаимного доверия, совпадение стратегических оценок положения в мире, глобальных и региональных вызовов и угроз как в политике, так и в экономике, открывают перед российскими и вьетнамскими дипломатами новые возможности для успешного взаимодействия на международной арене. Эти установочные положения, имеющие фундаментальное значение для внешнеполитического сотрудничества наших стран, с новой силой прозвучали в Совместном заявлении, принятом по итогам визита Чыонг Тан Шанга в Россию. В этом документе подчеркнуто, что Россия и Вьетнам выступают за создание нового, более справедливого и демократического миропорядка. Они едины в том, что устройство мира все более приобретает многополярный характер. Совпадают позиции сторон и в вопросах глобальной безопасности. Россия и Вьетнам считают международную безопасность единой и неделимой. Безопасность одних государств не может быть обеспечена за счет безопасности других. Нет принципиальных различий и в оценке российским и вьетнамским руководством процессов глобализации.

Указан в совместном Заявлении и путь к решению глобальных проблем. Он лежит через строгое уважение и соблюдение международного права, Устава ООН, таких его основополагающих положений и принципов, как уважение суверенитета и государственной целостности государств, невмешательство в их внутренние дела. Этот путь лежит также через обеспечение за Организацией Объединенных Наций центральной координирующей роли в международных делах, в том числе в обеспечении безопасности и устойчивого развития. Справиться с новыми вызовами, в том числе такими, как распространение оружия массового уничтожения, терроризм во всех его формах, организованная преступность, незаконный оборот наркотиков, можно только сообща, объединяя ресурсы и усилия, в том числе и через активизацию сотрудничества по линии органов юстиции и прокуратуры, учитывая законные интересы всех членов международного сообщества.

Стороны рассмотрели и вопросы совершенствования управления глобальной экономикой и финансами, подчеркнув, что для обеспечения уверенного, устойчивого и сбалансированного роста необходимо добиваться реформирования мировой валютно-финансовой системы, противодействовать торговому протекционизму.

На саммите в Сочи было подчеркнуто, что обе стороны считают своим внешнеполитическим приоритетом обеспечение мира и безопасности, стабильности и развития в АТР и Юго-Восточной Азии. Россия и Вьетнам выступают за создание в АТР архитектуры

открытой, транспарентной и равноправной безопасности и сотрудничества, базирующейся на нормах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех государств региона. Президенты подчеркнули важность наращивания региональной экономической интеграции на взаимовыгодной и недискриминационной основе.

Они отметили, что территориальные и иные споры на пространстве АТР, угрожающие миру, безопасности и стабильности в регионе, должны решаться исключительно мирными средствами, на основе равноправных переговоров, в духе взаимопонимания и в соответствии с нормами международного права, зафиксированными в Уставе ООН, а там, где речь идет о спорах, затрагивающих суверенитет морских районов, то и с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Россия и Вьетнам выступают за выполнение положений Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 г., за скорейшее согласование кодекса поведения в ЮКМ.

Президенты подтвердили стремление своих стран активно использовать возрастающий позитивный потенциал, заложенный в уже созданную архитектуру многостороннего регионального сотрудничества. Они договорились о взаимодействии с целью всемерной поддержки центральной роли АСЕАН в региональных процессах, ее инициатив по укреплению мира и безопасности, региональной экономической интеграции в Юго-Восточной Азии.

Это направление сотрудничества и впредь будет одним из базовых для всеобъемлющего стратегического партнерства двух стран на международной арене. «Я очень четко вижу светлое будущее отношений между АСЕАН и Россией... И Вьетнам, и остальные члены АСЕАН горячо приветствуют углубление взаимодействия с Россией. Рост ее роли и укрепление позиций имеет очень большое значение для АСЕАН», — подчеркнул Чыонг Тан Шанг в интервью, опубликованном в «Российской газете». Он также высказал мысль о том, что после начала переговоров по соглашению о свободной торговле между Вьетнамом и Таможенным союзом будут созданы условия для подписания Россией подобного рода соглашений с другими государствами-членами АСЕАН.³¹ В борьбе за устойчивое развитие в АТР Россия и Вьетнам, как это следует из документов сочинского саммита, усилят также взаимодействие в рамках АТЭС. В решении принципиальных вопросов региональной безопасности, в борьбе с главными вызовами и угрозами в регионе они будут тесно взаимодействовать в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) и Совещаний министров обороны стран АСЕАН с партнерами по диалогу («СМОА плюс»), а также в Восточноазиатских саммитах (ВАС).

* * *

Результаты прошедшего в июле 2012 г. российско-вьетнамского саммита убедительно свидетельствуют, что визит вьетнамского президента в Россию, в ходе которого была придана новая динамика отношениям двух стран, стал не только центральным событием политического календаря российско-вьетнамских отношений в 2012 г., но и знаковым событием во всей летописи российско-вьетнамских отношений. В результате договоренностей, достигнутых в ходе саммита, российско-вьетнамские отношения вышли на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. Такая модель отношений между Россией и Вьетнамом адекватна нынешней мировой ситуации, она в полной мере учитывает основные глобальные и региональные тенденции. Сложившийся характер российско-вьетнамских отношений отвечает также фундаментальным национальным интересам сторон, учитывает цели и задачи их социально-экономического развития, особенности их внешнеполитического курса. По мере роста масштабов, наполнения все новым качественным содержанием российско-вьетнамское партнерство, несомненно, будет

приобретать все большую значимость в системе международных отношений в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

1. www.kremlin.ru/transkripts/16064.
2. Рос. газ. 2012. 27 июля.
3. www.kremlin.ru/transkripts/16064.
4. Пробл. Дальнего Востока», 2011. № 2 С. 27.
5. www.kremlin.ru/transkripts/16064.
6. Нян Зан. 2012. 10 сент.
7. www.kremlin.ru/transkripts/16064.
8. Тррpf.ru/ru/news.30.07.2012.
9. Рос. газ. 2012. 27 июля.
10. Тррpf.ru/ru/news.30.07.2012.
11. www.raspp.ru/novosti.30/07.2012.
12. Рос. газ. 2012. 30 июля.
13. www.n-mar.ru/news/3423-export3675.html.
14. Тррpf.ru/ru/news.30.07.2012.
15. www.km.ru/economics/2012/07/30.
16. Polpred.com. 2012. 30 июля.
17. Minenergo.gov.ru/press/min_news12703.html.
18. Нян Зан. 2012. 10 сент.
19. www.vietnam.mid.ru.
20. www.kremlin.ru/transkripts/16064.
21. Рос. газ. 2012. 27 июля.
22. [Нтpp:// www.mofa.gov.vn/vi/cn](http://www.mofa.gov.vn/vi/cn).
23. www.kremlin.ru/transkripts/16064.
24. ВИА. 2012. 17 июня.
25. Рос. газ. 2012. 27 июля.
26. Эксперт. 2012. № 27. С. 35.
27. Эксперт он лайн. 2012. 27 июля.
28. www.mid.ru-1461-29-07-2012.
29. www.fontanka.ru/2012/07/27/061.
30. www.mid.ru-03-07-2012.
31. Рос. газ. 2012. 27 июля.

Стратегии стран Восточной Азии в Арктике¹

© 2012

В. Конышев, А. Сергунин

Не только «официальные» полярные государства, но и ряд неарктических государств (включая Китай, Японию и Южную Корею), предъявляют права на освоенные природные ресурсы и транспортных маршрутов Арктики. В будущем это может привести к обострению их соперничества с Россией, обладающей богатыми ресурсами в полярном регионе и контролирующей Северный морской путь. В статье рассматриваются стратегии стран Восточной Азии в Арктике и возможности их сотрудничества с Россией в этом регионе.

Ключевые слова: арктические стратегии стран Восточной Азии, национальные интересы России.

Огромные природные запасы Арктики, а также полярные морские и авиационные маршруты, постепенно становящиеся более доступными из-за потепления климата в регионе, привлекают к себе всё большее внимание субъектов мировой политики. Это внимание связано не просто с новым регионом, который предстоит изучать и осваивать в связи с наметившимся потеплением климата. В последние годы Арктика, и в особенности арктический шельф, становится сферой геэкономического и геополитического соперничества ведущих стран мира².

В настоящее время сложилось четыре «круга» соперничества в Арктике.

Во-первых, в борьбе за ресурсы Арктики, прежде всего, участвуют пять «официальных» арктических держав (Россия, США, Канада, Дания, Норвегия), которые, имея побережье на Северном Ледовитом океане, обладают преимущественными правами на разработку ресурсов Арктики. При этом США, сохраняя мировое лидерство, строят свою арктическую политику как часть национальной стратегии по обеспечению глобального господства. Для арктической стратегии Вашингтона характерна ставка на односторонние действия и игнорирование тех международных организаций, где представлена Россия³.

Во-вторых, это приарктические государства, которые, не имея прямого выхода к Северному Ледовитому океану, тем не менее, находятся в непосредственной близости к Полярному кругу (Исландия) или обладают территорией, находящейся в Заполярье (Швеция и Финляндия)⁴. На этом основании их включили в Арктический совет, являющийся ведущей субрегиональной организацией.

Конышев Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: konyshev06@mail.ru.

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: sergunin60@mail.ru.

В-третьих, это — международные организации западных стран (НАТО, Евросоюз, организации стран Северной Европы), которые с недавних пор также активно стали участвовать в арктическом соперничестве⁵.

Вдобавок к указанным, стремительно возникает еще один — четвертый — «круг» соперничества вокруг Арктики, который не могут не учитывать Россия и другие региональные «игроки». Неарктические государства также стали проявлять интерес к освоению Арктики. Это неизбежно приведет к обострению экономических и политических противоречий в регионе, поскольку правовой режим Арктики в ряде случаев не позволяет однозначно провести разграничительные линии даже между «официальными» арктическими державами. Неарктические государства не имеют прав на разработку арктического шельфа, поскольку не имеют прямого выхода к Северному Ледовитому океану. Поэтому они объективно заинтересованы в пересмотре уже сложившихся правовых норм и сфер влияния, а также «интернационализации» региона.

Среди неарктических государств («нерегionalов», «внерегionalов») благодаря быстро растущей экономической мощи особое место занимают страны Восточной Азии: Китай, Япония и Республика Корея. Для них доступ к ресурсам Арктики — это залог успешного промышленного развития, связанного с растущими затратами энергоресурсов на долгие годы вперед. При этом данные государства обладают достаточным финансово-экономическим и научно-технологическим потенциалом для активного участия в освоении Арктики.

Значение Арктики для восточноазиатских государств

В отличие от полярной «платформы», официальных арктических стратегий у Китая, Японии и Южной Кореи, в которых бы были четко сформулированы приоритеты их арктической политики, нет, но их интересы в этом регионе мира очевидны. Они озвучиваются в основном представителями экспертно-научного сообщества, а официальные власти проявляют осторожность, чтобы не провоцировать «официальные» арктические государства, включая Россию. В итоге многие западные эксперты признаются, что «прорыв в восточноазиатских государствах в Арктику».

В свою очередь, многие восточноазиатские эксперты считают, что их государствам нужно отказываться от подчеркнуто нейтральной официальной позиции в арктических вопросах, потому что в будущем это может обречь данные страны на пассивную роль в Арктике и не дать им решающего голоса в делах региона⁶. Особенно откровенно выражают своё мнение военные. Так, адмирал ВМФ КНР Инь Чжо отметил, что «Арктика не принадлежит какому-то конкретному государству, но является собственностью всех народов мира, а Китай должен обязательно играть роль в освоении Арктики, потому что обладает одной пятой населения планеты»⁷. Подобные заявления противоречат устойчивой позиции Пекина по уважению суверенитета других государств и говорят, с одной стороны, о существенных интересах КНР в Арктике, а с другой — об отсутствии единого мнения по этому вопросу в высших эшелонах китайского руководства.

Интерес восточноазиатских государств в отношении Арктики объясняется следующими причинами:

Во-первых, Арктика привлекает «нерегionalов» наличием огромных запасов углеводородного сырья. По некоторым оценкам, в Арктике находятся 90 млрд баррелей нефти, 47,3 трлн куб. м газа, 44 млрд баррелей газового конденсата. По зарубежным оценкам, это составляет около 25% неразведанных запасов углеводородов в мире⁸.

Учитывая, что за исключением Китая, ни одно из рассматриваемых восточноазиатских государств не обладает серьезными запасами углеводородного сырья (а КНР

собственных запасов, кроме угля, хватит ненадолго), Арктика может стать для них важнейшей стратегической сырьевой базой уже в обозримом будущем. Несмотря на определенные технологические трудности и соответствующую стоимость, добыча нефтегазовых ресурсов на арктическом шельфе обещает быть рентабельной при цене около 150 долл. за баррель и выше. Учитывая нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке, такой рост цен вполне вероятен в ближайшем будущем. Это будет означать еще большую активизацию заинтересованных государств в борьбе за обладание ресурсами Арктики.

Что касается Китая, то он заинтересован в получении доступа к энергоресурсам Арктики для реализации своей главной цели — поддержания высоких темпов экономического развития, которые составляют 9–11% в год (в 2012 г. ожидается снижение прироста ВВП до 7,5%). По некоторым оценкам, потребление нефти в 2006–2030 гг. вырастет в два раза, достигнув 15 млн. баррелей в день. При этом собственных энергоресурсов Китаю явно не хватит даже с учетом значительных запасов угля. В этой связи китайское руководство приняло на вооружение стратегию развития энергетики, которая включает в себя три компонента: максимальное наращивание производительности энергетического сектора и привлечение в него внешних инвестиций; диверсификация способов производства энергии для понижения зависимости от поставок нефти и газа; диверсификация внешних поставщиков энергоресурсов⁹.

В докладе Китайской академии наук говорится, что за счет освоения полярных месторождений, страна может покрыть потребность в топливе на 50–60%¹⁰. В настоящее время поставки из района Персидского залива затруднены из-за нестабильной ситуации в регионе и постоянного военного присутствия США. Согласно последней военной доктрине Б. Обамы, опубликованной 5 января 2012 г., американские вооруженные силы сосредоточат свое внимание на путях транспортировки товаров и услуг в так называемой «южной арке», идущей от Ближнего Востока и Персидского залива, далее через Индийский океан и к Северо-Западной Азии¹¹.

Интерес Японии к ресурсам Арктики резко повысился после катастрофы на атомной электростанции Фукусима-1. Дело в том, что после этой катастрофы будущее ядерной энергетики, дававшей до 30% энергобюджета страны, оказалось под вопросом. Большинство атомных станций в зонах особо высокой сейсмоактивности уже закрыто или будет закрыто в скором времени. Взамен атомной энергетики Япония намеревается развивать альтернативные источники энергии — солнечную, ветровую, приливную и пр. Однако это потребует длительного времени, и по этой причине в кратко- и среднесрочной перспективе Япония, если она хочет восстановить и далее развивать свою экономику, должна будет увеличить потребление традиционных видов энергоресурсов — нефти и газа. В этой связи арктические запасы углеводородов и пути их транспортировки оказываются в центре пристального внимания Токио.

Во-вторых, в арктическом регионе (в основном в Арктической зоне России далее — АЗР) находятся огромные запасы редких и редкоземельных металлов, минералов, руд и другого сырья, имеющего стратегическое значение — апатитового концентрата, никеля, кобальта, меди, вольфрама, титана, хрома, марганца, платиноидов, олова, ртути, золота, серебра, алмазов и пр. Важной особенностью, например, никелевых месторождений в АЗР является комплексный состав руд, из которых попутно извлекается большое количество меди, металлов платиновой группы, а также золото, серебро, селен и теллур, что резко повышает ценность руды, несмотря на высокую себестоимость добычи и производства в условиях Крайнего Севера¹².

Не только АЗР, но и нероссийские районы Арктики представляют интерес для восточноазиатских стран. Так, из норвежского г. Киркенеса Пекин вывозит железную ру-

ду. В атлантическом секторе Арктики для Китая привлекательны недра Гренландии, которая обладает значительными запасами редкоземельных металлов, урана, железной руды, свинца, цинка, нефти, драгоценных камней. Для восточноазиатских стран доступ к этим ресурсам — залог их успешного промышленного развития на долгие годы вперед.

В-третьих, Арктика привлекает азиатские страны своими — в значительной степени нетронутыми — биоресурсами. Арктические моря служат ареалом существования множества уникальных видов рыб и животных, среди которых белый медведь, песец, нарвал, касатка, морж, белуха. Более 150 видов рыб населяют арктические и субарктические воды, в том числе важнейшие для рыбного промысла треска, сельдь, пикша, камбала. Особенно заметно вырос интерес к эксплуатации арктических биоресурсов у Токио, так как после упомянутой катастрофы значительная часть прибрежных и сопредельных вод Японии оказалась непригодной для добычи морепродуктов.

В-четвертых, Арктика — это интенсивно формирующийся международный транспортный коридор (точнее — коридоры), имеющий большие перспективы на будущее. Если речь идет о морских путях, то имеются ввиду, прежде всего, Северный морской путь (СМП), проходящий вблизи от арктического побережья России, и так называемый Северо-западный проход (СЗП), расположенный вдоль северного побережья Канады.

Так, в случае продолжения таяния льдов СМП имеет перспективу превратиться в важный транспортный коридор мирового значения, значительно сокращая маршруты морских перевозок между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. По СМП от Гамбурга до Иокогамы всего 6 600 морских миль, тогда как через Суэцкий канал — 11 400 миль.

СМП также интересует страны Восточной Азии в качестве не только более короткого, но и свободного от морского пиратства пути в Европу. Активность сомалийских пиратов привела к десятикратному повышению стоимости страхования морских грузоперевозок. По подсчетам китайских экспертов, доставка грузов северными маршрутами даст ощутимую прибыль в 60–120 млрд. долл. в год. Заинтересованность в СМП подтверждает заключение в 2010 г. соглашения о стратегическом партнерстве между ведущим российским перевозчиком Совкомфлотом и Китайской национальной газовой компанией. Китай будет главным пунктом назначения значительной части добываемых в Арктике (российской и нероссийской) энергоресурсов. Кроме того, Китай проявляет желание к сотрудничеству с Мурманской портовой особой экономической зоной, а также к перспективам судостроения и судоремонта¹³. Аналогичные интересы к СМП имеются и у Японии, и у Южной Кореи.

В настоящее время цель как «регионалов», так и «нерегionalов», а также западных международных организаций — интернационализировать СМП, а в перспективе вытеснить оттуда Россию.

СЗП также важен для восточноазиатских стран, т.к. по нему путь в Европу и на восточное побережье США и Канады короче (и дешевле), чем через Панамский канал.

Что касается воздушных путей, то кроссполярные маршруты — наиболее динамично развивающееся авиатранспортное направление в мире. Интенсивность авиаперевозок из Северной Америки в Европу и Азию (и обратно) через Северный полюс с каждым годом растёт, причем примерно в 4 раза быстрее, чем в среднем на рынке авиаперевозок. По некоторым экспертным оценкам, северное направление с транзитом через сибирские аэропорты в перспективе может стать основным на рынке азиатско-американских авиаперевозок¹⁴.

В-пятых, восточноазиатские страны, как и многие другие государства мира, озабочены глобальными изменениями климата, непосредственно влияющими на их экологию.

гну, хозяйственную деятельность и здоровье людей. И в этом смысле наблюдение за ситуацией в Арктике, которую образно называют «кузницей погоды» на Земле, является первостепенной задачей для научного сообщества этих стран. Для этих целей практически во всех крупных азиатских странах созданы институты полярных исследований, занимающиеся мониторингом состояния окружающей среды в Арктике (и в Антарктике).

Институциональные механизмы арктической политики

В настоящее время механизм формирования и осуществления арктической политики восточноазиатских стран находится в процессе становления и не во всех странах был до конца институционализирован (например, в Республике Корея).

В КНР на государственном уровне арктическую политику направляет Китайская администрация по делам Арктики и Антарктики, которая подчиняется Государственному океанологическому управлению. В ЦК Коммунистической партии Китая создан комитет по арктическим и антарктическим делам.

Из научных учреждений арктической тематикой занимаются более десятка ведущих университетов и исследовательских центров: Китайский институт полярных исследований в Шанхае (руководство экспедициями и научными исследованиями), Китайский институт морских исследований при администрации по делам Арктики и Антарктики в Пекине, Даляньский морской университет, Китайский океанологический институт при Академии наук (междисциплинарные исследования морей), Шэньянский институт автоматизации (разработка подводных роботов для работ на глубинах до 100 м), Университет океана в г. Циндао (геология), Китайский антарктический центр наблюдения и картографии и другие. По инициативе китайского правительства в 2007–2009 гг. было проведено комплексное исследование проблем Арктики по таким темам, как «разработка ресурсов Арктики», «транспортные системы Арктики», «правовой режим Арктики», «военные факторы в Арктике», но доклады опубликованы не были¹⁵.

В Японии для разработки правительственной арктической стратегии в июле 2010 г. было учреждено экспертное «Японское совещание по Арктике», призванное выявить пути вовлечения страны в управление регионом с учетом его экономического потенциала, преимуществ СМП и последствий изменений климата. В сентябре 2010 г. в структуре МИД была учреждена так называемая «Арктическая оперативная группа» («Arctic Task Force»)¹⁶.

Хотя Республика Корея не имеет формализованной стратегии в Арктике и специализированных государственных органов, отвечающих за принятие решений и реализацию политики на Крайнем Севере, ряд признаков тем не менее указывают на присутствие в работе правительственных структур системной деятельности в этой области. В частности, реализуемые Сеулом программы в Арктике направлены на осуществление исследовательских проектов мирового уровня, устойчивое присутствие в регионе, международно-правовое обеспечение равного доступа к его ресурсам и дипломатическую работу по достижению прочих позиций в регионе¹⁷.

Формы и методы арктической стратегии

КНР, Япония и Южная Корея не относятся к арктическим государствам, поэтому в рамках сложившегося международного права они не имеют прямого доступа к арктическому шельфу для разработки углеводородных ресурсов. Применительно к Арктике все три рассматриваемых государства являются сторонниками Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., на основе которой решаются споры о принадлежности континентального шельфа. В то же время они на официальном уровне высказываются за то, чтобы

и неарктические государства тоже получили права на хозяйственную деятельность в этом регионе. В их интересах (как и в интересах других неарктических государств) пересмотр сложившегося правового режима, при котором только пять арктических государств имеют преимущественные права на прилегающий шельф. Страны Восточной Азии не играют существенной роли в субрегиональных организациях. Так, Китай пока является лишь временным наблюдателем в Арктическом совете, а Япония — наблюдателем в Совете Баренцева-Евроарктического региона (СБЕР). Поэтому они не имеют непосредственных рычагов для влияния на арктическую политику. В такой ситуации эти государства стараются организовать проникновение в Арктику самыми разными путями.

Формы и методы их арктической политики включают следующее:

Проведение научных исследований с целью обеспечения своего регулярного присутствия в Арктике. До прихода в Арктику, Китай проводил интенсивные научные исследования в Антарктиде с 1984 г. Там было организовано более 26 экспедиций и создано три станции. Формирование арктического фокуса китайских полярных исследований относится к 1995 г., когда группа китайских ученых впервые побывала на Северном полюсе. Регулярные арктические экспедиции проводятся с 1999 г. по следующим направлениям: структура льда и динамика его таяния, океанография, биосфера, верхние слои атмосферы, экология, последствия влияния изменения климата на экономическую деятельность, мониторинг погоды. Исследования ведутся в двух секторах Северного ледовитого океана: атлантическом и тихоокеанском¹⁸. К настоящему времени были проведены три китайские полярные экспедиции.

Пока это только научные исследования, так как у Китая нет собственной инфраструктуры в регионе. В 2004 г. на Шпицбергене была открыта первая научная станция «Хуанхэ». Все объекты станции «Хуанхэ» на Шпицбергене построила Норвегия, она же обеспечивает обслуживание станции. До 2008 г. китайцы осуществили там 8 подводных исследований, используя модернизированную версию глубоководного робота, которая способна погружаться на глубину до 100 м¹⁹.

Для проведения регулярных исследований выделяются значительные финансовые средства, а на Украине был куплен крупнейший в мире дизельный ледокол, получивший название «Снежный дракон». В порту его приписки — Шанхае — строится инфраструктура для обработки данных: обновляются портовые сооружения, строятся хранилища для образцов льда, центры обработки информации и др. В 2009 г. Госсовет Китая принял решение о строительстве собственных ледоколов, первый из которых планируется построить к 2013 г. Он будет способен двигаться без остановки около 20 тыс. морских миль, проходить льды толщиной до 1,5 м, иметь батискафы и подводных роботов для изучения морской среды и донных поверхностей²⁰.

Китай проявляет активный интерес к сотрудничеству с Россией в научном исследовании Арктики. Обсуждаются возможности создания совместной полярной станции, а заодно и свободного прохода китайских судов по Северному морскому пути. Наложены связи между Геологическим институтом Кольского научного центра РАН и Институтом геологии Академии наук Китая (Пекин). Взаимный интерес представляют технологии бурения сверхглубоких скважин, поиски и разработка хромитовых, медно-никелевых и золоторудных месторождений²¹. Китай проявляет готовность к сотрудничеству с Ямало-Ненецким АО как инвестиционной площадкой для широкого взаимодействия с нефтегазовым комплексом России.

В Японии разработка программ наблюдений за полярными климатом, биологией и геологией осуществляется Национальным институтом полярных исследований (НИПИ), который является ведущим научным учреждением в данной области. Он был

основан в 1973 г. как межуниверситетский центр полярных исследований, а в 2004 г. был реорганизован в самостоятельное исследовательское учреждение, входящее в государственную систему научно-исследовательских организаций — Исследовательскую организацию информации и систем²².

До недавних пор НИПИ в основном занимался изучением Антарктиды, но начиная с двухтысячных годов, он постепенно стал переориентироваться на арктическую проблематику. В 1991 г. при содействии Норвегии НИПИ открыл в поселке Нью-Олезуид на о. Шпицберген (79° северной широты) научную станцию, которая занимается мониторингом воздушной среды, а также радиационной обстановки. НИПИ активно участвует в международном научном проекте Международный полярный год. Он публикует несколько периодических научных изданий на японском и английском языках.

С 1993 г. НИПИ организовал очную двухуровневую аспирантуру по полярным исследованиям. Обучение первой ступени длится 5 лет, второй ступени — 3 года. Для обучения в аспирантуре НИПИ направляются слушатели из всех японских университетов, изъявившие желание заниматься арктической тематикой.

С 1993 г. центром, координирующим изучение арктической проблематики и разрабатывающим научно-экспертные основы политики в данной сфере, является Фонд исследований океанской политики. Фонд выступает головной структурой в программах по изучению СМП. Так, он обеспечивал японский сегмент международной программы INSROP (Международная программа по Северному морскому пути), осуществлявшейся в два приема в 1993–1995 гг. и в 1997–1998 гг. В 2002–2006 гг. он отвечал за аналогичную национальную программу — JANSROP Phase II («Программа обеспечения устойчивого развития Восточной Евразии, фаза II»), сфокусированную на восточной части СМП, Сибири и российском Дальнем Востоке, Охотском море²³. Характерно, что предметом изучения японских специалистов являлись не только технические, но и международно-правовые и военно-стратегические аспекты эксплуатации СМП.

Формирование полярного вектора в научно-исследовательской политике Южной Кореи относится к середине 1980-х гг., когда Корейский институт океанологии начал собственную антарктическую программу. В 2002 г. Южная Корея открыла на Шпицбергене станцию «Дасан», проводящую исследования климатической динамики и экологии морских растений.

Страна активно участвует в работе нескольких арктических организаций и консорциумов, например, в Международном арктическом научном комитете. Весной 2011 г. Южная Корея выступила организатором международной Арктической научной недели.

Примечательно также, что официальные круги Южной Кореи напрямую увязывают арктическую исследовательскую программу с вопросами национальной безопасности. Соответственно, мероприятия по строительству ледокольного флота и развитию исследовательской инфраструктуры в полярных районах рассматриваются в политико-стратегическом контексте²⁴.

Территориальное закрепление в Арктике. Это достигается прежде всего за счет создания всеми тремя восточноазиатскими странами станций на Шпицбергене. А Китай всерьез нацелен на покупку части территорий у малых приарктических государств. Так, например, Исландия, испытывающая серьезные финансовые трудности на фоне европейского экономического кризиса, является одним из объектов китайского интереса. Китайский бизнесмен предложил выкупить территорию островного государства площадью в 300 кв. км. за 100 млн долл. для строительства экологического курорта, а перспективе строительства порта. Исландия, которая поначалу всерьез рассматривала это предложение, была вынуждена отказать Китаю под сильным давлением США и Ве-

ликобритании, которые опасались усиления китайского контроля над арктическими путями доставки грузов.

Участие в двусторонних и многосторонних коалициях по изучению и разработке ресурсов Арктики. В таком сотрудничестве заинтересовано большинство арктических государств, в том числе и Россия, которая испытывает сложности и с финансированием, и с технологиями для освоения имеющихся у нее ресурсов. Например, три крупнейшие китайские компании готовы участвовать в освоении нефтегазовых месторождений в АЗР: Китайская национальная нефтегазовая корпорация, Китайская национальная нефтехимическая промышленная корпорация и Китайская национальная корпорация по освоению и эксплуатации морских нефтегазовых ресурсов. Однако пока они отстают в технологиях разведки на шельфе²⁵. Прорабатывается участие китайских компаний в инвестировании строительства завода по сжижению газа в Ямало-Ненецком автономном округе (проект «СПГ-Печора») ²⁶. Эксперты считают вполне возможным участие китайского капитала в разработке Штокмановского месторождения. Здесь Китай заинтересован в получении технологического опыта глубоководного бурения, который он надеется получить от сотрудничества с Газпромом, *Total* (Франция) и *HydroStatoil* (Норвегия).

В Гренландии уже есть инвестиции китайских фирм *Sinosteel* и *China Communications Construction Corp.*, *Inner Mongolia Baotou Steel Rare Earth*. Большие выгоды сулит, например, разработка месторождения редкоземельных металлов в Кваненфельде, которое по запасам способно обеспечить 20% мирового спроса²⁷. По мере того как Китай будет закрепляться в Гренландии экономически, все более актуальным будет маршрут доставки грузов через Северо-западный проход. В Норвегии китайская государственная компания *China Invest Corporation* покупкой 30% акций у *Gas de France Suez* получила доступ к разработке месторождения «Хейло». Таким образом, Китай закрепляется и в Баренцевом море²⁸.

В будущем Китай будет делать ставку на опережающее экономическое присутствие в Арктике, в особенности на пространствах за пределами шельфа в направлении Северного полюса, где нет четкой регламентации экономической деятельности. Профессор Национального университета обороны НОАК Ли Ли в этой связи заявил: «Кто начал первым, тот, вероятнее всего, будет иметь преимущества в будущем»²⁹.

Схожей тактики проникновения в Арктику придерживается и Япония. В частности, первоочередным объектом интереса Токио стала арктическая часть Канады. В ноябре 2010 г. канадские и японские специалисты предприняли успешный эксперимент по добыче газа из гидрата метана, пробуриив скважину на берегу моря Бофорта. Им удалось вести добычу газа на протяжении шести дней, что оценивается экспертами как очень хороший результат. Хотя на промышленный уровень добычи газа из гидрата в Арктике, по мнению специалистов, удастся выйти не ранее чем через 10–15 лет, этот эксперимент лишний раз продемонстрировал, каким неисчерпаемым энергетическим потенциалом обладает этот регион. По некоторым оценкам, в арктической зоне Канады находятся запасы гидрата метана, которых хватит для того, чтобы обеспечить потребности этой страны в газе на несколько сотен лет³⁰.

Использование международных организаций, действующих в Арктике. Как уже отмечалось, восточноазиатские страны не представлены в субрегиональных организациях вообще (Республика Корея) или представлены на очень низком уровне и не во всех организациях (КНР и Япония). Стремясь изменить ситуацию и повысить свой вес в регионе, Китай подал заявку на статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете который официальный Пекин считает самой влиятельной организацией. В настоящее время Китай является лишь временным наблюдателем в совете.

При этом Китай стремится получить новый статус при поддержке Норвегии и Дании, которые заинтересованы в получении финансовой помощи от Китая для собственных арктических программ. Правда, пока политические отношения Норвегии с Китаем находятся на весьма низком уровне из-за того, что в 2011 г. Нобелевский комитет присудил премию мира китайскому диссиденту, осужденному на 11 лет. Однако это, скорее всего, временный конфликт, и компромисс рано или поздно всё-таки будет найден. По крайней мере, министр иностранных дел Норвегии заявил, что Осло по-прежнему поддерживает стремление КНР стать постоянным наблюдателем в АС³¹. С 1996 г. Китай является членом Международного научного комитета по изучению Северного полюса³².

Что касается Японии, то, пользуясь неразберихой начала 1990-х гг., когда российская дипломатия была не в состоянии адекватно отстаивать национальные интересы страны, Токио сумел войти в число девяти наблюдателей Совета СБЕР, созданного по инициативе Норвегии в 1993 г. (которая и лоббировала интересы Токио в момент создания Совета)³³. Япония активно участвует в тех проектах СБЕР, которые направлены на охрану и освоение арктических биоресурсов, развитие транспортных систем, уточнение правил мореходства и проведение разнообразных научных исследований.

Поскольку СБЕР не является самой авторитетной субрегиональной организацией, сравнимой по статусу и возможностям с АС, Япония, как и другие «нерегионалы», стремится проникнуть именно в эту организацию. В апреле 2009 г. Япония подала заявку на участие в АС в качестве постоянного наблюдателя.

Южная Корея подала аналогичную заявку в АС еще раньше — в 2008 г.

Поддержка инициатив по пересмотру правового статуса Арктики. Как и многие другие неарктические государства, все три восточноазиатских государства проявляют заинтересованность в пересмотре правового статуса Арктики в пользу превращения её в общую «кладовую запасов» всего человечества, а Севморпуть и СЗП предполагается вывести из-под контроля России и Канады.

Показательно заявление китайского эксперта Ли Цзэнфу из Даляньского морского университета по этому поводу: «Кто получит контроль над арктическим маршрутом [СМП. — Авт.], тот будет контролировать новый путь мировой экономики».³⁴ «Нерегионалы» призывают к международному сотрудничеству, тогда как попытки «официальных» арктических государств закрепить свои права на шельф рассматриваются как «вызов, который бросает международному порядку и международному праву Россия и некоторые другие государства после окончания холодной войны»³⁵. По линии своих МИДов «внерегионалы» проводят линию на пересмотр правового статуса Арктики в соответствии с новыми обстоятельствами, возникающими в результате таяния полярных льдов. Это означает, что вопросы освоения Арктики получают не только региональное, но и глобальное измерение.

Представители экспертно-академического сообщества трех стран, избавленные от необходимости соблюдения дипломатического этикета, особенно откровенно поясняют свою позицию в отношении перспектив «интернационализации» Арктики. Так, один китайский аналитик прямо заявил: «Циркумполярные нации должны понять, что Арктика более не является предметом межрегиональных отношений, это международное дело, а вопрос о делимитации более 80% арктического шельфа не может быть решен без Китая»³⁶. Японские эксперты подчеркивают, что к освоению региона должны быть допущены прежде всего те страны, которые имеют не только интересы, но и соответствующие материально-технические возможности³⁷.

Ведение сложной многоходовой политической борьбы по привлечению союзников. Потенциальными союзниками восточноазиатских стран являются прежде все-

го приарктические государства, имеющие половинчатый статус в арктических делах. Это — уже упоминавшиеся Исландия, а также Швеция и Финляндия. Несмотря на то, что они расположены или в непосредственной близости к региону, а два последних государства даже имеют полярные сухопутные владения, они все же не имеют прямого выхода к Ледовитому океану и, соответственно, прав на разработку шельфа. В то же время по линии дипломатии они всячески стремятся доказать свой арктический статус для получения хоть каких-то привилегий в Арктике.

Кроме того, те члены «официального арктического клуба», которые не в силах противостоять в одиночку крупным государствам (США или Россия) тоже могут искать экономической и политической поддержки у стран Восточной Азии. Так, в последнее время на этом направлении наблюдается активизация Дании, которая становится «ключевым коридором для китайского экономического и стратегического проникновения в Арктику»³⁸. Посол Дании заявил в Пекине, что Китай имеет в Арктике «естественные и законные экономические и научные интересы»³⁹ несмотря на отсутствие у него береговой линии в полярном регионе.

Поддерживая Китай, Дания стремится укрепить затем свое влияние в АС и опереться на финансы Китая для разработки ресурсов подконтрольной ей Гренландии. Ни у Дании, ни у правительства Гренландии нет финансовых и экономических возможностей для самостоятельной разработки полезных ископаемых в полярных условиях. В этом отношении союз Дании и Китая выглядит взаимовыгодным, а США отходят на второй план. Показательно, что самое большое по составу посольство Дании находится именно в Китае, и оно в два раза многочисленнее датского посольства в США.

Что касается Японии, то она сделала ставку прежде всего на Норвегию, которая благосклонно относится к арктическим притязаниям Токио. Так, общность интересов двух стран в Арктике была зафиксирована на совместном семинаре по полярной проблематике в апреле 2010 г. в Токио и на международной конференции по Арктике в норвежском Тромсё (январь 2011 г.)⁴⁰. Еще один объект интереса со стороны Японии — это Канада, которая, как уже отмечалось, также заинтересована в привлечении иностранных капиталов и технологий для освоения минеральных ресурсов своей арктической зоны.

Куда ведет Восток Полярная звезда?

Как же восточноазиатские страны представляют себе дальнейшее развитие геоэкономической и геополитической ситуации в Арктике, и как будут складываться их отношения с ключевыми региональными «игроками»? Некоторые эксперты не исключают в перспективе военного противостояния в Арктике из-за обострения экономических и политических противоречий. Причем, одним из вариантов развития событий в Арктике, прогнозируемых, скажем, китайскими военными экспертами, является сценарий глобальной «топливной войны»⁴¹. Впрочем, сами восточноазиатские страны едва ли пожелают стать участниками такого конфликта, не имея там никакой инфраструктуры для поддержки операций на удаленном театре военных действий. К тому же у них есть свои нерешенные территориальные проблемы — статус островов в Южно-Китайском море, спорные острова между Китаем и Японией, Южной Кореей и Японией.

Скорее всего в обозримом будущем страны Восточной Азии будут делать ставку на активный политико-дипломатический диалог с другими региональными «игроками», причем даже в тех вопросах, которые вызывают у них серьезное беспокойство. В частности, три восточноазиатских государства выражают озабоченность действиями полярной «пятерки» по укреплению своего военного потенциала в Арктике, которые нашли отражение в регулярном проведении военных маневров Россией и странами-членами НАТО

и наращивании их военного присутствия в регионе. Негативно были восприняты установка российского флага на дне океана в точке Северного полюса и возобновление полетов российской стратегической авиации в полярной зоне.

В то же время это не мешает, скажем, активному развитию военно-технического сотрудничества между Россией и КНР. Так, китайские военные предметно знакомятся с возможностями вооруженных сил России в арктических условиях в ходе официальных визитов, один из которых возглавил Чэнь Биндэ, бывший начальник генерального штаба НОАК⁴². Делегации посетили атомную подводную лодку, авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов», а также расположение отдельной мотострелковой бригады, дислоцированной в Печенге, включая полигоны и стрельбища.

В целом же «острнее» арктической стратегии стран Восточной Азии в обозримом будущем будет направлено против России, США и Канады, которые не собираются делиться своими правами и обладают достаточными ресурсами для защиты своих интересов в Арктике.

Отметим при этом, что интересы, скажем, Канады и России объективно ближе друг другу в противопоставлении к позиции трех восточноазиатских стран: то и другое государство имеют протяженные заполярные территории и береговые линии; Россия и Канада защищают национальный контроль за арктическими морскими путями (СМП и СЗП); обе страны заинтересованы в нерасширении «арктического клуба» и углублении международного сотрудничества, прежде всего, в рамках АС. Россия и Канада давно предлагали точнее определить статус постоянных наблюдателей для неарктических государств и международных организаций в АС⁴³. Тем самым для неарктических государств и международных организаций был бы четко прописан предел их возможностей в Арктике и одновременно подтвержден приоритет пяти прибрежных полярных стран. Это выгодно как России, так и Канаде, имеющих самые протяженные границы в Арктике. Такой документ, позволяющий упорядочить процесс предоставления статуса наблюдателя внеарктическим государствам и организациям, а также ясно определяющий права и обязанности наблюдателей в АС, в конце концов, был разработан и подписан на министерской встрече совета в Нууке (Гренландия) в мае 2011 г.⁴⁴. На следующей министерской встрече, которая планируется на 2013 г., будут приняты первые решения о том, кому ещё будет предоставлен статус постоянного наблюдателя.

Что касается требований трех восточноазиатских стран относительно «интернационализации» арктических ресурсов и маршрутов, то даже канадские эксперты отмечают, что такая позиция подрывает претензии Пекина на о. Тайвань, острова Сенкаку в Восточно-Китайском море и ряд спорных островов в Южно-Китайском море, а также претензии Японии на Южные Курилы и группу островов Токто (Такэсима), относительно которых у Токио существуют противоречия соответственно с Москвой и Сеулом⁴⁵.

Противоречиво складываются отношения восточноазиатских стран с США в Арктике. С одной стороны, их геополитические устремления отчасти совпадают в том плане, что они добиваются для себя принципа «свободы рук» в регионе, но делают это различными путями. США во многом игнорируют АС, не ратифицируют Конвенцию по морскому праву 1982 г. и занимают в целом антироссийскую позицию. «Нерегионалы» же делают ставку больше на экономическое проникновение в Арктику и участие в международных организациях, чем на обострение конфликтов. Они в принципе готовы к сотрудничеству с Россией в регионе (особенно Китай). В целом же, учитывая нарастающее глобальное соперничество за ресурсы и политическое влияние в регионе, а также глобальное соперничество между США и Китаем, в Арктике вряд ли возможен полноценный союз этих государств на антироссийской основе.

Что касается остроты соперничества трех восточноазиатских стран с Россией по поводу Арктики, то она будет зависеть от нескольких общих факторов, порой противоположной направленности. С одной стороны, потребность этих стран в арктических минеральном сырье и путях сообщения будет толкать их на сотрудничество с Россией. В случае с Пекином его сотрудничеству с Москвой в арктических вопросах способствует динамично развивающееся стратегическое и экономическое партнерство между двумя странами. По мнению российского китаевода С. Лузянина, отношения с Россией ценятся китайским руководством выше, чем с любой другой страной мира⁴⁶. Доминантой для китайского руководства останется сохранение стабильности внутри страны и за ее пределами как важнейшего условия дальнейшего развития государства.

В то же время наступательному характеру арктической политики трех восточноазиатских государств будут способствовать нехватка энергоресурсов и различного сырья, которые необходимы для поддержания высоких темпов развития, а также наметившаяся ревизия приоритетов их внешней политики в целом как следствие роста влияния этих стран в мировой экономике и политике. Особенно это заметно в случае с Китаем, у которого появились глобальные интересы, соответствующие его растущему экономическому и военно-стратегическому потенциалу. Но при этом внешняя политика указанных государств в обозримом будущем будет строиться предельно прагматично, сквозь призму национальных интересов, а не глобальных проблем или «глобальной ответственности» (что присуще, скажем, США), и это необходимо учитывать России.

В отношении России восточноазиатские страны тактически будут проводить свою политику в зависимости от складывающейся конъюнктуры, но стратегически она будет определяться их собственными интересами экономического характера. В том числе они не заинтересованы в расширении шельфа России за счет подводных хребта Ломоносова и поднятия Менделеева и по возможности будут препятствовать прохождению российской заявки на эти территории через Комиссию ООН по шельфу, когда она туда поступит. Они будут поддерживать инициативы других государств, в частности США и Норвегии, по интернационализации СМП.

Таким образом, арктическая политика трех восточноазиатских государств открыта для взаимовыгодного сотрудничества с Россией, но в ней присутствует и антироссийский вектор. Он состоит в том, что эти страны будут добиваться:

- доступа к разработке ресурсов в Арктической зоне России для последующей транспортировки в Восточную Азию, а не переработки в России;
- особых прав на льготное пользование СМП, а в перспективе на его «интернационализацию» в союзе с другими заинтересованными государствами;
- поддержки на политико-дипломатическом уровне инициатив, направленных на нейтрализацию прав арктических государств (включая Россию) на шельф и ревизию правового режима Арктики в пользу неарктических государств.

С точки зрения национальной безопасности Российской Федерации, устремления стран Восточной Азии в Арктике имеют противоречивый характер. С одной стороны, их действия могут нанести ущерб экономическим и военно-стратегическим интересам России в регионе. В более общем (глобальном) плане следует учитывать возможность того, что усилиями этих стран в Арктике отрабатываются политико-правовые методики и информационные технологии по обоснованию статусов «terra et aqua nullius» (лат. — «ничейные земля и вода»), «интернационализации» имеющихся там ресурсов и обеспечению доступа к последним без применения военно-силовых средств.

С другой стороны, страны Восточной Азии обладают значительным финансово-экономическим и научно-технологическим потенциалом, который может оказаться по-

лезным России в деле освоения Арктики. России необходимо избирательно подходить к использованию этого потенциала и вырабатывать механизмы «тонкой настройки» для взаимодействия с восточноазиатскими странами в Арктике, памятуя при этом о необходимости защиты своих национальных интересов и установления определенных пределов для сотрудничества с ними.

1. Статья написана по итогам научного проекта с Российским институтом стратегических исследований.
2. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Арктика на перекрестье геополитических интересов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 9. С. 43–53; *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. № 14. С. 2–9; *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: Росс. инст-т стратегич. исслед. 2011.
3. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Арктические стратегии стран Северной Америки и Россия // *Россия и Америка в XXI веке*. 2011. № 2. С. 11. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Новая доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2012. № 14. С. 2–9; *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Ремилитаризация Арктики и безопасность России // *Национальная безопасность*. 2011. № 3–4. С. 55–67; *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2011. № 1. С. 23–36; *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление? // *Обозреватель—Obsesver*. 2010. Т. 251. № 12. С. 87–95.
4. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Северная Европа: общий арктический вектор // *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2011. № 24 (40). С. 10–13.
5. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Международные организации и сотрудничество в Арктике // *Вести. международн. организаций*. 2011. № 3. С. 27–36; *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Ремилитаризация Арктики и безопасность России. С. 55–67; *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Северная Европа: общий арктический вектор. С. 10–13.
6. *Jakobson L.* Preparing for an ice-free Arctic. — URL: <http://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/3581-Preparing-for-an-ice-free-Arctic-2>
7. *Jakobson L.* Preparing for an ice-free Arctic. — URL: <http://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/3584-Preparing-for-an-ice-free-Arctic-3>
8. *Smith M., Giles K.* Russia and the Arctic: “The last Dash North” // *Russia Series (Defence Academy of the United Kingdom)*. 2007. № 07/26. P. 1.
9. *Weitz R.* China-Russian security relations: strategic parallelism without partnership or passion? Carlisle: Strategic Studies Institute, 2008. P. 17–18.
10. Арктические батальоны. Перезагрузка. URL: <http://www.magazine.rbc.ru/2011/10/12/main/562949981711759.shtml>.
11. *Sustaining Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense*. Washington: U.S. Department of Defense. 2012. URL: <http://graphics8.nytimes.com/packages/pdf/us/20120106-PENTAGON.PDF>.
12. *Витязева В.А., Котырло Е.С.* Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. Сыктывкар: Сыктывкар. гос. уни-т. 2007. С. 128.
13. Китайцев больше интересует мурманский порт. URL: <http://www.b-report.com/news/item/59779.html>.
14. Кросс-полярный экспресс. — URL: http://www.zubow.ru/page/1/225_1.shtml.
15. *Jakobson L.* China prepares for an ice-free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*. 2010. № 2. P. 5.
16. Launching of the «Arctic Task Force». URL: http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2010/09/0902_01.html.
17. *Kim Se-jeong.* Korea Wants to Join in Arctic Projects // *The Korea Times*. 2008. 24 Aug.
18. *Spears J.* A Snow Dragon in the Arctic. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/MB08Ad01.html>.

19. *Самсонов А.* Китай готовится к "битве за Арктику". URL: <http://topwar.ru/7335-kitay-gotovitsya-k-bitve-za-arktiku.html>.
20. *Sakhuja V.* China Arctic calculus and Iceland. New Deli: Society for Study of Peace and Conflict, 2011 (SSPC Issue № 3). P. 6.
21. Сверхглубокая точка касания. Какие интересы объединили китайских и наших ученых? URL: <http://www.mvestnik.ru/print.asp?pid=201108043060>.
22. National Institute of Polar Research Japan 2011–2012. Tokyo: National Institute of Polar Research, 2011.
23. *Akiyama M.* Japan's Interest in the Arctic Ocean. Paper delivered at the international conference "Arctic Frontiers 2011", Tromso, Norway, 23–28 January 2011.
24. *Molle K.* South Korea and Polar Regions. URL: polarconservation.org/education/antarctic-bases/south-korea-andantarctica/south-korea-and-the-polar-regions.
25. Насколько Россия и США пустят Китай в Арктику? URL: http://www.asia-business.ru/lenta/china/2011/09/07/news_1003.html.
26. У проекта «Печора-СПГ» может появиться инвестор из Китая. URL: <http://www.barentsobserver.com/-l-r.4903461-16149.html>.
27. Новая стратегическая цель Китая: полезные ископаемые Арктики. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20120206/184833929.html>.
28. Китай уже в Баренцевом море. URL: <http://www.barentsobserver.com/index.php?id=4957335&xxforcedir=1&noedit=1>.
29. Норвегия встала на пути Китая в Арктику. URL: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/30/64943406.html>.
30. Канада и Япония начали добычу газа в Арктике. URL: <http://test.actualcomment.ru/news/17083/>
31. Despite Nobel, Norway Favors China Role in Arctic. URL: http://www.scandasia.com/viewNews.php?news_id=8272&coun_code=no.
32. The Development of China's Marine Programs. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/topics/3711/t18985.htm>.
33. Кроме Японии в число наблюдателей СБЕР входят Великобритания, Германия, Италия, Канада, Нидерланды, Польша, Франция, США.
34. Китай позарился на российскую Арктику. URL: http://www.ng.ru/world/2010-03-03/1_china.html.
35. *Самсонов А.* Китай готовится к "битве за Арктику". URL: <http://topwar.ru/7335-kitay-gotovitsya-k-bitve-za-arktiku.html>.
36. Цит. по: *Подоплекин А.О.* Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств // Вестн. Помор. уни-та. Сер. Гуманитар. и соц. науки. 2011. № 2. С. 43.
37. *Keisuke Okada.* Japan asked to join new Arctic shipping regime. URL: search.japantimes.co.jp/cgi-bin/nn20081107a9.html.
38. China's new strategic target: Arctic minerals. URL: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2012/01/18/china%E2%80%99s-new-strategic-target-arctic-minerals/>
39. Китай вступает в арктическое уравнение. URL: <http://www.inosmi.ru/arctica/20111031/176857434.html>.
40. См., например, речь норвежского посла в Японии на этом семинаре: Norway's Polar Strategy by Ambassador Arne Walther, Norway — Japan Polar Seminar, Tokyo, Japan, 26 April 2010. URL: norway.or.jp/Embassy/English/ambassador/Ambassadors-Speeches/NorwaysPolarStrategy.
41. *Лазарева Т.* Китай спешит к разделу «арктического пирога». URL: <http://atrinfo.ru/commentary/pie.html>.
42. Мурманский вестник. 2011. 9 авг. URL: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=201108093123>.
43. *Hannaford J.* Canada's Arctic foreign policy. 2011. 24 Jan. URL: <http://www.circumpolar.gc.ca>.
44. Стенограмма интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова российским СМИ по итогам участия в заседании Арктического совета, г. Нуук, 12 мая 2011 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/1C9544E2A6C34E6EC325788F00506EE.0.
45. *Silbey R.* China enters the Arctic equation. URL: <http://www.vancouver.sun.com/news/China+enters+Arctic+equation/5625478/story.htm>.
46. *Лузянин С.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognostiches_kij_diskurs_2011-11-29.htm.

Российское китаеведение

Изучение китайской философии и религии в России в 1990-е годы*

© 2012

М. Титаренко, А. Ломанов

В статье рассмотрены основные тенденции и научные события в изучении в России китайской философии и религии в 1990-е гг. Среди наиболее важных направлений выделены создание обобщающих справочно-энциклопедических изданий, изучение воздействия китайской философии на формирование облика китайской цивилизации, исследование современной роли конфуцианства, выявление специфики теоретико-методологических основ китайской традиционной мысли.

Ключевые слова: Россия, китаеведение, философия, религия, цивилизация.

Значительный вклад в изучение китайской духовной культуры в XIX в. внесли служители Русской Духовной Миссии в Китае (РДМК) о. Иакинф (Н.Я. Бичурин), основатель университетской традиции российского китаеведения В.П. Васильев и его ученик С.М. Георгиевский. Архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) впервые подверг научному анализу развитие религиозной филологии в Китае и подготовил наиболее полный по тому времени словарь китайского языка, работу над которым завершил старший драгоман российской дипломатии в Китае П.С. Попов. Им же были осуществлены переводы основополагающих книг китайской духовности — «Лунь юя» Конфуция и книги «Мэн-цзы». Наследие этих основоположников российского китаеведения стало прочной основой для последующей научной работы. Становление изучения истории китайской философии в качестве специализированной исследовательской сферы получило в нашей стране новый размах с 1930-х гг.

Основатель отечественного историко-философского китаеведения А.А. Петров в 1935 г. заметил: «История философии Китая как науки, как частной области истории философии вообще, еще не существует, и перед советским китаеведением стоит грандиоз-

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, доктор философских наук, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

ная задача ее создания»¹. Эта задача в целом была решена в 1960-е гг., динамичное и устойчивое развитие исследований в области китайской философии происходило в 1970–1980-е гг.

Выдающийся отечественный китаевед В.М. Алексеев обращал большое внимание на соединение синологической подготовки исследователя с овладением профессиональными познаниями в одной из гуманитарных наук. Эта мысль нашла отражение в его конспектах вводных лекций в Ленинградском государственном университете на 1944–1948 гг. «Философия. Проблема сущности учений Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы и многих других так и остается проблемой. Здесь одного «ходового» знания китайского языка недостаточно. Нужен китаист-философ, надлежаще образованный»². Во второй половине XX в. в нашей стране были подготовлены исследовательские кадры с профессиональным философским образованием и знанием китайского языка.

В 1990-е гг. российские китаеведы-философы, опираясь на достижения предыдущих десятилетий, унаследовали и развили лучшее из уже сформировавшейся научной традиции изучения китайской философии, преодолели идеологическую ангажированность, проявлявшуюся в поисках лишь материалистических идей в истории китайской мысли, расширили спектр своих научных изысканий. Это позволило преодолеть односторонность в подходах к истории китайской культуры в целом и дать максимально полную многоцветную палитру развития китайской философии и духовной культуры в целом. Среди отличительных черт отечественной школы историко-философского китаеведения следует указать на уважение к китайской культуре, стремление видеть в ней не только объект исследования, но и равноправного партнера по диалогу, неотъемлемую часть компендиума человеческой мысли. Стремление выявить общее в философском мышлении Китая и Запада сформировало среди отечественных ученых неприятие крайностей — будь то европоцентричное пренебрежение к китайскому идейно-теоретическому наследию или синоцентричное желание заявить о превосходстве китайской мысли над всеми иными традициями. При этом исследователи бережно и внимательно относились к национальной специфике китайской мысли, старались создать сбалансированную и всестороннюю картину ее развития, выявить связи философских поисков с социальными процессами в истории.

В советский период изучение китайской философии в нашей стране развивалось по двум направлениям. Первое направление — это перевод трудов китайских авторов. Второе направление, органически связанное с первым — исследование основных направлений китайской философской мысли.

В 30-е годы XX в. А.А. Петров опубликовал первый очерк истории китайской философии, он стал автором серии новаторских фундаментальных работ — исследования философии Ван Би с приложением перевода трактата «Чжоу и люэ ли», очерка мировоззрения Ян Чжу, монографии о Ван Чуне³. В 1937 г. в Ленинграде Ю.К. Щуцкий завершил исследование и первый перевод на русский язык «Книги перемен» (И цзин) — одного из древнейших китайских письменных памятников⁴. Традиции этих ученых продолжил Ян Хиншун, который перевел «Дао дэ цзин» и дал интерпретацию этой книги в духе материалистических концепций⁵.

В 1960-е гг. серьезным прорывом в изучении древнекитайской философии стала книга Ф.С. Быкова о зарождении китайской общественно-политической и философской мысли⁶. В исследовании древней китайской экономической мысли В.М. Штейн опубликовал отрывки из «Гуань-цзы» и ряда других классических произведений⁷. Полный перевод на русский язык текстов Ян Чжу, Ле-цзы и Чжуан-цзы увидел свет в книге Л.Д.

Позднеевой⁸. Л.С. Переломов перевел «Книгу правителя области Шан», в начале 1980-х ученый опубликовал глубокое исследование философских и политических взглядов легионов⁹.

В 1969 г. в серии «Философское наследие» издательства «Мысль» был опубликован первый том «Антологии мировой философии», посвященный философскому наследию древности и средневековья. В это издание вошел раздел по китайской философии¹⁰. Важным событием стало издание в 1972–1973 гг. в той же серии двухтомного собрания текстов «Древнекитайская философия», охватившего практически все основные памятники доциньской мысли¹¹.

Среди научных работ этого периода следует упомянуть исследование «Хуайнань-цзы» Л.Е. Померанцевой¹², книгу В.Ф. Феоктистова о философских взглядах Сюньцзы с приложением перевода избранных глав древнекитайского памятника¹³, выполненное М.Л. Титаренко исследование философских взглядов Мо Ди¹⁴, труды по истории китайского неоконфуцианства В.Г. Бурова и А.И. Кобзева¹⁵. Заметным явлением и новым направлением исследования китайской философской мысли стали труды по философии буддизма, подготовленные Н.В. Абаевым и Л.Е. Янгутовым¹⁶.

Большое внимание отечественные исследователи уделяли китайской мысли нового и новейшего времени. Академик С.Л. Тихвинский и его ученики осуществили перевод трудов Сунь Ятсена и Кан Ювэя¹⁷, идеи Сунь Ятсена и Лян Цичао были исследованы Л.Н. Борох¹⁸. Материалы из истории китайской философии XIX в. вошли в сборник произведений прогрессивных китайских мыслителей нового времени¹⁹. Под редакцией Н.Г. Сенина и М.Л. Титаренко был издан сборник произведений Ли Дачжао, в который вошли и философские работы китайского мыслителя²⁰. Проблемам развития современной китайской философии была посвящена монография В.Г. Бурова²¹.

Произведения китайских авторов также становились частью общей канвы отечественной философской синологии. В 1950–1960-е гг. в переводе на русский язык были изданы труды по истории китайской мысли Го Можо и Ян Юнго²². Примечательным событием стало появление в 1989 г. на русском языке перевода вузовского учебника КНР по истории китайской философии²³. Он охватывал всю историю китайской мысли без изъятий, а обилие цитат из первоисточников помогало читателю сформировать самостоятельное представление о предмете.

Совокупность переводов китайских классиков, исследования советскими Китаеведами философии Китая древнего и современного периодов создали основу для следующего этапа изучения истории китайской духовной культуры — подготовки обобщенных комплексных трудов энциклопедического типа.

Концентрированным обобщением результатов исследований прошлых десятилетий и своего рода «дорожной картой» для дальнейшей научной работы стал изданный в 1994 г. энциклопедический словарь «Китайская философия»²⁴. В книгу вошли свыше 1,5 тыс. статей, посвященных терминам китайской философии и культуры, философским текстам, школам и направлениям, персоналиям китайских мыслителей, а также китайским, российским и западным исследователям китайской философии.

Составители словаря отмечали, что издание носит «во многом экспериментальный характер. Оно призвано в общих чертах наметить методологическую и концептуальную основу синологико-культурологических словарных изданий на русском языке, апробировать способы подачи материала по этой тематике в максимально сжатом виде, определить оптимальные подходы к его освещению и систематизации. В то же время словарь должен подвести определенный итог синологическим историко-философским ис-

следованиям в нашей стране, обозначить наиболее важные и перспективные направления такого рода изысканий»²⁵.

Главный редактор этого издания в ходе многолетних поисков исследований философии и истории Китая как древнего, так и новейшего периодов сделал вывод о том, что китайская философия играет принципообразующую, доминирующую, регулирующую роль в становлении, развитии китайской цивилизации в целом и конкретной политической практики. Это и стало движущей идеей большого коллектива российских китаеведов в подготовке фундаментальных обобщающих трудов по китайской философии и истории китайской духовной культуры.

Работа по подготовке словарного издания проходила в Институте Дальнего Востока на рубеже 1980–1990-х гг., когда в России заметно вырос интерес к китайской культуре. Словарь был адресован широким кругам читателей. Многочисленные отсылки к китайской библиографии, использование иероглифики и серьезное внимание к созданию русского аналога понятийного аппарата китайской философии адресовали книгу специалистам-китаеведам. Вместе с тем, словарь был предназначен для гуманитарной и общественно-научной интеллигенции, а также для широкого круга людей, стремящихся расширить свои представления о китайской мысли.

В словаре была предпринята попытка выявить специфику китайской философии на фоне западной традиции, исследовать процессы взаимного влияния и взаимного обогащения Китая и Запада. Составители уделили большое внимание проблеме влияния китайской мысли на западную культуру. Важное место заняли материалы о российских и советских исследователях философии, идеологии и духовной культуры Китая. В словарь вошли статьи не только о китаеведах, но и о популяризаторах китайской мысли — например, о великом русском писателе Л.Н. Толстом и его трактовке даосизма и конфуцианства. В написании статей принимали участие ученые из КНР, прежде всего из Института философии АОН Китая.

Ключевой проблемой стала стандартизация русского аналога понятийного аппарата китайской философии с одновременным раскрытием многозначности китайских философских понятий и их исторической эволюции. В.М. Алексеев отмечал, что совершенные переводы «Лунь юя» Конфуция «могут появиться лишь с установлением конфуцианской терминологии и научной характеристики конфуцианского канона в его целом (а не по частям его и книгам)»²⁶. В более широком контексте эта мысль может быть отнесена к проблеме составления энциклопедических справочников о Китае, выступающих в качестве важного инструмента фиксации терминологии и создания целостной характеристики традиции.

Хотя подобные философские словари издавались ранее в Китае, они излагали проблемы внутри иероглифической среды и в значительной мере опирались на использование обширных цитат из древнекитайских текстов на языке оригинала. Уникальность российского издания заключалась, прежде всего, в попытке создать целостную концептуальную схему интерпретации китайской мысли и ее системы категорий на западном (в данном случае — на русском) языке. Энциклопедический словарь «Китайская философия» стал первым подобным изданием в западной синологии²⁷.

Работа над словарем «Китайская философия» помогла российским ученым выявить имеющиеся пробелы в познании китайской духовности и стала стимулом для развития исследований по новым актуальным темам. В середине 1990-х на базе ИДВ РАН была развернута работа по подготовке многотомной комплексной энциклопедии «Духов-

ная культура Китая»²⁸. Ее открывает том «Китайская философия», что отражает важность места китайской философии внутри комплекса китайской культуры.

В 1990-е гг. в отечественной философской синологии оформилось течение цивилизационных исследований, уделяющее первостепенное внимание современному значению традиционного наследия, перспективам взаимодействия культур Китая и Запада, соотношению традиции и модернизации в развитии Китая и Восточной Азии в целом. В рамках этого подхода «китайская классическая философия рассматривалась как важнейший цивилизационнообразующий компонент всей китайской культуры»²⁹. Лидерами данного научного направления стали М.Л. Титаренко, В.Ф. Феоктистов, Л.С. Переломов, А.Е. Лукьянов.

В 1990-е гг. Россия остро нуждалась в эффективной модели рыночных реформ, и это побуждало ученых обратить более пристальное внимание на успехи стран и территорий Восточной Азии — Южной Кореи, Японии, Сингапура, Тайваня, Гонконга, все больший интерес вызывал быстрый экономический рост Китая. Чтобы понять истоки этого успеха, требовалось изучать цивилизационную специфику и ее связь с традиционным наследием. Стало очевидно, что китайская традиция не противоречит целям модернизации и развития, однако следовало более внимательно разобраться в том, каким образом она им помогает. В этом контексте была сформулирована новая исследовательская программа, ее основой стало «комплексное рассмотрение адаптивных способностей к модернизации и к требованиям индустриального и постиндустриального общества современной китайской цивилизации с ее многотысячелетними духовными традициями»³⁰.

В центре внимания исследователей оказалась проблема взаимосвязи китайской философии и китайской цивилизации. М.Л. Титаренко подчеркнул, что китайская философия стала «ключевым нормативным компонентом всей духовной и материальной деятельности человека и его отношений с государством», она «приняла на себя роль координатора всей системы социальных, духовных и нравственных ценностей»³¹. Китайская философия фиксирует совокупность норм мудрости и нравственности, сочетая при этом единство с многообразием, на протяжении веков она формировала холистические тенденции в китайской культуре. В условиях глобализации и вызова со стороны западной культуры «условием сохранения целостного Китая и его самобытности, гарантией его стабильного роста, его мирного внешнеполитического курса будет именно китайская цивилизация»³². По мнению ученого, китайской философии будет принадлежать важная роль в развитии мировой духовной цивилизации в процессе диалога разных идей и школ.

Исследователь традиционной и современной китайской идеологии В.Ф. Феоктистов в 1990-е гг. сосредоточил внимание на методологии постижения китайской философии. Он подчеркнул, что попытки разделить китайских мыслителей на материалистов и идеалистов наталкиваются на невозможность отождествления европейских и западных философских категорий. «Если в истории китайской философии не было выработано адекватных европейской культуре категорий «материя» и «идея», тогда, естественно, неубедительно выглядит и попытка деления китайских философов на «материалистов» и «идеалистов» в европейском понимании этих терминов... Говорить о наличии в истории китайской философии в чистом виде «борьбы материализма и идеализма» было бы неверно, ибо не было самих этих понятий, адекватных европейской философской рефлексии»³³. По мнению ученого, главной проблемой в китайской философской традиции был предел познаваемости мира. «Китайские философы были более всего обеспокоены понятием *единых* начал этого космоса, куда включали и человека. Не отношение человеческого разума к бытию, а место человека в этом природном и социальном мире было

главной темой китайской философии»³⁴. Был сделан вывод о том, что попытки «модернизации» китайской философии с помощью западной философии могут повредить китайской мысли; будущее развитие китайской философии может быть успешным лишь на основе национальной традиции.

При обсуждении проблем перевода на современный русский язык сочинений древнекитайских мыслителей В.Ф. Феоктистов отмечал, что китайская философия обладает особым категориальным аппаратом и специфическим языком рефлексии. Ученый высказывался против механического переноса категорий и понятий западной философской культуры на китайскую почву. Он видел будущее китайской философии в органичном развитии национального наследия на его собственной основе с использованием тех достижений Запада, которые помогают полнее раскрыть китайские духовные богатства. Дабы избежать навязывания китайской традиции чуждых искажающих моделей, исследователь призывал шире использовать в практике историко-философской науки транскрибированные китайские категории.

С 1995 г. в Москве в Институте Дальнего Востока РАН проводится ежегодная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Первые три конференции проходили под названием «Китайская философия и современная цивилизация», однако запрос на обсуждение проблемы в более широком региональном формате побудил организаторов изменить название. Тем не менее, центральной темой для обсуждения остается Китай, его философия и духовная культура. Эта конференция уже стала традиционной, она нашла свою «нишу» в научном сообществе наряду с ориентированным на изучение традиции авторитетным форумом «Общество и государство в Китае» (ИВ РАН) и сфокусированной на актуальных проблемах наших дней конференцией «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (ИДВ РАН).

В рассматриваемый период ученые обрели новые возможности для более активного участия в международном научном сотрудничестве. В середине 1990-х гг. исследователи китайской мысли из ИДВ РАН установили научные контакты с основанным в США Международным обществом изучения китайской философии (ISCP). Примером плодотворного сотрудничества ученых разных стран стал изданный в 1997 г. на русском языке при поддержке ISCP и Общества возрождения китайской культуры международный сборник по проблемам китайской философии и цивилизации³⁵.

Включенные в издание статьи были посвящены проблемам взаимодействия философии и культуры, выявлению сходства и различия в системах ценностей китайской и западной цивилизаций, в центре внимания оказались новые научные проблемы — китайская мысль в контексте глобализации, перспективы современного конфуцианства, сопоставление конфуцианства и протестантизма. В книгу вошли статьи М.Л. Титаренко, Ду Вэймина, В.Ф. Феоктистова, Р. Невилла, Чэн Чжуньина, Лю Шусяня, А.В. Ломанова, Т. Ин-син Люна, Л.С. Переломова, Г.Д. Сухарчука, А.Е. Лукьянова. Зарубежные исследователи концентрировали внимание на сопоставлении духовных основ западной и китайской цивилизаций, прогнозировании и выявлении потенциала их сосуществования и сотрудничества. Работы российских авторов были нацелены главным образом на выявление преемственности между разными историческими слоями китайской культуры и обновление подходов к трактовке китайской мысли.

В рассматриваемый период в России заметно вырос интерес к конфуцианству. В начале десятилетия в серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография Конфуция, которую составил В.В. Малявин³⁶. Были опубликованы несколько книг Л.С. Переломо-

ва³⁷, ключевой публикацией ученого стал фундаментальный перевод и исследование классического текста «Лунь юй» Конфуция³⁸. В этом издании наряду с переводом впервые был представлен научный комментарий к этому древнему памятнику общественной мысли Китая, показано его влияние на культуру народов Японии, Кореи, Вьетнама.

По мнению Л.С. Переломова, изучение наследия Конфуция в постсоветской России имело не только научное, но и практическое значение. Он выразил надежду, что «даже поверхностное ознакомление россиян с основными конфуцианскими доктринами поможет России найти свою нишу в регионе. Это необходимо и самой России в реформировании экономики и политического устройства»³⁹. Изменение контекста восприятия конфуцианской мысли в России привело к тому, что в конце 1980-х гг. наступил новый этап ее изучения под иным углом зрения. «Качественное отличие этих двух этапов заключается в том, что если в прошлом Россию интересовала в конфуцианстве проблема воспитания идеальной личности, духовный мир человека, то сейчас в центре внимания оказалась проблема управления обществом и государством — конфуцианские принципы взаимоотношения правительства и народа»⁴⁰.

Были достигнуты новые результаты в изучении китайской традиционалистской философии XX в. А.В. Ломанов исследовал теоретическое наследие видного современного китайского ученого Фэн Юланя⁴¹. Комплексное изучение философских и историко-философских воззрений мыслителя представляет большой интерес для понимания эволюции отношения к традиции в современном Китае. В республиканский период мыслитель мечтал о синтезе китайской и западной традиций, после образования КНР искал пути совмещения традиции с марксизмом, потом резко критиковал конфуцианство, а в период реформ на склоне лет пришел к выводу, что главное содержание китайской мудрости — учение о примирении противоречий и переходе от вражды к гармонии. Представление об эволюции его воззрений важно и для выявления влияния Фэн Юланя на зарубежные представления о китайской философии. На Западе его историко-философские труды в английском переводе широко известны с 1930–1940-х гг., в 1990-е работа Фэн Юланя вышла и на русском⁴². В российской философской синологии появилась новая исследовательская тема — современное конфуцианство, его связи с китайской традицией и западной философской культурой. Продолжением работы в этом направлении стало изучение взглядов философов-традиционалистов, продолживших после 1949 г. интеллектуальное творчество за пределами материкового Китая (Моу Цзунсань, Тан Цзюньи, Цянь Му, Сюй Фугуань)⁴³.

Значительных исследовательских успехов добились ученые, принадлежащие к структурно-текстологическому направлению российской философской синологии (А.И. Кобзев, А.А. Крушинский, А.М. Карапетьянц). Истоки этого направления восходят к новаторским исследованиям В.С. Спирина, предложившего в 1970-е гг. метод формального изучения китайских первоисточников на основе выявления в них параллельных элементов. Важным достижением в деле развития этого метода и его содержательного наполнения стала опубликованная в 1993 г. монография А.И. Кобзева⁴⁴, представившая обобщающее исследование логико-методологических оснований традиционного китайского философского и научного знания.

По определению А.И. Кобзева, суть структурно-текстологического метода состоит «в выявлении и анализе нелинейной (как правило, двухмерной, но возможно, и трехмерной) структуры канонического или каноносообразного текста, имеющей собственную теоретически значимую семантику, которая является неотъемлемым компонентом общего содержания данного произведения»⁴⁵. В рамках изучения нумерологического

«учения о символах и числах» (*сян шу чжи сюэ*) исследователь рассмотрел три типа объектов — «символы», представленные триграммами и гексаграммами «Книги перемен»; «числа», содержащиеся в древних схемах «хэ ту» и «ло шу»; бинар «инь-ян» и «пять элементов» (*у син*), истолкованные как неоглифическое выражение «символов» и «чисел». А.И. Кобзев предположил, что китайские «символы» и «числа» играют роль переменных, способных получать различную содержательную интерпретацию, с помощью формализованных процедур они складываются в комбинаторно завершенные линейные последовательности и пространственные расположения.

В книге был представлен анализ альтернативного течения в древнекитайской философской методологии — протологики, которую разрабатывали поздние моисты, школа имен и Сюнь-цзы. Исследователь сопоставил древнекитайские течения нумерологии и протологики с пифагореизмом и аристотелевской логикой, отметив, что в Европе пифагорейская нумерология стала диковиной, тогда как в Китае опиравшееся на конфуцианскую ортодоксию «учение о символах и числах» вытеснило протологику. А.И. Кобзев критически оценил понятие «китайская логика», истолковав нумерологию как «оппозиционную альтернативу науке логики в ее общеметодологической функции»⁴⁶ и выразив несогласие с теми исследователями, которые видят в нумерологической методологии логику или науку.

Иную точку зрения⁴⁷ представил в своей книге А.А. Крушинский⁴⁸, поставивший цель выделить жесткую математическую структурированность древнекитайской аргументации на базе рассмотрения теории и практики логического вывода в древнем Китае. Автор подчеркнул, что «вопреки широко распространенному мнению о неразработанности формальной логики в древнем Китае, ранняя классика этой страны изобилует примерами формально-логических рассуждений, а «И» представляет собой кодификацию соответствующих формально-логических теорий в их взаимозависимости, выполняющая роль — очень грубо говоря — своеобразного учебника логики»⁴⁹. Также следует обратить внимание на публикацию структурной реконструкции «Даодэцзина», учитывающей различные версии древнекитайского текста⁵⁰.

Важными вехами в изучении китайской духовной традиции стали два тематических сборника научных статей, подготовленных в отделе Китая ИВ РАН. В начале десятилетия вышла книга, посвященная проблеме трактовки личности от древности до начала XX в.⁵¹ Л.С. Переломов охарактеризовал учение Конфуция о человеке, отметив прагматическое использование Дао для воспитания нового человека, когда «благородный муж» выступал как идеальный тип способной к самосовершенствованию личности, обладающей гуманностью и культурой. А.С. Мартынов в статье «Проблема личности в императорском Китае» поднял вопрос места конфуцианской личности в государственном аппарате. Образцовый конфуцианец должен был стремиться к тому, чтобы помочь императору в «дальнейшем упорядочении» мира, принося на государственную службу свою волю и талант. Встреча-слияние правителя и приходящей ко двору конфуцианской личности воспринималась как часть процесса спонтанной гармонизации мироздания, однако со временем у «славных мужей» появлялась потребность хотя бы на время отойти от дел, переместившись на «утесы и горные долины». Так возникало конфуцианское слияние с природой в статусе носителей культуры, при этом на первый план выходила уже не встреча с правителем, а проблема жизни и смерти.

На страницах сборника А.И. Кобзев отметил, что антропологизм определил аксиологизм и прагматизм китайской философии, при этом он выделил идею субстанциального и морально-психологического единства субъекта и объекта, образующих единый

организм. Исследователь отметил, что в китайской традиции специфика человека кроется не в познавательных способностях, а в долге-справедливости и благопристойности-этикете. В сборнике также были рассмотрены проблемы модернизации учения о личности в новое время. Л.Н. Борох с опорой на философские тексты Лян Цичао проанализировала темы влияния обладающей свободой личности на исторические процессы с опорой на познание законов мироздания, высшей целью такого воздействия выступает развитие общества. В контексте теории Чжан Бинлиня о «революционной морали» Н.М. Калюжная рассмотрела идею единичной неповторимой личности, способной своим авторитетом повлечь за собой массы, такой личности обязательно должны быть присущи верность, честность, стыд и достоинство.

В конце десятилетия в серии «История восточной философии» был издан тематический сборник под редакцией Л.Н. Борох и А.И. Кобзева, посвященный одной из важнейших категорий китайской философии и культуры — *дэ*⁵². В книге эта категория была рассмотрена как часть разных сторон жизни китайского социума: государственной доктрины императорского Китая, гадательной метафизики «И цзина», конфуцианской этики и даосской онтологии, художественного творчества. А.И. Кобзев указал на отношения *дэ* с коррелятивными категориями китайской классической философии и провел сопоставления с категориями западной традиции. Проведенный анализ обнаружил «трансформацию архаического представления о безличной магической силе в идею индивидуального нравственного императива»⁵³. А.И. Мартынов охарактеризовал *дэ* как синтез равновеликих понятий «порядка» и «жизни», как направленную от хаоса к космосу созидательную силу, подчеркнув, что у *дэ* нет антонима, поскольку культура направлена к созиданию. Важное место в сборнике заняла проблема *дэ* в традиции «И цзина» (С.И. Блюмхен, А.А. Крушинский, О.М. Городецкая). Были рассмотрена трактовка *дэ* как нравственной силы в учении тайчжоуской школы неоконфуцианства (С.А. Серова), история появления в период модернизации конфуцианской этики нового понятия «общего *дэ*», указывающего на приоритет коллективных интересов над частными (Л.Н. Борох).

В 1993 г. благодаря усилиям ученых ИДВ РАН увидела свет неопубликованная ранее работа исследователя китайской мысли В.А. Кривцова (1921–1985), посвященная эстетическим аспектам даосского мировоззрения и их влиянию на китайскую культуру⁵⁴. В книге была предпринята попытка выявить связь эстетики с натурфилософией и гносеологией даосизма. Исследователь подчеркивал, что познание через сопоставления, аналогии и красочные метафоры придавало философии даосизма художественный оттенок, ей были присущи релятивизм, парадоксальность, гротеск, преувеличение, что наложило отпечаток на релятивность прекрасного у даосских мыслителей, интуитивность и субъективизм их суждений. В книге проведен анализ эстетических категорий даосизма — прекрасное (*мэй*, *шань*), гармония (*хэ*). Путь (*Дао*), естественность (*цзыжань*), жизненная сила (*ци*), антитеза *инь-ян*, дух (*шэнь*), простота (*пу*), изначальная природа (*чжи*), правдивость (*чжэнь*), неумелость (*чжэо*), единое (*и*), скрытность (*сюань*), пустота (*сюй*), пресное (*дань*). В.А. Кривцов отметил, что даосский эстетический идеал — это естественность, простота, духовность, скрытность-«пресность», творческой личности должны быть присущи свобода, сосредоточенность и уверенность в себе, тогда как высшее мастерство оставляет впечатление грубого и необработанного произведения. По мнению ученого, даосский образ жизни в основе своей был эстетическим, что проявилось в китайской поэзии, живописи, каллиграфии, архитектуре.

Новаторское осмысление содержания древнего памятника «Люйши чуньцю» представил Г.А. Ткаченко⁵⁵, сосредоточивший внимание на соотношении космологиче-

ских и эстетических воззрений авторов текста, отразившего в обобщенной форме представления разных школ древнекитайской мысли. В центре исследования находились категории ритуал (*ли*), благо (*шань*), красота (*мэй*) и культура (*вэнь*). По мнению автора, стремление создателей «Люйши чуньцю» к созданию идеальной модели мира вело к слиянию космологического мифа, эстетики и учения об обществе. На основе идей корреляции природы, общества и индивида была выстроена музыкально-резонансная модель космоса, предполагавшая гармоничное выравнивание явлений в природе и социуме. Г.А. Ткаченко отмечал, что разработка идеи цикличности помогла придать социально-политическому организму «прочный квазиматематический фундамент», тогда как идеи гармонического устройства мироздания были призваны примирить и объединить конфуцианскую «классику» долга и морального идеала с даосской «контрклассикой», отвергавшей социальность. Гармоническое единство мироздания было обеспечено слаженной деятельностью двух «демиургов» — космического *Дао* и подражающего ему земного мудреца.

В начале десятилетия были опубликованы несколько книг А.Е. Лукьянова, посвященные древней философии и мифологии китайцев⁵⁶. В центре внимания исследователя находились тексты «И цзин», «Дао дэ цзин», «Ле-цзы», «Чжуан-цзы», «Хуайнань-цзы», «Шань хай цзин». Была предпринята попытка провести сравнительное изучение ицзиновской, даосской и конфуцианской цивилизаций как несходных архетипов культуры Дао. Одним из шагов в этом направлении стал опыт дешифровки генетического кода диалектической спирали Дао в рамках выявления специфики формирования системы даосских философских категорий и характеристики стиля даосского философствования. Изучение эволюции мифологического мышления китайцев привело к созданию типологии образного мифологического и философского понятийного мышления, автор предпринял попытку обнаружить архетипические космологические модели культуры Дао и сравнить ее с индийской культурой Ом и греческой культурой Логоса. Обращение к «И цзину» вдохновило А.Е. Лукьянова на поиск связи мантических высказываний с графическими символами, выявление реминисценции понятийных символов архетипа «пяти постоянств» в высказываниях к гексаграммам, сравнение ицзиновской, конфуцианской и даосской концепций имен.

Достойным завершением советского периода изучения китайской философии можно назвать публикацию в 1990 г. собрания переводов текстов мыслителей периода династии Хань⁵⁷. В антологию вошли отрывки из сочинений мыслителей различных направлений, включая Дун Чжуншу, Ван Чуна, Хуань Куаня, Ян Сюна и других древних авторов. Практически все они были переведены на русский язык впервые. В 1990-е гг. заметным событием в расширении познаний о китайской мысли стали выполненные Е.А. Торчиновым научные переводы даосских алхимических трактатов «Баопу-цзы» и «У чжэнь пянь»⁵⁸.

В конце десятилетия были переизданы репринтом с добавлением современных комментариев ставшие библиографической редкостью дореволюционные переводы «Мэн-цзы» и «Чунь цю»⁵⁹. Под одной обложкой вновь увидели свет появившиеся в начале XX в. составленные П.А. Буланже изложения жизни и учения Будды и Конфуция, в качестве приложения к ним был добавлен очерк «Религии Китая» М. Мюллера⁶⁰. Очевидным недостатком данного издания стало отсутствие каких-либо пояснений относительно истории появления этих текстов, мотивов и результатов сотрудничества П.А. Буланже и Л.Н. Толстого в деле изучения восточной мудрости.

Появились и доработанные переиздания из наследия советского китаеведения. Прежде всего, следует указать на «И цзин» в переводе Ю.К. Щуцкого с исправлениями и дополнениями А.И. Кобзева⁶¹. Издание вышло весьма крупным тиражом в 10 тыс. экз., что стало отражением роста интереса к китайской духовной традиции за пределами научного сообщества. Также было опубликовано собрание работ историка китайской мысли В.А. Рубина. Наряду с воспроизведением старых публикаций на русском языке в него вошли переводы с английского статей, изданных ученым за рубежом после отъезда из СССР⁶².

Отечественные ученые продолжали и развивали намеченный В.М. Алексеевым курс на соединение синологии с иными научными дисциплинами в практике высшего образования. А.Е. Лукьянов и В.Ф. Феоктистов разработали программу курса лекций по истории китайской философии для философских факультетов вузов⁶³. Новым творческим опытом на пути сближения двух дисциплин стало создание в 1998 г. на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета специализированной кафедры философии и культурологии Востока. Первым руководителем этой кафедры стал авторитетный исследователь китайского даосизма и буддизма Е.А. Торчинов.

К сферам философии и религиоведения относятся книги Л.Е. Янгутова. Большой интерес представляет его исследование проблем единства, тождества и гармонии в философии китайского буддизма⁶⁴. В центре монографии находится авторская трактовка «истинно сущего» как центральной проблемы китайского буддизма, с этой позиции Л.Е. Янгутов рассмотрел учения школ Фасян, Саньлунь, Тяньтай и Хуаянь. Исследователь уделил значительное внимание процессу формирования представлений о единстве и гармонии мира, их связи с пониманием пути спасения. Отдельная глава посвящена анализу «истинно сущего» в контексте религиозной практики китайского буддизма. Автор подчеркивает, что буддисты отрицали индивидуальное Я человека как причину страдания, но при этом утверждали его истинную «сущую» природу как нечто реальное, подлинное и наличествующее в действительности.

Другая работа Л.Е. Янгутова⁶⁵ знакомит читателя с наиболее популярными сочинениями школ китайского буддизма. Подборка текстов раскрывает учение о дхармах, проблемы истинного, единства, тождества и гармонии. Большой интерес представляет помещенный в издании «Словарь терминов, понятий китайского буддизма, имен будд, боддхисатв и буддийских мыслителей»⁶⁶.

Исследователи ИДВ РАН сосредоточили усилия на изучении воздействия мировых религий на общественную и политическую жизнь Китая. С.А. Горбунова проанализировала феномен возрождения китайского буддизма в контексте культурно-социальной адаптации и модернизации вероучения в XX в. В центре внимания находилась социоантропологическая концепция религиозного реформатора Тайсюя, стремившегося приблизить буддизм к жизни общества и повседневным запросам людей⁶⁷. Проблеме взаимодействия ислама с властями Китая и обществом была посвящена работа В.С. Кузнецова⁶⁸. Помимо социально-политических вопросов, ученый стремился выявить мировоззренческие и религиозные аспекты отношений между мусульманами и представителями основного течения китайской культуры.

В 1990-е гг. наблюдался заметный рост интереса светских и церковных исследователей к изучению наследия Русской духовной миссии в Китае⁶⁹. Если в прошлом ее деятельность рассматривали прежде всего в рамках истории развития российского китаеведения, то в новых условиях появились возможности для осмысления религиозных и культурно-цивилизационных аспектов присутствия Православия в Китае. Были

поставлены проблемы изучения взглядов на китайскую культуру российских миссионеров-китаеведов с учетом их православного мировоззрения. Большой интерес вызвал неизвестный прежде корпус переводов православной литературы на китайский язык, выполненных служителями РДМК. Обращение к прошлому было связано и со стремлением глубже осмыслить подъем культурного традиционализма, происходивший в Китае и России параллельно, несмотря на очевидные различия в общественно-политических укладах и траекториях развития двух стран. Символическим отражением этих процессов стало создание научно-церковного журнала «Китайский благовестник» (издание с таким наименованием публиковала в прошлом РДМК), посвященного положению православных верующих в КНР, изучению истории распространения православия и западных христианских конфессий в Китае. Первый номер возобновленного журнала вышел в свет в 1999 г.

В сфере изучения народной религиозности важные проблемы были затронуты в монографии Е.Б. Поршневой об идеологии средневековых тайных обществ⁷⁰. Работа посвящена феномену китайского сектанства и его связям с буддизмом и даосизмом. Автор подчеркнула неизбежный характер конфликта эсхатологии сектанства с государством, для которого борьба с ересями стала ответом не только на проявления неповиновения и бунта, но и на вызов со стороны иных систем верований и ценностей, в том числе подмены сектантами традиционных родственных уз и верности государю идеей принадлежности к общине единомышленников. Тем не менее, китайские секты оказались весьма живучими благодаря присутствию в их учениях доктрины спасения.

В новаторском исследовании К.М.Тертицкого⁷¹ были рассмотрены традиционные основы ментальности китайцев, их социальной и религиозной жизни. Состояние традиционной системы ценностей и связанных с ней религиозных и социальных феноменов было проиллюстрировано обильными фактическими материалами конца 1970-х — начала 1990-х гг., отразившими ситуацию в материковой части Китая, в Гонконге и на Тайване. В работе использовано много количественных данных, которые стали основой для обобщений в области этнопсихологии. Отдельная глава книги посвящена религиозному сознанию современных китайцев, положению буддизма, даосизма и христианства, состоянию синкретических религий и народных верований. Большое внимание уделено изучению положения институтов традиционной китайской социальной культуры, во всех разделах книги ключевое место занимает фактор этнического самосознания и его влияние на восприятие китайцами ценностей, религиозных процессов, иных этносов. Автор сделал вывод, что основные элементы традиционной религиозной системы сохраняются и развиваются, при этом большинство населения хранит верность синкретическим народным верованиям.

В последнее десятилетие XX в. перед российскими учеными открылись новые горизонты изучения китайской традиции. Под влиянием духовных поисков в постсоветской России синологические исследования обрели евразийский вектор. Китаеведы стремились к тому, чтобы постижение китайской духовной культуры стало фактором сближения и сотрудничества России и Китая, элементом всестороннего осознания Россией своего места в мире с учетом быстрого роста глобального влияния Китая.

Вышеизложенное свидетельствует о значительном размахе исследований традиционной китайской философии в России. Эти исследования имеют не только общесцивилизационное академическое значение, но и дают ключ к пониманию многих специфических явлений политической жизни современного Китая — например, сущности концепции китаизации идей марксизма и социализма, осовременивания идей о построении гар-

мичного общества «сяокан» («малого достатка» — эвфемизм начальной стадии социализма) и общества «датун» («большого единства» — т.е. достижения идеалов коммунизма). При этом отечественная синология поддерживает интерес к изучению многогранной и сложной палитры современной философско-политической борьбы в Китае, ее главных идейных выразителей — от Сунь Ятсена, Чан Кайши, Ху Ши, Лян Цичао, Дай Цзитао, Чэнь Лифу, Фэн Юланя, Лян Шумина и других на буржуазно-демократическом направлении до Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Ян Сяньчжэня, Ай Сыци, Го Можо, Ху Цяому, Фэн Дина, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао на левом фланге политической платформы Китая.

1. *Петров А.А.* Философия Китая в русском буржуазном китаеведении (критико-библиографический очерк) // Библиография Востока / Ин-т востоковедения АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН, 1935. Вып. 7 (1934). С. 6.
2. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Ст. и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 308.
3. *Петров А.А.* Ван Би 226–249: Из истории китайской философии // Тр. Ин-та востоковедения XIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. К исследованию приложены прокомментированный перевод «Основных принципов Книги Перемен» (Чжоу и люэ ли) и многостраничная фотокопия эстампажа, выполненного с текста памятника высеченного на каменной стеле в 836 г.; *Петров А. Ян Чжу* — вольнодумец древнего Китая // Сов. востоковедение. 1940. Т. 1. С. 174–211; *Петров А.А.* Очерк философии Китая // Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: Сб. ст. / под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 248–272. *Петров А.А.* Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
4. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен»: Пер. и исслед. / Предисл. Н.И. Конрада. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
5. *Ян Хи-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Материалистическая трактовка наследия ранних даосов была развита исследователем в более поздней работе: *Ян Хишун.* Материалистическая мысль в древнем Китае / Предисл. М.Л. Титаренко. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984.
6. *Быков Ф.С.* Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1966.
7. *Штейн В.М.* Гуань-цзы: Исслед. и пер. М.: Изд-во вост. лит., 1959. Помимо перевода избранных глав книги «Гуань-цзы», к исследованию приложены переводы из «Мэн-цзы», «Сюнь-цзы», «Цяньханьшу», «Дискуссии об управлении соли и железа», «Чжоули».
8. Атенсты, материалисты и диалектики древнего Китая / Вступ. ст., пер. и коммент. Л.Д. Позднеевой. М.: Наука, 1967. В 1990-е гг. работа была переиздана с измененным названием и без исследовательских материалов переводчика: *Мудрецы Китая: Ян Чжу, Ле Цзы, Чжуанцзы.* СПб.: Петербург — XXI век; Лань, 1994.
9. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Наука, 1968; *Перстамов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981.
10. Антология мировой философии / Сост. раздела, автор пер. и коммент. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 1. С. 181–261. Подборка отразила как философское наследие Древнего Китая эпохи Весен и осеней — Борющихся Царств (Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Ян Чжу, Мэн-цзы, Чжуан-цзы, поздние монеты, Хань Фэй-цзы), так и работы ключевых мыслителей более поздних династий (Дун Чжуншу, Ван Чун, Фань Чжэн, Чжан Цзай, Чжу Си).
11. Древнекитайская философия: Собр. текстов в 2 т. М.: Мысль, 1972–1973. В антологию вошли переводы фрагментов из «Ши цзин», «Шу цзин», «Даодэцзин», «Лунь юй», «Мо-цзы», «Сунь-цзы», подборка сведений об учении Ян Чжу из текста «Ле-цзы», отрывки из «Мэн-цзы», «Чжуан-цзы», «Го юй», «Цзо чжуань», «Гуань-цзы», «Гунсуньлун-цзы», подборка о теории познаний поздних монистов, фрагменты из «Ли цзи», «Сюнь-цзы», «Шан цзюнь шу», «Хань Фэй-цзы», «Люйши чунышо», «Шинци» Сыма Цяня.

12. Померанцева Л.Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнаньцзы» — II в. до н.э.). М.: Изд-во МГУ, 1979.
13. Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: Исслед. и пер. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976.
14. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985.
15. Буров В.Г. Мирозозрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1983.
16. Янцтов Л.Е. Философское учение школы Хуаянь. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983.
17. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ювэй. М.: Изд-во вост. лит., 1959. Сунь Ятсен. Избранные произведения: Пер. с кит. / Вступ. ст. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1964.
18. Борх Л.Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984.
19. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1898) / Сост. и общ. ред. Н.Г. Сенин, Ян Хиншун; вступ. ст. Н.Г. Сенина. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
20. Ли Дачжао. Избранные произведения: Пер. с кит. / Отв. ред. Н.Г. Сенин, М.Л. Титаренко. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989.
21. Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1980.
22. Го Мо-жо. Философы древнего Китая: Десять крит. ст. / Пер. с кит., общ. ред. и послесл. Н.Т. Федоренко. М.: Изд-во иностр. лит., 1961; Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии / Пер. с кит. Ф. С. Быкова, Д. Л. Веселовского, Т. Е. Мытарова; общ. ред. и вступ. ст. Ян Хиншуна. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
23. История китайской философии / Пер. с кит. В.С. Таскина; общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989.
24. Китайская философия: энциклопедический словарь / Ин-т Дальнего Востока РАН. Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994.
25. Там же. С. 9.
26. Алексеев В.М. Китайская литература (историко-библиогр. очерк) // Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. ст. под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1940. С. 283.
27. Созданная иностранными учеными англоязычная «Энциклопедия китайской философии» увидела свет через десятилетие: Encyclopedia of Chinese philosophy / Ed. Cua A.C. New York; London: Routledge, 2003. В издание энциклопедического формата объемом около тысячи страниц вошло 187 словарных статей (в более компактном российском энциклопедическом словаре «Китайская философия» их примерно в восемь раз больше). Они посвящены лишь самым крупным мыслителям и течениям, ключевым категориям мысли, объем средней статьи приближается к журнальной исследовательской публикации (5–9 тыс. слов).
28. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 1 «Философия» (2006 г.); Т. 2. «Мифология. Религия» (2007 г.); Т. 3. «Литература. Язык и письменность» (2008 г.); Т. 4. «Историческая мысль. Политическая и правовая культура» (2009 г.); «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование» (2009 г.); Т. 6 (доп.) «Искусство» (2010 г.).
29. Феоктистов В.Ф. Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. С. 132.
30. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М.: Республика, 1999. С. 15.
31. Титаренко М.Л. Китайская философия и будущее китайской цивилизации // Китайская философия и современная цивилизация. Сб. ст. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997. С. 5–6.
32. Там же. С. 12.
33. Феоктистов В.Ф. Китайская классическая философия и современность (к методологической постановке вопроса) // Китайская философия и современная цивилизация: Сб. ст. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997. С. 34.
34. Там же. С. 37.

35. Китайская философия и современная цивилизация: Сб. ст. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997.
36. *Малявин В.* Конфуций. М.: Мол. гвардия, 1992.
37. *Переломов Л.С.* Слово Конфуция. М.: Фабула, 1992; *Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993.
38. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998.
39. *Переломов Л.С.* Россия о Конфузии // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. С. 143.
40. Там же. С. 136.
41. *Ламанов А.В.* Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1996; *Ломанов А.В.* Судьбы китайской философской традиции во второй половине XX века. Фэн Юлань и его интеллектуальная эволюция // Информ. бюл. / ИДВ РАН. 1998. № 1.
42. *Фэн Ю-лань.* Краткая история китайской философии / Пер. с англ. Котенко Р.В.; науч. ред., предисл. Торчинов Е.А. СПб.: Евразия, 1998.
43. *Ломанов А.* Постконфуцианская философская мысль Тайваня и Гонконга: 50–70-е гг. XX в // Пробл. Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 118–128; *Ломанов А.* Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 119–130.
44. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1993.
45. Там же. С. 11.
46. Там же. С. 31.
47. Подробнее о различных позициях и спорах внутри структурного течения исследования китайской философии см.: *Рыкос С.Ю.* Методология науки и философия: Изучение в России китайских наук, языков и образования // Духовная культура Китая: Энциклопедия / Гл. ред. М.Л.Титаренко. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. 2009. С. 662–668.
48. *Кривинский А.А.* Логика «И цзина»: дедуция в древнем Китае. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999.
49. Там же. С. 5.
50. *Карапетьянц А.М., Кривинский А.А.* Современные достижения в формальном анализе «Дао дэ цзина» // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. С. 340–406.
51. Личность в традиционном Китае. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1992.
52. От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998.
53. *Кобзев А.И.* Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. С. 34.
54. *Кривцов В.А.* Эстетика даосизма / Предисл. М.Л. Титаренко. М.: ПОО «Фабула», 1993.
55. *Ткаченко Г.А.* Космос, музыка, ритуал: миф и эстетика в «Люйши чуньцю». М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990.
56. *Лухьянов А.Е.* Лаоцзы (философия раннего даосизма). М.: УДН, 1991; *Лухьянов А.Е.* Истоки Дао: древнекитайский миф. М.: ИНСАН, 1992; *Лухьянов А.Е.* Дао «Книги Перемен». М.: ИНСАН, 1993.
57. Древнекитайская философия. Эпоха Хань / Сост. Ян Хиншун; отв. ред. Буров В.Г. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990.
58. *Чжан Бо-дуань.* Главы о прозрении истины / Предисл., пер. с кит., коммент. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербург. востоковедение, 1994; *Гэ Хун.* Баопу-цзы / Пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербург. востоковедение, 1999.
59. Китайский философ Мэн-цзы / Пер. с кит., примеч. П. С. Попов; послесл. Л. С. Переломова. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. Репринт издания 1904 г.; Конфуциева летопись «Чуньцю» («Весны и осени») / Пер. и примеч. Н. И. Монастырева; исслед. Д. В. Деоника и А. М. Карапетьянца. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. Репринт издания 1876 г.
60. *Буланже П.А.* Будда. Конфуций: Жизнь и учение / Сост. С.В.Игошина. М.: Искусство, 1995.

61. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., испр и доп. / под редакцией А.И. Кобзева. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1993.
62. *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае: собр. трудов / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999.
63. *Лукьянов А.Е. Феокистов В.Ф.* Программа курса лекций «История китайской философии» для студентов философских факультетов высших учебных заведений России. М.: ИДВ РАН, 1998.
64. *Якутов Л.Е.* Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск: «Наука», Сиб. изд. фирма РАН, 1995.
65. *Якутов Л.Е.* Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998.
66. Там же. С. 106–157.
67. *Горбунова С.А.* Буддийские объединения в истории Китая XX в. (10-е — 90-е гг.) // Информ. бюл. / ИДВ РАН. 1998. № 2.
68. *Кузнецов В.С.* Ислам в политической истории Китая: В 3 ч. // Информ. бюл. / ИДВ РАН. 1996. № 7, 8, 9. (Ч. 1: VIII в. — 60-е годы XIX в.; Ч. 2: 60-е годы XIX в. — 30-е годы XX в.; Ч. 3: 30-е годы XX в. — 1949 г.).
69. Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993; История российской духовной миссии в Китае: Сб. ст. / ред. Тихвинский С.Л. и др. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997; *Дионисий Поздняев, свящ.* Православие в Китае (1900–1997 гг.). М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998.
70. *Поршнева Е.Б.* Религиозные движения позднесредневекового Китая: Пробл. идеологии. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991.
71. *Тертицкий К.* Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Москва, 1994. Ч. 1–2.

Китайская экономическая реформа в новейшей российской историографии (1991–2000)*

© 2012

А. Островский

Автором выделены и проанализированы важнейшие исследования по экономике Китая, осуществленные в 1990-е годы в России, значительная часть которых была подготовлена учеными Института Дальнего Востока РАН.

Ключевые слова: экономическая реформа, экономическая политика, модель социально-экономического развития, переходная экономика, переход от плана к рынку:

Главной темой исследований российских китаеведов-экономистов в 1990-е гг. была начавшаяся в конце 1970-х гг. реформа экономической системы в КНР. Надо сказать, что уже в те годы эта тема была чрезвычайно актуальна. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. на основе предварительного анализа основных документов КПК, Госсовета КНР и Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), а также теоретических работ ведущих китайских ученых-экономистов можно было сделать вывод, что в Китае стали вноситься серьезные корректировки в политэкономическую теорию марксизма-ленинизма, направленные на постепенный переход от командно-административной экономики к рыночной. Тем самым предполагалось осуществить экономический рывок — четырехкратно увеличить валовую продукцию промышленности и сельского хозяйства к 2000 г. и на этой основе заметно повысить жизненный уровень населения.

Серьезным изучением опыта китайских реформ следовало бы заняться еще в середине 1980-х гг., однако руководством КПСС они трактовались как отступление от социализма, и публикации об этих новациях сводились в основном к критике «китайских ревизионистов» за отход от генеральной линии марксизма-ленинизма. В дальнейшем, в начале 1990-х гг. руководство РФ также предпочитало игнорировать опыт китайских реформ, что объяснялось, во-первых, идеологическими причинами, связанными с тем, что экономические преобразования в КНР осуществляет руководство компартии, и во-вторых, тем, что стартовые успехи китайской реформы якобы обусловлены лишь намного более низким по сравнению с Россией базовым уровнем развития производительных сил в Китае.

В результате в России преобладала откровенная недооценка китайских успехов. Большая часть российского руководства предрекала распад Китая по экономическим, политическим и социальным причинам. Но к середине 1990-х гг. Китай догнал Россию по объему ВВП. Казалось бы, такие успехи китайской реформы должны были стать предметом особого интереса со стороны руководства РФ. Однако в России так и не был сде-

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, заместитель директора ИДВ РАН. Тел.: (499) 129-02-22.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

лан со стороны государства подкрепленный значительным финансированием социальный заказ в адрес научной общественности на исследование проблем китайской экономики и социально-экономической модели китайской реформы, равно как не проявлялся интерес к развитию китаеведения в целом. В результате не только начался отток научных работников из китаеведения (в том числе уже защитивших кандидатские и докторские диссертации), но и уменьшилось количество научно-исследовательских организаций, занимающихся проблематикой китайской экономики.

Более того, в российской экономической мысли стали появляться теоретические работы с принципиально неверными выводами, будто успехи китайской экономической реформы обусловлены, прежде всего, проведением либеральной экономической политики и отказом от государственного вмешательства в экономику. Наиболее развернуто эта точка зрения была высказана А. Илларионовым, который посредством весьма поверхностного анализа китайской статистики и сопоставления ее со статистикой российской заключил, что "в 1979–1997 гг. в Китае проводились не постепенные (градуалистские), а либеральные экономические реформы". На этом основании был сделан вывод, будто "опыт китайских реформ свидетельствует, что лишь предельно либеральная экономическая политика способна остановить возрастающее отставание России от своих соседей и других стран мира"¹. По горячим следам этого выступления Л. Новоселова дала на страницах главного в российском китаеведении журнала «Проблемы Дальнего Востока» ответ, опровергавший основные выводы А. Илларионова².

Внимательный анализ китайской статистики показывает, что в КНР проводились именно постепенные (градуалистские) экономические реформы под контролем государства. В статье А. Илларионова при сопоставительном анализе материалов российской и китайской статистики, к сожалению, не были учтены как особенности национальной учетно-статистической базы КНР, так и суть основных мероприятий китайской реформы, главной целью которой является не либерализация экономики как самоцель, а повышение жизненного уровня населения страны, осуществляемое на базе всестороннего развития производства.

При этом государство действительно освобождает себя от постоянного контроля над деятельностью экономических агентов, но делает это постепенно, по этапам, в течение многих лет. При этом оно по-прежнему сохраняет контроль над основными отраслями экономики (топливно-энергетическими отраслями, транспортом, банковским делом) с помощью различных экономических рычагов, на первых этапах реформы обеспечивая за счет фиксированных цен на продукцию этих отраслей возможности создавать предприятия различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними. Лишь после того как сформировалась в той или иной отрасли экономики конкурентная среда, государство стало освобождать цены на основные средства производства.

В те же 1990-е гг. некоторые российские ученые подобно зарубежным коллегам ставили под сомнение результаты реформы в Китае, пытаясь опровергнуть статистические данные, регулярно публиковавшиеся в его статистических сборниках. В частности, В. Гельбрас утверждал, что эти цифры завышены, ссылаясь на расхождение данных по темпам прироста ВВП, потребления всех видов энергии и объемов грузоперевозок и грузооборота³. Одновременно в российском китаеведении имела место и противоположная точка зрения, которой придерживается А. Анисимов, считающий, что показатели китайской экономики недооценены из-за суженной учетной статистической базы, т.к. многие статистические данные публикуются с различным уровнем репрезентативности, а небольшая часть производства вообще статистически не фиксируется⁴. Имеются также и промежуточные оценки состояния китайской экономики: например, в работах В. Портякова, Л. Молодцовой, суть которых — в том, что все-таки целесообразно ориентироваться на публикуемую в КНР статистику, тем более, что там регулярно проводится пересмотр статистических данных с учетом вновь выявленных обстоятельств⁵.

Как явствует из всестороннего обзора работ российских ученых, подавляющее большинство исследований по китайской экономике в 1990-е гг. было подготовлено в стенах Института Дальнего Востока РАН. К ним можно отнести, прежде всего, серию аналитических материалов, публиковавшихся в «Информационном бюллетене ИДВ РАН» в 1992–2000 гг.⁶, переведенные с китайского языка законы и постановления законодательных и исполнительных органов КНР, раскрывающие основное содержание конкретных мероприятий в первое десятилетие китайской реформы⁷. По-прежнему, как и в 1970-х — 1980-х гг., Институт Дальнего Востока РАН продолжал выпускать ежегодники «Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура», значительное место в которых уделялось анализу экономических и социальных проблем Китая за прошедший год, включая обзоры ситуации в различных отраслях экономики⁸.

Особо следует выделить выпущенный ИДВ РАН сборник «Китай на пути модернизации и реформ» под редакцией М. Титаренко, посвященный 50-летию КНР. Важное место в этом сборнике занял раздел «Экономика и общество», в котором представлено 20 статей российских ученых по различным проблемам социально-экономического развития страны, подводящих итоги ее экономического развития за полвека существования КНР. В этих статьях подведены итоги 20-летия реформ, дана всесторонняя характеристика результатов экономической реформы (В. Портяков), развития экономической мысли КНР за годы реформ (О. Борох), проблем индустриализации (Л. Кондрашова), модернизации аграрного сектора (Л. Бони и Л. Волкова), региональной политики и размещения производительных сил (Г. Ганшин), государственного бюджета (И. Шевель), банковско-финансовой системы (Е. Авдокушин), инвестиционной стратегии (Л. Новоселова), демографической ситуации (Е. Селиванова), повышения уровня жизни (И. Наумов), проблем оборонной промышленности (П. Каменнов) и развития внешнеэкономических связей (М. Потапов)⁹.

В этот период в ИДВ РАН стало развиваться новое направление исследований, связанное с потребностями развития внешнеэкономических связей России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В рамках этого направления была поставлена проблема активизации торгово-экономических и политических отношений России со странами Северо-Восточной Азии. В этих исследованиях были всесторонне проанализированы интересы России в данном регионе, перспективы использования многостороннего сотрудничества для ускорения социально-экономического развития российского Дальнего Востока¹⁰. После вступления России в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Институте Дальнего Востока развернулись при участии МИД РФ комплексные исследования по проблемам сотрудничества России в АТЭС и АТР. По итогам этих работ с конца 1990-х гг. стали проводиться совместно с МИД РФ регулярные ежегодные конференции, в которых помимо научных работников участвовали представители министерств и ведомств¹¹. Однако в дальнейшем из-за отсутствия должного финансирования работа по данной тематике была, к сожалению, свернута.

В рамках основного направления исследований китайской экономики была подготовлена серия работ по основным аспектам экономических преобразований в период реформ, по проблемам экономической политики в КНР по ходу реформ. Ряд работ содержал важные выводы, что в Китае сделан «в целом правильный выбор преобразований — постепенный, поэтапный переход от централизованной системы к современной рыночной экономике, создаваемой на базе всестороннего учета национальных особенностей и при сильной макрорегулирующей роли государства»¹². Во многих работах и статьях российских китаеведов отмечалась необходимость учета в России китайского опыта преобразований, стратегии и тактики перехода к рынку¹³. Однако, как показала дальнейшая практика, китайский опыт перехода к рыночной экономике был полностью проигнорирован исполнительной и законодательной властью РФ.

Важное направление исследований экономики Китая — анализ эволюции теоретических представлений китайских экономистов по проблемам собственности, соотношения плана и рынка, в том числе механизма изучения и усвоения в Китае новейших зарубежных концепций. Проведен анализ новых направлений в экономической науке с учетом китайских культурных традиций¹⁴. В работе Э. Пивоваровой был особо отмечен тот факт, что в своих теоретических познаниях китайские ученые в сфере закономерностей перехода к рыночной экономике заметно опережали их коллег из других стран с переходной экономикой (включая РФ). В частности, китайские ученые поставили такие кардинальные вопросы, как необходимость развития при социализме товарного хозяйства, дифференциации доходов, конкуренции внутри страны и на международной арене, плюрализма в формах собственности, включая развитие частных хозяйств и т.п.¹⁵ В частности, был сделан важный вывод, что «прорывы» китайских ученых в экономической теории социализма, осуществленные в ходе теоретического и практического поиска за годы реформы, существенно изменили прежние представления о социализме и что «социализм с китайской спецификой» по многим параметрам не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма¹⁶. В конечном счете, в результате анализа китайской экономической мысли О. Борох показала, что «китайская экономическая наука за годы реформ вышла на качественно иной, более высокий теоретический уровень как в области ассимиляции достижений западной мысли, так и в понимании особенностей развития Китая. Поэтому осознание китайскими экономистами невозможности механического применения в Китае западных рецептов строится не на идеологических запретах, а на значительно углубившемся по сравнению с уровнем конца 1970-х гг. понимании проблем экономической теории и практики экономических реформ»¹⁷.

В 1990-е гг. велись исследования и по такой актуальной для стран с переходной экономикой проблеме, как соотношение государственного управления и рыночного регулирования¹⁸. В этот период был написан и ряд статей о формировании новых видов рынка в условиях переходной экономики — таких как рынок акций, ценных бумаг, страховой рынок, рынок недвижимости, а также рынок потребительских товаров¹⁹. Был сделан вывод о том, что в условиях перехода к рынку дает о себе знать инфляция (которую в Китае удалось существенно снизить по сравнению с другими странами с переходной экономикой)²⁰.

Ряд исследований 1990-х гг. касался проблем формирования и развития предприятий различных форм собственности. В частности, вышли в свет монографии, в которых освещались проблемы развития в условиях экономической реформы предприятий государственной формы собственности²¹, частного и индивидуального предпринимательства²², новых форм акционирования предприятий различных форм собственности²³, а также многообразных сельских (поселково-волостных) предприятий²⁴. В процессе реформы произошел переход от социально-экономической структуры общества с предприятиями двух форм собственности — государственной и коллективной (в рамках народных коммун) к многообразным формам собственности при заметном уменьшении доли ее государственных форм и при появлении новых форм собственности — от частных и индивидуальных до совместных и смешанных предприятий, включая предприятия с участием только иностранного капитала.

Приходится признать, что в 1990-е гг. российские китаеведы недостаточно интересовались региональной экономикой Китая. Этой темой в основном занимался Г. Ганшин, написавший ряд статей и брошюр по региональной политике руководства КНР, а также по экономическому развитию отдельных регионов страны²⁵. В этот период в Институте международных экономических и политических исследований был опубликован сборник, в котором российские и китайские авторы сделали сравнительный анализ региональной экономической политики РФ и КНР²⁶. Китайские коллеги

делали больший упор на опыт регионального развития в разных районах своей страны, в частности, в Синьцзяне. Российские ученые в основном сделали упор на теоретические аспекты экономических реформ в РФ, а также на проблемы растущей урбанизации Китая в ходе реформы, которая, по их оценке, неминуемо накладывала свой отпечаток на изменения в региональной политике²⁷. В монографии Л. Кондрашовой и Н. Корнейчук, выпущенной в ИМЭПИ РАН, содержался вывод, что «китайский вариант региональной политики интересен с точки зрения сложностей формирования единого экономического пространства и использования территориального разделения труда для стимулирования экономического роста»²⁸.

В эти же годы велись исследования по проблемам развития промышленности Китая. Значительную работу по этой теме вели З. Муромцева и Л. Кондрашова, проанализировавшие процессы индустриального развития КНР в условиях экономической реформы, изменения пропорций внутри промышленности, а также преобразования в самой отрасли²⁹. Проводились исследования и по отдельным отраслям промышленности: в топливно-энергетическом комплексе — Л. Охотникова, в машиностроении и металлургии — Н. Коледенкова, в транспорте и связи — Н. Мандрыка³⁰.

Важное место в работе китаеведов-экономистов занимало сельское хозяйство, традиционно определяющее потенциал развития китайской экономики. Переход на систему семейного подряда повлек резкий рост производительности труда в земледелии, решение зерновой проблемы, обеспечение продовольственной базы для повышения жизненного уровня населения. Как следствие этого, уже с 1980-х гг. развернулся переход значительной части сельского населения в несельскохозяйственную сферу (его миграцию в города). В частности, в конце 1990-х гг. в ИДВ РАН вышел сборник статей, посвященных макроэкономическому регулированию аграрной сферы КНР³¹. Л. Бони в своих работах проанализировала проблематику развития рынка в китайской деревне в 1980–1990-х гг.³². Работы Л. Волковой в основном касались изменений в распоряжении землей в условиях экономической реформы³³. И. Коркунов в своих исследованиях затрагивал вопросы аграрной политики КНР. С. Алексахина — опыт проведения экономических реформ в экспериментальных районах Китая, Е. Бубенцов — проблемы китайского крестьянства в ходе реформы, Е. Кранина — развитие животноводства, водных промыслов и лесоводства³⁴.

Большое внимание в российском китаеведении уделялось проблематике развития народонаселения и формирования жизненного уровня. Этому были посвящены работы Е. Баженовой и А. Островского, заостривших внимание, в частности, на вопросах занятости и политики в области трудоустройства. И. Наумов исследовал процессы формирования и подъема уровня жизни в ходе экономической реформы³⁵. Вышли также комплексная обобщающая работа В. Курбатова по проблемам демографии, агросферы и экологии, а также работа А. Дикарева по демографическим проблемам нацменьшинств, доля которых в общей численности населения страны составляет около 9%, хотя и превышает 100 млн чел.³⁶ На основе работ российских китаеведов по проблематике народонаселения и демографии был сформулирован важный вывод, что «социальная политика, вызванная экономической реформой, в перспективе может оказать положительное воздействие на решение проблем народонаселения в КНР, способствовать стабилизации роста населения...»³⁷ (что и происходит в настоящее время). Более того, в совместной работе Е. Баженовой и А. Островского особо отмечалось, что противоречие, сложившееся между нынешним режимом воспроизводства населения, являющееся следствием исключительно высокого потенциала демографического роста и модернизации социально-экономической структуры, превратилось в одно из противоречий общественного развития в КНР, при этом противоречие между размерами семьи и общества обусловило необходимость осуществления политики однодетной семьи³⁸.

Проводились исследования и по проблематике финансов, государственного бюджета и банковской системы КНР. В частности, С. Савицкий защитил кандидатскую диссертацию по реформированию бюджетной системы КНР³⁹. Был опубликован ряд статей по проблемам реформы налоговой системы, формирования госбюджета и валютного регулирования, преобразования банковской системы и банковской деятельности (включая деятельность иностранных банков в Китае)⁴⁰. Важное значение для осмысления китайской экономической политики в целом и развития финансовой системы КНР имели, в частности, исследования Л. Новоселовой по инвестиционной политике в ходе реформ⁴¹, сделавшей вывод, что в ходе глубоких преобразований госсектора в КНР предпринимались усилия «привести в большее соответствие форму и содержание нового инвестиционного механизма, что в перспективе способно существенно повысить эффективность социально-экономических преобразований в КНР»⁴².

Нельзя не признать, что в 1990-е гг. в исследованиях по китайской экономике недостаточное внимание уделялось развитию науки и техники, научно-технического прогресса, состоянию военно-промышленного комплекса. Проблемам развития научно-технического прогресса, военно-промышленного комплекса был посвящен ряд работ Л. Гирича, П. Каменнова и И. Петухова⁴³. Лишь считанное количество публикаций вышло в свет в 1990-е гг. по экологическим проблемам (к ним следует отнести работы Е. Бирюлина с анализом китайского законодательства в природоохранной сфере и Ю. Минакова по экологической ситуации в Китае)⁴⁴.

Значительно больше внимания (хотя, на наш взгляд, все-таки недостаточно) в 1990-е гг. было уделено проблемам и перспективам внешнеэкономических связей Китая в ходе реформ. Заметный вклад в исследование этих проблем внес М. Потапов, который написал ряд статей, опубликовал две монографии по данной теме и защитил докторскую диссертацию в ИДВ РАН⁴⁵. В своих работах он показал растущую роль Китая в системе мирохозяйственных связей и сделал важный вывод, что «в предстоящие годы внешнеэкономический фактор, несомненно, сохранит заметную роль в наращивании производственно-технического потенциала КНР»⁴⁶ (что и произошло в начале XXI в.). Основное внимание российских китаеведы уделяли развитию российско-китайских торгово-экономических связей, регионального сотрудничества. Важное место занимали проблемы развития регионального сотрудничества России в Северо-Восточной Азии (большое внимание было уделено Китаю как одной из стран, ведущих наиболее активную внешнеэкономическую деятельность в регионе). По этой тематике вели исследования А. Козлов, В. Михеев, А. Островский, В. Портяков, Е. Спрогис, Т. Терентьева, М. Титаренко и В. Якубовский⁴⁷. Ряд ученых (И. Коркунов, В. Портяков, Е. Спрогис, М. Титаренко) большое внимание уделили проблематике российско-китайских экономических связей. В работах ученых ИДВ РАН отмечалось, что для развития российского Дальнего Востока торгово-экономические связи с Китаем имеют решающее значение в условиях разрыва экономических связей между азиатской и европейской частями РФ. Для быстрого экономического развития России огромное значение имеют и ее торгово-экономические связи со странами АТЭС в целом и Северо-Восточной Азии в частности. А. Козлов большое внимание уделил проблемам развития Гонконга и Китая в АТЭС, придя к выводу, что важная роль Гонконга во внешнеэкономических связях КНР сохранилась и после его присоединения⁴⁸.

Проблематике внешнеэкономических связей в этот период были также посвящены отдельные работы российских китаеведов и экономистов. Развитие свободных экономических зон исследовали Е. Авдокушин, Д. Саприка, Г. Яскина, Л. Аносова. Опыт китайско-африканского экономического сотрудничества осветила Т. Дейч, привлечение иностранной технологии в КНР проанализировал А. Иванчиков, использование иностранного капитала в КНР — С. Манежев⁴⁹.

Итак, в 1990-е гг. российское китаеведение смогло (в основном, за счет исследований в ИДВ РАН) вопреки многим неблагоприятным обстоятельствам, связанным со снижением финансирования и оттока научных кадров из китаеведения, вести исследования по экономике Китая практически по всем основным направлениям. Благодаря этому были сделаны важные выводы о проблемах и перспективах развития китайской экономики. Отмечены несомненные успехи китайской экономической реформы, ее роль в усилении мощи китайского государства, заметное повышение жизненного уровня на основе быстрого экономического роста, важность фактора развития внешнеэкономического сотрудничества со всеми странами мира для успехов экономической реформы и роста потенциала китайской экономики.

В работах подавляющего большинства экономистов-китаеведов были выделены основные причины успешной реализации модели китайской реформы. Они были связаны с отказом от следования принципам «вашингтонского консенсуса» — таким как либерализация экономики, уход государства из сферы экономического управления, быстрая приватизация государственных предприятий. Также был сделан вывод о значимости таких факторов успеха реформы, как активное включение Китая в систему международного разделения труда, а также привлечение иностранного капитала для внедрения иностранных технологий в стране, формирование свободных экономических зон на территории Китая, быстрое развитие внешнеэкономических связей как с развитыми, так и развивающимися странами. Во многих работах сформулированы прогнозы, что в XXI в. предстоит наращивание Китаем своей экономической мощи, и что на этой основе предстоит поступательный рост жизненного уровня его населения. Жизнь подтвердила основные прогнозы значительной части российских китаеведов-экономистов о благоприятных перспективах развития Китая в начале XXI в., который наметил новую цель — построение общества «малого благоденствия» (*сяо кан шэ хуэй*) к 2020 году.

1. См.: *Илларионов А.* Секрет китайского экономического чуда // *Вопр. экономики.* 1998. № 4. С. 25–26.
2. Подробнее см.: *Новоселова Л.* Экономическая реформа и государственное регулирование в КНР // *Пробл. Дальнего Востока.* 1999. № 1. С. 71–77.
3. См.: *Гельбрас В.Г.* Экономическая реформа в КНР: Очерки, наблюдения, размышления. М.: Международ. отношения. 1990.
4. См.: *Анисимов А.Н.* К оценке реального потенциала народного хозяйства КНР // *Рос. эконом. журн.* 1994. № 7. С. 82; *Анисимов А.Н.* Эконометрический анализ развития КНР. М.: Наука, 1991.
5. См.: *Молодцова Л.И.* Китай углубляет реформу. М.: Финиздат, 1995; *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Изд. фирма «Вост. лит. РАН», 1998.
6. Например, см.: Социальное измерение экономической реформы в КНР (1978–1997): Сб. ст. / Отв. ред. *Пивоварова Э.П.* М., 1998 (Информ. бюл. ИДВ: № 3); Экономическая реформа в КНР: возможности использования китайского опыта в России / Отв. ред. *Островский А.В., Портяков В.Я.* М., 1996 (Информ. бюл. ИДВ: № 4); Россия — Китай — Украина: пути экономической реформы в деревне / Отв. ред. *Островский А.В.* М., 1994 (Информ. бюл. ИДВ: № 5); Структурные изменения экономики Китая (70–90-е гг.) / Отв. ред. *Гирич Л.М.* М., 1997 (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 12); Экономика КНР в преддверии XXI века (1991–2000) / Отв. ред. *Наумов И.Н.* М., 1997 (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 2); Новые моменты в экономической политике КНР / Отв. ред. *Ремьга В.Н.* М., 1994 (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 1); Актуальные проблемы экономики КНР / Отв. ред. *Портяков В.Я.* М., 1999. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 5).
7. Например, см.: Экономическая реформа в КНР: Преобразования в городе, 1979–1984: Докум. Пер. с кит. / Отв. ред. *Ремьга В.Н.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994; Экономическая реформа в КНР: Преобразования в городе, 1985–1988: Докум. Пер. с кит. / Отв. ред. *Шевель И.Б.* М.:

- Изд. фирма «Вост. лит.», 1993; Экономическая реформа в КНР: Преобразования в деревне, 1978–1988: Докум. Пер. с кит. / Отв. ред. *Боши Л.Д.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1993.
8. Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1991 г. / Гл. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Наука, 1994; ... в 1992 г. 1994; ... в 1993–1994 гг. М.: «Вост. лит.» РАН, 1995; ... в 1995–1996 гг. М.: «Вост. лит.» РАН, 1997; ... в 1997 г. М.: ИДВ РАН, 1999; ... в 1998 г. М.: ИДВ РАН, 2000.
 9. См.: Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / Отв. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С. 158–371.
 10. Например, см.: Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия: Пробл. эконом. сотрудничества / Отв. ред. *Островский А.В., Титаренко М.Л.* М.: Эдиториал УРСС, 1998; *Островский А., Титаренко М.* Интересы России в США и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 2.
 11. Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях: Материалы Второй науч.-практ. конф. «Россия в АТЭС и АТР». Москва, 20 июня 2000 г. / Отв. ред. *Иванов И., Титаренко М.* Совместно с МНД РФ. М., 2000.
 12. *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Изд. фирма «Вост. лит. РАН», 1998. С. 213.
 13. Например см.: *Ганишин Г.А.* Экономика современного Китая: возможности и реальность. М., 1992. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 9); *Ганишин Г.А.* Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. М., 1997. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 3); *Ганишин Г.А.* Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды. М.: «Вост. лит. РАН», 1997; *Карпов М.В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989) / МГУ, ИСАА. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку: Сб. ст. М.: ИМЭПИ РАН, 1996; Китайские реформы и Россия: Сб. ст. В 2 т. М.: ИДВ РАН, 2000; *Молодцова Л.И.* Китай углубляет реформу. М.: Финиздат, 1995; Экономика КНР на пути в XXI век / Отв. ред. *Наумов И.Н.* М., 1999. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 10); *Островский А.В.* Экономические реформы в КНР: уроки для России. М., 2000. (Экспресс-информация ИДВ РАН; № 2); *Ostrowskiy A.* Economic Reforms in the PRC and Taiwan: Implications for Russia // *Tamkang Journal of International Studies.* 1997. No. 1; *Пивоварова Э.П.* Уроки хозяйственной реформы в КНР // Рос. экон. журн., 1997. № 5/6; *Портяков В.Я.* Поиск путей социально-экономического развития в Китайской Народной Республике (конец 70-х — первая половина 90-х гг.): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук / ИМЭПИ РАН. М., 1999; *Портяков В.Я.* Путь китайских реформ // Пробл. Дальнего Востока. 1999. № 4; *Портяков В.Я.* «Он уважать себя заставил...»: Китай и Россия в экономическом измерении // *Pro et Contra.* Vol. 3, № 1; *Портяков В.Я., Шабалин В.И.* О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая // Пробл. Дальнего Востока. 1993. № 1; *Титаренко М.Л.* Цивилизация и реформы. ИДВ РАН. М.: Республика, 1999; *Титаренко М.Л.* Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М.: ИДВ РАН, 2000.
 14. *Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М.: Вост. лит., 1998; *Пивоварова Э.П.* Строительство социализма со спецификой Китая: поиск пути. М.: Наука, 1992; *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Химия и бизнес, 1999.
 15. *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М.: Химия и бизнес, 1999. С. 252.
 16. Там же. С. 254.
 17. *Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М.: Вост. лит., 1998. С. 256.
 18. См., например: *Балюк М.А., Балюк И.А.* Экономическая реформа в КНР: государство и рынок. М., 1996; *Портяков В.Я.* Рынок акций в Китае // Пробл. Дальнего Востока. 1998. № 3; *Балюк И.А., Портяков В.Я.* Рынок ценных бумаг в Китае; Рынок облигаций в КНР; Рынок акций в КНР; Вторичный рынок ценных бумаг // Информ. материалы / ИДВ РАН. М., 1998. (Сер. «Пробл. экон. развития и сотрудничества в Северо-Вост. Азии; Вып. 6).
 19. См., например: *Жигулева В.В.* Проблемы рынка потребительских товаров в Китае. Китай и АТР на пороге XXI в.: Тез. докл. IX междунар. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1998. Ч. 1. С. 71–75; *Жигулева В.В.* Становление рынка недвижимости в Китае // Бизнес и политика. 1997. № 12; *Жигулева В.В.* Страховой рынок Китая // Финансы. 2000. № 7.

20. См. статью *Солнцевой М.Г.* в сборнике «Китайские реформы и Россия» (В 2 т. М.: ИДВ РАН, 2000. Т. 1).
21. См.: *Данилов В.Е.* Государственные промышленные предприятия КНР в условиях экономической реформы (1978–1990 гг.). М., 1991. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 7).
22. См.: *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М.: Изд.фирма «Вост. лит. РАН», 1996; *Чуванкова В.В.* Социальный аспект развития индивидуального и частного предпринимательства // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1998. № 3; *Чуванкова В.В.* Индивидуальная и частная форма хозяйствования в Китае // Пробл. Дальнего Востока. 1998. № 2.
23. Например, см.: *Пивоварова Э.П.* Опыт акционирования в КНР // Бизнес и политика. 1997. № 12.
24. См.: *Круглов А.М.* Сельские (волостно-поселковые) предприятия в КНР: роль и место в народном хозяйстве, пробл. и перспективы: В 2 ч. М., 1997. (Информ. бюл. ИДВ РАН; №№ 7,8).
25. См.: *Ганишин Г.А.* Северо-Западный Китай в фокусе перспектив экономического развития страны: Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI вв. Тез. докл. VIII Международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1997. Ч. 1. С. 27–31; *Ганишин Г.А.* Восточный Китай — «стокотмив» экономическо-го развития // Информ. материалы / ИДВ РАН. М., 1999. (Сер. «Пробл. экон. развития и сотрудничества в Сев.-Вост. Азии; Вып. 11); *Ганишин Г.А.* Региональная политика и размещение производительных сил // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С. 227–243; *Ганишин Г.А.* Западный Китай — важный резерв ускорения экономического роста // Китайская Народная Республика в 1999 г. М., 2001. С.161–164.
26. См.: Региональное развитие и региональная экономическая политика РФ и КНР / ИМЭПИ РАН. М.: АОЗТ «ЭПИКОН», 2000.
27. См.: *Кондрашова Л., Островский А.* Урбанизация в КНР // Пробл. Дальнего Востока. 2000. № 3. С. 82–97.
28. *Кондрашова Л., Корнейчук Н.* КНР: реформа и региональная экономическая политика. М.: ИМЭПИ РАН, 1998. С. 136.
29. Например, см.: *Муромцева З.А.* Индустриальное развитие КНР в условиях экономической реформы (1978–1990 гг.). М., 1992. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 11); *Муромцева З.А.* Реформа в промышленности КНР: трудный путь // Обозреватель. 1996. № 8; *Муромцева З.А.* Углубление реформы в государственном секторе промышленности // Пробл. Дальнего Востока. 1998. № 3; *Кондрашова Л.П.* Индустриализация // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С.188–210.
30. Например, см.: *Коледенкова Н.Н.* Машиностроение КНР: современное состояние и перспективы развития // Информ. материалы / ИДВ РАН. М., 1999. (Сер. «Пробл. экон. развития и сотрудничества в Сев.-Вост. Азии; Вып. 10); *Коледенкова Н.Н.* Современное состояние черной металлургии КНР и основные направления технического прогресса // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 10; *Охотникова Л.М.* Решение проблем энергообеспечения в Китае // Пробл. и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI в. Тез. докл. VIII международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1997. Ч.1. С. 66–69; *Топливо-энергетическая промышленность // Китайская Народная Республика в 1998 г. М., 2000. С.107–115; Мандрыка Н.Н.* Транспорт и связь // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997. С.154–162; *Связь в КНР (80-е — 90-е гг.) // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы.* Тез. докл. XI международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 2000. Ч.1. С. 211–215.
31. См.: Макроэкономическое регулирование аграрной сферы в КНР / Отв. ред. *Коркунов И.Н.* М., 1999. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 6).
32. Например, см.: *Бони Л.Д.* Рынок в китайской деревне (1978–1995 гг.). В 2 ч. М.: 1997. (Информ. бюл. ИДВ РАН; №№ 5, 6); *Бони Л.Д., Волкова Л.А.* Модернизация аграрного сектора // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд.фирма «Вост. лит.», 1999. С. 211–226; *Бони Л.Д.* Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни // Пробл. Дальнего Востока. 1998. № 1.
33. См.: *Волкова Л.А.* Реформа в китайской деревне. М.: Агропромиздат, 1990; *Волкова Л.А.* Проблемы регулирования подряда на землю в китайской деревне в 90-е гг. // Пробл. и потенциал устойчивого развития развития Китая и России в XXI веке. Тез. докл. VII международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1996. Ч.1. С.70–74; *Волкова Л.А., Коркунов И.Н.* Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода к рынку // Пробл. Дальнего Восто-

- ка. 1997. № 2; *Валкова Л.А.* Социальные аспекты реформы в деревне // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 6. С. 49–84.
34. Например, см.: *Коркунов И.Н.* Сельское хозяйство КНР на рубеже XXI века в свете программы развития экономики до 2010 года // Китай на пути модернизации и реформ: Тез. докл. X международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1999. Ч. 1. С. 69–73; *Алексахина С.Н.* Основные проблемы и тенденции формирования отраслевой структуры сельского хозяйства КНР. М., 1991. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 13; *Алексахина С.Н.* Опыт проведения экономических реформ в экспериментальных сельских районах КНР. М., 1998. (Информ. бюл. ИДВ РАН, № 7; *Буденцов Е.В.* Сельское хозяйство Китая в 80-е годы: динамика и проблемы развития. М., 1993. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 12); *Буденцов Е.В.* Духовный мир и традиции китайского крестьянства. М., 1998. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 7); *Кршина Е.И.* Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае // Пробл. Дальнего Востока. 1999. № 6.
35. Например, см.: *Баженова Е.С., Островский А.В.* Население Китая. М.: Мысль, 1991; *Баженова Е.С.* Китай в демографическом измерении. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1992; *Наумов И.Н.* Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1993; *Островский А.В.* КНР: проблемы занятости, трудоустройства, подготовки кадров. М.: Цезан, 1993.
36. См.: *Курбатов В.П.* Актуальные проблемы КНР: демография, агросфера, экология. М.: ИВ РАН, 1996; *Дикарев А.Д.* Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1996.
37. См.: *Баженова Е.С., Островский А.В.* Население Китая. М.: Мысль, 1991. С. 194.
38. Там же. С. 195.
39. *Савинский С.П.* Реформа бюджетной системы КНР: Автореф. дис.... канд. экон. наук. М.: ИДВ РАН, 1996.
40. См., например: *Портяков В.Я.* Банки и банковская деятельность в Китайской Народной Республике // Бизнес и политика. 1997. № 12; *Портяков В.Я.* Иностранные банки в Китае // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997; *Шевель И.Б.* Валютное регулирование в КНР // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 4; *Шевель И.Б.* Государственный бюджет // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / Отв. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С. 244–251; *Шевель И.Б.* Реформа банковской системы Китая // Пробл. Дальнего Востока. 1999. № 5; *Шевель И.Б.* Реформа налоговой системы Китая // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 2.
41. См.: *Новоселова Л.В.* Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М.: Наука, Изд. фирма «Вост. лит.», 1995.
42. Там же. С. 292.
43. См., например: *Гирич Л.М.* Постановление ЦК КПК об ускорении научно-технического прогресса в КНР // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997; *Камешов П.Б.* Военное строительство в 90-е годы // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 3; *Камешов П.Б.* Проблемы обороны // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / Отв. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С. 309–318; *Петухов И.А.* Перспективы реализации программы создания международных бизнес-инкубаторов (международных коммерческих инкубационно-инновационных центров в Китае) // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 10.
44. См., например: *Бирюлин Е.В.* Закон КНР о предотвращении загрязнения окружающей среды твердыми отходами // Экспресс-информация ИДВ РАН. 1997. № 8; *Бирюлин Е.В.* Проблема экстремальных ситуаций и стихийных бедствий в природоохранном законодательстве КНР // Китай на пути модернизации и реформ: Тез. докл. X международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1999. Ч. 1. С. 66–69; *Минаков Ю.В.* Экологическая ситуация в Китае на современном этапе // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI в.: Тез. докл. VI международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1999. Ч. 1. С. 108–111.
45. *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая политика Китая (1980–1990 гг.). М., 1995; *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая политика Китая: пробл. и противоречия // ИДВ РАН. М.: Буква, 1998; *Потапов М.А.* Внешнеэкономический курс // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / Отв. ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С. 319–341; *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая политика реформенного Китая (конец 70-х — 90-е гг.): Автореф. дис.... д-ра экон. наук. М.: ИДВ РАН, 2000.

46. См.: *Потанов М.А.* Внешнеэкономический курс // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / Отв.ред. *Титаренко М.Л.* М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. С. 338.
47. См., например: *Михеев В.В.* Китай и азиатский регионализм // *Международ. жизнь.* 1999. № 9; *Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия: Пробл. экон. сотрудничества.* (руководители проекта — *А.В. Островский, М.Л. Титаренко*) / ИДВ РАН. М.: Изд-во «Эдиториал УРСС», 1998; *Портяков В.Я.* Китай в мировой торговле услугами // *Китай на пути модернизации и реформ. Тез. докл. X международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир».* М.: 1999. Ч. 1. С. 8–12; *Спрогис Е.В.* Внешнеэкономические связи КНР; *Спрогис Е.В.* Развитие внешнеэкономических связей КНР в 1996–2000 гг. // *Экономика КНР в преддверии XXI века (1991–2000).* М., 1997. С. 106–121; 196–201. (Информ. бюл. ИДВ РАН; № 2); *Якубовский В.Б.* Становление регионального экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии: роль Китая // *Китай и мир. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая: Тез. докл. II международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир».* М., 1991. Ч. I. С. 112–115.
48. См.: *Козлов А.А.* Гонконг накануне возвращения в Китай // *Международ. жизнь.* 1996. № 4; *Козлов А.А.* Глобализация и взаимодействие Китая со странами АСЕАН // *Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. Тез. докл. XI международ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир».* М., 2000. Ч. I. С. 187–192.
49. Например, см.: *Авдокушин Е.Ф.* Свободные (специальные) экономические зоны: Учеб. для студентов... / Моск. ун-т. потреб. кооперации. М., 1993; *Яскина Г.С., Аносова Л.А.* Сямьнь: свободная экономическая зона (становление, развитие, управление) / РАН. Отд-ние экономики. СПб., 1995; *Дейч Т.Л.* Опыт китайско-африканского экономического сотрудничества / РАН. Ин-т Африки. М., 1998; *Иванчиков А.Г.* Теоретические и практические аспекты привлечения иностранной технологии в КНР. М.: Наука, 1991; *Манежев С.А.* Иностраный капитал в экономике КНР. М.: ИДВ, 1990.

Изучение политической системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы*

© 2012

Д. Смирнов

В статье обобщаются выдвинутые в российском китаеведении в 1990-е гг. концепции и оценки процесса политической эволюции Китая. Прослежена трактовка стратегии и тактики КПК в ходе проведения политики реформ и открытости, основных направлений и тенденций внутривнутриполитического развития в КНР в конце XX в. Отражены разные подходы российских китаеведов к анализу этих проблем.

Ключевые слова: политическая реформа, социализм, идеология, КПК, демократические партии, ВСНП, НПКСК, кадровая политика, оппозиция, рыночная экономика

В 1990-е гг. перед российскими исследователями встала сложная задача дать объективную оценку политическим процессам в Китае в условиях перехода страны к новому углубленному этапу проведения политики реформ и открытости после событий на площади Тяньаньмэнь, ряда «бархатных» революций в Восточной Европе и распада СССР. Все произошедшее поставило ученых перед необходимостью переосмысления исторического опыта социализма и выработки новых подходов к анализу процессов его трансформации на путях построения рыночной экономики. Важнейшими вопросами теории и практики в этих условиях стали соотношение рыночной экономики с однопартийной системой, а также содержание, цели, задачи и темпы реформы политической системы социализма.

При рассмотрении общих итогов исторического пути КНР отмечалось, что «в более широком смысле процесс строительства нового социалистического общества в КНР отразил в своеобразной форме... общую тенденцию развития социализма — «социалистической идеи» — от утопии к науке, от революционного романтизма к реализму». Для осуществления реформ в таких крупных странах, как Китай и СССР, необходимы «политическая стабильность, сильная, авторитетная власть, способная преодолеть сопротивление реформам «вверху» и «внизу», создать условия для реализации реформ «мерами сверху при поддержке снизу», обеспечить экономическую и политическую стабильность при переходе к новым условиям жизни и производства¹. В то же время не ис-

Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук. Руководитель сектора истории КПК Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: smitov_da@inbox.ru.

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

ключалось, что набирающий силу социально-экономический плюрализм «неизбежно потребует адекватных политических перемен», а существующая в Китае инфраструктура политического плюрализма в лице восьми демократических партий и массы общественных объединений в центре и на местах, действующих под контролем КПК, в случае ослабления ее роли «вполне могут стать механизмами политического самоопределения новых социальных слоев и групп». При этом отмечалась необоснованность пессимистической точки зрения на развитие политической ситуации в КНР после смерти Дэн Сяопина по причине «некорректности механического экстраполирования сегодняшнего дня в завтрашний» и наличия у правящей китайской элиты опыта собственного прошлого, подкрепленного уроками СССР, резко обострившего у нее «инстинкт самосохранения» и умение маневрировать накопленными ресурсами для решения фундаментальных проблем страны. Подчеркивалась необходимость постепенности в проведении реформ и недопущения резких скачков, чреватых дестабилизацией обстановки².

С точки зрения долгосрочной перспективы выделялась проблема проведения реформы политической системы и приведения моноцентричной надстройки в соответствие с многоукладной структурой экономического базиса. В качестве одной из специфических особенностей политической ситуации в КНР отмечалось отчуждение от власти сформировавшегося за годы реформ слоя частных собственников в стране, чем и объяснялось отсутствие там роста демократии³.

Ближайшая перспектива внутривнутриполитического развития связывалась с неизбежным формированием коллективного руководства после смерти Дэн Сяопина ввиду отсутствия равного ему харизматичного лидера при сохранении авторитаризма, который будет становиться более просвещенным в качестве «постоянного политического атрибута Китая»⁴.

Что касается проблемы обеспечения целостности государства в условиях развития рыночных отношений, то она обеспечивалась «мощным, эффективным контролем» центральной власти «над ключевыми провинциальными кадрами и над региональными экономическими и сырьевыми ресурсами», а также «традиционной глубокой вовлеченностью армии в политические структуры власти» и сохранением важной политической роли вооруженных сил в стране «как гаранта сдерживания регионализма (сепаратизма) и подрыва государства»⁵.

Важное место в работах российских исследователей занимал анализ политики КПК и вопросов партийного строительства. Прежде всего подчеркивалось, что итогом реализации политики реформ и открытости стало создание рыночной экономики при сохранении существующей политической системы КНР с ее основой в виде собраний народных представителей при наличии «жесткой монополии КПК на власть» и отказе от заимствования западных политических моделей. При этом в государственно-политическом строительстве в КНР выделялся такой «новый момент», как декларирование задачи построения правового государства, в рамках выполнения которой КПК приняла обязательство действовать в рамках закона.

Отмечалось, что наряду с объективной потребностью Китая в резком ускорении развития производительных сил существовала и субъективная причина принятия стратегии реформ «как реакция на суть и последствия «культурной революции». Для преодоления застоя в экономике и безразличия народа к своей судьбе, помимо выдвигания «аполитичных и прагматичных» формулировок Дэн Сяопина «практика — критерий истины», «раскрепощать сознание» потребовалась глубокая перестройка идейно-теоретических основ китайского общества, в ходе которой «подверглись творческому пересмотру, казалось бы, незыблемые представления, считавшиеся объективными законо-

мерностями строительства социализма во всех странах». Значение некоторых теоретических новаций выходило за рамки собственно Китая, поскольку «они носили характер прорыва в науку о социализме, в особенности для стран со слабо развитой экономической системой»⁶.

В ходе изучения роли и места КПК в политической системе КНР на этапе проведения реформ российские исследователи отмечали, что проведение политики «реформ, открытости и модернизации» продемонстрировало не только выдающиеся успехи в экономическом развитии, но «показало также возможности и направления эволюции политического механизма и государственного устройства, как эффективные, так и тупиковые пути в развитии политической системы» Китая. В первую очередь это касается КПК — важнейшего субъекта политической системы КНР, ставшего главным инициатором реформ. Хотя политическая система перестраивалась не столь «революционно» как экономическая, «изменения институционально-политического плана как следствие преобразования функций субъектов власти, и прежде всего КПК, имели в специфических условиях Китая глубокий характер».

Суть процесса преобразования политической системы КНР в ходе реформ характеризовалась как «постепенный переход правящей партии от командно-административного стиля управления государством и обществом, принявшим абсурдные формы в период «культурной революции», к менее централизованной форме руководства, включающей элементы диалога КПК с политическими партиями и общественными организациями».

Изучение процесса перестройки деятельности КПК по реализации стратегии реформ показало, что эта перестройка шла по пути разграничения партийных и государственных функций, отказа от подмены государственных органов, децентрализации власти и постепенного преодоления «чрезмерной ее концентрации» при одновременном сосредоточении сил правящей партии на обеспечении политического, идеологического и организационного руководства и сохранении партийного влияния на все органы государственно-административного управления, прежде всего, путем совмещения партийных и государственных должностей руководителями всех уровней. Выделялись такие основные направления партийной работы в ходе проведения политики реформ, как перестройка системы отбора и подготовки кадров, борьба с коррупцией, выполнение контрольных, рекомендательных и воспитательных функций партии, достижение «устойчивого равновесия в управленческой сфере между партией, собраниями народных представителей, народными правительствами и судебно-прокурорскими органами». Также констатировалось усиление курса на правовое обеспечение функционирования всех элементов государственного механизма и общества «в рамках медленно текущей политической реформы с китайской спецификой»⁷.

Отмечалось усложнение идеологической обстановки, в которой приходилось действовать руководству КПК на этапе реформ. С одной стороны, в ходе попыток проведения либеральных реформ в рамках «перестройки» закостеневшего механизма власти фактически самоликвидировался Советский Союз, что не могло не поставить под сомнение историческую перспективу социалистического общественного строя. С другой — углубление реформ и политики «открытости» КНР обострило существующее расхождение между официальными идеологическими установками, сформировавшимися в период гражданской войны и социалистического строительства, и курсом на развитие китайской рыночной экономики.

В качестве главной особенности эволюции политической системы КНР в ходе реформ отмечено сохранение монополии КПК на власть в отличие от горбачевской пере-

стройки, во времена которой одновременно с либерализацией экономики вольно или невольно проводилась либерализация политической системы. Такой подход диктовался интересами сохранения социально-политической стабильности, которой отдавался приоритет в вопросе регулирования отношений между реформой, развитием и стабильностью, при одновременном признании необходимости «управлять страной на основе закона». Вместе с тем КПК приходилось руководить страной в условиях растущей имущественной дифференциации, формирования новых социальных слоев со своими объективными интересами, массовой коррупции и идеологической дезориентации населения, особенно молодежи, что создавало почву для отчуждения общества от власти.

Для преодоления этого отчуждения, помимо проведения соответствующей социальной политики, в сознание общества внедрялась жесткая и бескомпромиссная установка на обеспечение стабильности государства как главной гарантии успешного продолжения реформ и нормального развития страны. В то же время на всем протяжении процесса реформ происходило последовательное «вымывание» из идейно-теоретического арсенала КПК отдельных постулатов, вступающих в противоречие с установками на внедрение рыночных отношений в социалистическую экономику. Но этот процесс происходил постепенно и таким образом, чтобы не допускать излишнего обострения идеологических дискуссий, которые могли послужить детонатором социально-политической дестабилизации. Была пересмотрена прежняя оценка роли и места «идей Мао Цзедуна», из которых были исключены допущенные им левачьи ошибки, а сам он был канонизирован как вождь, самостоятельно нашедший собственный путь китайской революции и строительства социализма на основе правильного применения основных положений марксизма в условиях Китая.

Необходимость адекватного реагирования на складывающуюся в процессе модернизации Китая новую социальную ситуацию способствовала трансформации КПК из партии классовой борьбы, нацеленной на осуществление революционных и социалистических преобразований, в партию классового мира — общенациональную по программе и социальному составу организацию, призванную обеспечить общенародную поддержку политики реформ и социально-политическую стабильность. Однако, в случае серьезного обострения социальной напряженности, не исключался временный откат назад — к усилению старых партийных традиций и методов пропаганды⁸.

В ходе изучения российскими исследователями процесса реформирования политической системы в современном Китае указывалась необходимость учета «характера и мощи инерции в исторической эволюции общества», имеющего свои культурно-исторические особенности и качественные характеристики, «делающие практически невозможными произвольные его трансформации». Это зависит от «культурно-исторических доминант» — «заданных прошлым направлений и одновременно ограничителей исторического движения». Для Китая это приоритет государства, государственной собственности как высшей ее формы, отсутствие демократических традиций, норм и институтов, господство отношений «государство — подданный». С началом реформ «партия-государство» вступило в период некоего «перерождения» (признание допустимости эксплуатации человека человеком, углубление разрыва между идеологическими установками и реальной жизнью, установление вместо «диктатуры пролетариата» «диктатуры ганьбу» под прикрытием тезиса о «демократической диктатуре народа»). «Партия-государство» становится «оболочкой», прикрывающей совершенно новые общественные отношения, вырастающие из новых устоев жизни, и новую систему ценностей. Но проблема китайского общества состоит в том, что самостоятельные общественные движения пока не сложились, а «партия-государство», в интересах собственного самосо-

хранения, препятствует осознанию новыми социальными слоями своих интересов, их самоорганизации, формированию гражданского общества и решительно выступает против многопартийности и парламентаризма.

Успехи экономических и политических реформ зависят от степени их поддержки обществом и создания условий для «социальной самодеятельности» всех его слоев. Однако, в этом же и кроется опасность отрыва «партии-государства» от общества, что может вызвать ослабление созидательного общественного потенциала и вызвать обострение социальных проблем и противоречий⁹.

Существовавшая до реформ в Китае конструкция «индустриального социализма» оценивалась в российском китаеведении как «соединение жестко идеологизированной диктатуры компартии и мощного госсектора в промышленности», некий «партийно-индустриальный симбиоз», характеризующийся преобладанием внеэкономического принуждения. При проведении реформ этот «монолит» переживает децентрализацию, однако «структурно не перестраивается, сохраняя прежние административно-командные характеристики и оставаясь основой, несущим стержнем тоталитарной системы». В этих условиях «преодоление тоталитаризма» связано в первую очередь с углублением рыночных реформ в госсекторе, нацеленных на конечное разрушение «каркасообразующего партийно-индустриального монолита». В ходе реформ «партия-государство» уже не в состоянии контролировать социум прежними методами активной мобилизации, появились и расширяются очаги общественной и хозяйственной свободы, ширятся горизонтальные связи при сохранении ключевых позиций «партийно-индустриального симбиоза» в народном хозяйстве и в общественной жизни. Такого рода «посттоталитарной» общественно-экономической системе свойственны сохранение «коммунистической диктатуры» в политике и ведущих позиций индустриального госсектора в экономике, но уже в децентрализованном виде, частичная или полная деколлективизация в сельском хозяйстве и развитие мелкого частного предпринимательства, отказ от сугубо идеологического подхода к проблемам развития в пользу «идеологически-прагматического подхода» и т.д. Для Китая данная модель стала «огромным шагом вперед» по сравнению с «маоистским тоталитаризмом», обеспечив высокий экономический рост и подъем благосостояния значительной части общества¹⁰.

Был проведен анализ конкретной взаимосвязи политической борьбы в КНР, прежде всего демократического движения в конце 1980-х гг., с экономической политикой китайского руководства и общеэкономической ситуацией. Показаны разногласия в руководстве КПК по поводу студенческих выступлений, неподготовленность демократически настроенных кругов китайской интеллигенции к руководству студенческим движением. Утверждалось, что Дэн Сяопин относился к реформе политической системы лишь как к средству, призванному обеспечить проведение экономической реформы, из чего следовал вывод, что хотя «общая ситуация в Китае... внешне выглядит вполне устойчивой, однако потенциал консервативно-стабилизационного курса» «не представляется очень значительным», «неизбежный рано или поздно переход к более активному реформаторскому курсу определит и будущее этой модели, и сами судьбы китайской государственности»¹¹.

При оценке ситуации внутри китайского руководства в постдэнзовский период исследователи констатировали возрастание власти генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя при одновременной потере им прежней «мощной поддержки» со стороны Дэн Сяопина и тех силовых центров, на которые он имел возможность опираться, что вынудило его «постоянно учитывать мнение региональных лидеров». В качестве нового явления в постдэнзовский период отмечалось возрастание роли заместителя председателя КНР с приходом на эту должность Ху Цзиньтао. Тем самым обеспечивалось сохранение

пресмственности высшей власти в государстве в руках представителя Компартии Китая «при любом повороте событий», и была «создана целостная система дублера Цзян Цзэминя и по партийной, и по государственной линии». Делался вывод о том, что «в перспективе Ху Цзиньтао может выйти на сцену в роли одного из двух высших руководителей партии и государства, реально решающих вопросы и распоряжающихся сосредоточенной в их руках властью»¹².

Китай характеризовался и как образец «самореформирования политической и экономической системы той модели социализма, реализация которой была начата в 1917 г.», при том, что именно в Китае «в наиболее чистом виде» был повторен «советский социалистический эксперимент». Реформы, начатые «коммунистами-реформаторами во главе с Дэн Сяопином», «инициировали развитие демократических тенденций в стране» и если бы не подавление «демократического движения в КНР» летом 1989 г., можно было бы говорить о триумфе Дэна и его сторонников в реформировании китайского общества и о «способности коммунистической идеологии адаптироваться» к новым социально-экономическим и идейно-политическим процессам. Но трагические события 1989 г. «оставляют серьезные сомнения в возможности именно КПК (точнее, ее реформаторского крыла) довести до конца начатое дело».

В качестве одного из важных направлений политической реформы в начале 1980-х гг. выделялась «структурная и кадровая реорганизация административных органов», о которой было заявлено на XIII съезде КПК в 1987 г. Однако эта реформа не была реализована во многом из-за событий на площади Тяньаньмэнь. Главная проблема, с которой сталкивается реформа системы исполнительной власти и которая не была решена и к середине 1990-х гг. — это сложившаяся еще в 1950-х гг. кадровая система, в основе которой — система номенклатуры советского образца с перечнем руководящих должностей и правом назначения на них, принадлежащим партийным органам. Данная система — основной инструмент контроля КПК над происходящими в обществе идейно-политическими и социально-экономическими процессами, устанавливающий пределы самостоятельности всех хозяйственных единиц, общественных организаций и т.д.

В 1990-е гг. не была также решена задача разграничения партийных и хозяйственных функций, являющаяся краеугольным камнем реформы политической системы, особенно на местном уровне. Отличительной чертой власти в КНР в это время являлось совмещение партийных и государственных постов на всех уровнях, вплоть до самого высшего, на котором главные рычаги власти сосредоточены в руках членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, а также осуществление партийного контроля над центральными министерствами и ведомствами через партийные группы руководства, подчиняющиеся непосредственно ЦК КПК. По этому принципу в 1990-е гг. формировались руководящие группы на всех уровнях административного и хозяйственного управления.

Отсюда делался вывод, что «в настоящее время никакой политической реформы не проводится (в том виде, как она была сформулирована на XIII съезде КПК)» и «произошел существенный откат назад», содержание «политической реформы» стало сводиться к разделению функций административных органов и предприятий, а не партийных и административных органов, к трансформации функций правительства, сохранению многопартийного сотрудничества, но без какого бы то ни было политического плюрализма. В результате экономический либерализм «пришел в известное противоречие с устойчивым консерватизмом в проведении политической реформы», но искусственное сдерживание демократических преобразований чревато новым витком конфронтации в обществе, несмотря на стабильную экономическую ситуацию. Об этом свидетельствовали студенческие демонстрации 1986 г. и трагические события 1989 г., когда «ни высшее

руководство, ни серьезные аналитики не могли предположить столь мощного движения в поддержку демократических реформ». Поэтому и при сохранении достаточно твердого контроля над ситуацией со стороны КПК «было бы ошибочным исключать возможность даже в ближайшей перспективе стремительного роста политического самосознания населения, социальных конфликтов и потрясений».

Поражение демократического движения в Китае в 1989 г. стало «логическим итогом развития внутрисполитической ситуации в стране», но «главной причиной обострения внутрисполитической ситуации стала медленная реализация политической реформы», осуществлявшейся «сверху», дозировано и осторожно, поскольку реформаторы рассматривали эту реформу как приводной ремень к маховику экономических преобразований. К тому же они испытывали давление со стороны консервативных сил, что не устраивало демократически мыслящую часть интеллигенции и студенчество, которое в Китае всегда было «детонатором революционных потрясений». Поражение демократического движения было обусловлено рядом объективных и субъективных причин: демократическое движение в КНР не было организованным объединением тех или иных социальных слоев и групп, как не было у этого движения и «реальных политических лидеров», обладавших широким общественным влиянием и опытом политической борьбы. «Грубейшей ошибкой» этих лидеров стало то, что они избрали одним из объектов своей критики Дэн Сяопина — патриарха китайских реформ», в результате чего он «вынужденно встал на сторону консерваторов и санкционировал расстрел»¹³.

Целый ряд российских исследований в 1990-е гг. был посвящен разным аспектам внутренней ситуации и проведения реформы политической системы в Китае, таким как национальный вопрос и национальная политика, правовые аспекты воссоединения Сянган и Аомэнь с Китаем, вопросы государственного строительства и развития права и др. Были рассмотрены факторы, угрожающие социально-политической стабильности в стране, к которым относились неудовлетворительное состояние общественного правопорядка; экономические преступления и, прежде всего, коррупция в государственном и общественном аппарате; рост цен и инфляция; неудовлетворенность части населения уровнем доходов и условиями жизни; неудовлетворенность социальным статусом; плохое состояние окружающей среды и недовольство политикой руководства страны, особенно проводимой демографической политикой. Для обеспечения социально-политической стабильности подчеркивалось особое значение надлежащего решения проблемы взаимоотношений центра и регионов, включая многоплановые экономические аспекты этой проблемы.

Повышенное внимание руководства КПК к проблеме социально-политической стабильности было обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, собственным историческим опытом социальных протестов, принимавших нередко масштабные разрушительные формы государственных переворотов, военного регионализма, национальных восстаний, гражданских войн и хаоса «культурной революции». Во-вторых, повышенной чувствительностью китайского руководства к разного рода протестным выступлениям в силу социалистического типа общественного развития с руководящей ролью коммунистической партии, особенно после распада СССР и мирового социалистического лагеря и нарастающего давления со стороны Запада по вопросу демократии и прав человека. В-третьих, наличием «тайваньского фактора» — населенного китайцами государственно-политического образования с иным общественным строем. В-четвертых, нарастанием угрозы сепаратизма на национальных окраинах КНР в условиях появления независимых государств с мусульманским населением на границе с Китаем на месте бывших советских среднеазиатских республик и усиления исламского фундаментализма.

Несмотря на все эти потенциальные риски дестабилизации обстановки, делалось заключение о том, что «можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в ближайшие 10–15 лет Китай не столкнется с такими крайними формами социально-политической нестабильности, как распад государства и насильственная смена общественного строя. По-видимому, практически маловероятна и возможность резкой дестабилизации социально-экономической ситуации в стране, сопровождающейся утратой центром контроля за положением в регионах, экономической депрессией, голодом и т.д.»¹⁴.

В ряде работ прослеживалась эволюция национальной политики КПК. Первый период — становление многоуровневой системы национальной автономии для неханьских народов после образования КНР, создававшей административно-правовую базу для учета интересов коренного населения национальных окраин, но носившей в значительной мере номинальный характер в обстановке доминирования великоханьского шовинизма. Период «культурной революции», характеризовавшийся полным попранием прав и интересов национальных меньшинств под лозунгом «слияния национальностей». Период реформ, когда происходило последовательное исправление прежнего курса, «шаг за шагом подвергались критике и отбрасывались почти все установки политики КПК в этой области, выдвигавшиеся с 1957 г.».

Национальная политика и ее теоретическая база после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва 1978 г. начали меняться. Прежде всего был восстановлен статус национального вопроса, значимость которого во внутренней политике возросла и который был поднят до уровня «стратегической проблемы». Была признана необходимость преодоления пережитков великоханьского шовинизма в умах кадровых работников и признания принципа равноправия национальных меньшинств. Повысился жизненный уровень неханьских национальностей, о чем свидетельствует рост их численности до 100 млн чел. (8,98% всего населения) в 1995 г. Развитая система национальной автономии — от национальной волости до автономного района на правах провинции — позволила в значительной степени учитывать специфические особенности и интересы национальных меньшинств. В 1980–90-е гг. была образована многоступенчатая система национального законодательства, расширялась подготовка национальных кадров и использование их на руководящих должностях в национальных районах.

Вместе с тем, еще нельзя было утверждать, что неханьцы стали в полной мере «хозяевами в собственном доме», так как сохранялась «докучливая опека над всеми сторонами жизни» этих народов. В то же время в условиях перехода страны к рыночной экономике, ускорившего нарастание разрыва в уровне развития между ханьскими (в первую очередь приморскими) провинциями и национальными окраинами, власти КНР «сочли целесообразным снять свою прежнюю установку о ликвидации фактического неравенства неханьцев» в пользу ликвидации «разрыва» в уровне развития ханьских и национальных регионов.

В целом констатировалось, что национальная политика в рамках стратегии реформ Дэн Сяопина «вышла на путь конструктивного решения национального вопроса; при этом в стране была сформирована целостная теория национального вопроса с учетом китайской специфики»¹⁵.

В русле развития национальной политики в период реформ китайские власти стали уделять больше внимания проблемам малочисленных народностей (этнос численностью до 100 тыс. чел.), что нашло отражение в исследованиях российских китаеведов. Так, отмечалось отставание этих народностей «в политическом, экономическом и культурном отношениях», особенно на Западе Китая. Благодаря принятым мерам численность этих народов начала увеличиваться, но в период реформ у малых народностей

появились новые проблемы, вызванные «ломкой их традиционного уклада жизни» и воздействием других факторов, из-за чего у ряда народов стал повышаться уровень заболеваемости и отмечались другие симптомы социального неблагополучия¹⁶.

Российские специалисты проследили ход подготовки перехода Сянгана под суверенитет КНР, начиная с ведения переговоров с Великобританией в 1984 г. и кончая анализом специфики административно-политического устройства Сянгана в составе КНР (с 1997 г.). Отмечалась «удачная работа в области правового, организационного и кадрового обеспечения начального этапа преобразований политической системы Сянгана». В то же время констатировалось, что китайское руководство не форсирует окончательную перестройку доставшейся в наследство от англичан политической системы Сянгана во избежание социальных беспорядков, экономического ущерба и подрыва международного престижа КНР, придерживаясь таких рассчитанных на длительную перспективу политических установок, как «сянганцы управляют Сянганом» и «высокий уровень автономии Сянганского особого административного района КНР»¹⁷.

В трудах российских правоведов были рассмотрены вопросы модернизации законодательства КНР после вступления Китая в период реформ — в области хозяйственного, гражданского, административного, уголовного, природоохранного, семейного права, государственной службы и борьбы с коррупцией. В качестве позитивного фактора выделялись «наращивание и модернизация обширного пласта законодательства по различным отраслям права», но при этом отмечалось, что «непростой задачей» для Китая остается «обеспечение действия права в социально-экономической и политической жизни»¹⁸.

Среди вопросов государственного строительства в КНР в рассматриваемый период российскими исследователями выделялась задача создания таких институтов власти, которые одновременно могли бы обеспечивать и поступательное развитие, и сохранение и укрепление руководящей роли КПК. В этой связи указывалось на такую отличительную особенность Конституции 1982 г., как создание впервые в послевоенной истории социалистических стран системы двух высших законодательных органов, обладающих полномочиями принимать общегосударственные законы — ВСНП как высшего представительного органа государственной власти, а также его Постоянного комитета как высшего коллегального органа государственной власти, что позволяло интенсифицировать и ускорить работу по принятию законодательных актов. При этом ВСНП в качестве высшего государственного органа массового представительства обеспечивает легитимацию партийных предложений. С другой стороны, реформаторы нуждались в регулярной эффективной законодательной работе для решения, прежде всего, задач экономических реформ, «в достаточно компактных и компетентных органах государственной власти, контролируемых с помощью механизма ротации». Вместе с тем, лидеры-реформаторы в руководстве КПК, учитывая противодействие консерваторов и в силу сохранения партийно-аппаратного стиля работы, «стремились обеспечить легитимность своей власти и получить политические гарантии, не связывая себя конкретными обязательствами»¹⁹.

Российскими исследователями был также рассмотрен активизировавшийся в 1990-е гг. процесс законодательного регулирования деятельности ветви власти, называемой в КНР «политико-юридические учреждения», которые включают органы правосудия, общественной и государственной безопасности и систему исполнения наказаний. Была выявлена, с одной стороны, общая тенденция к определенной гуманизации, росту юридической культуры государства и общества в КНР, с другой, недостаточная проработанность законодательства в этой сфере²⁰.

Были прослежены основные этапы формирования представительной системы КНР, особенность которой состоит в том, что она относится к так называемому «советскому типу», при котором отрицается принцип разделения властей, важнейшие политические решения принимаются руководством КПК, но эти решения правящая партия проводит не непосредственно (как то имело место во время «большого скачка» и «культурной революции»), а оформляет в виде решений представительных органов власти. Отмечалась сложность решения в Китае проблемы разделения функций партийных и государственных органов, и был сделан вывод о том, что «представительная система КНР находится лишь в процессе становления, ее совершенствование и развитие институтов тесно связывается с проведением реформы политической системы», но в то же время «от несовершенства представительных органов зависит состояние всей политической системы». Последнее же «определяется в первую очередь соблюдением норм права, существующего как система, эффективно работающая на осуществление всесторонних реформ, постепенное развитие общества»²¹.

Была проанализирована структура власти в современном Китае, включая КПК, систему государственно-административных органов и политико-юридических учреждений, Единый фронт²². Прослежен продиктованный переносом упора в деятельности партии с конца 1970-х гг. на экономическое строительство процесс перестройки содержания и методов руководства страной в направлении разработки стратегии развития и обеспечения ее реализации, включающий работу с кадрами, решение теоретических вопросов модернизации и ее идеологическое обоснование. Это потребовало разграничения партийных и административных функций и отказа от прежней чрезмерной централизации власти. Изучена роль Постоянного комитета ВСНП в активизации законотворчества. Отмечалась особая роль НПКСК в объединении нации вокруг целей социалистической модернизации и выполнения задачи мирного объединения Китая по формуле «одно государство — два строя». Прослежены серьезные преобразования в кадровой политике, направленные на повышение эффективности всей системы управления страной. На основании вышеизложенных исследований было сделано заключение о том, что в Китае глубокие экономические трансформации сопровождаются постепенным преобразованием политической системы, включая определенную демократизацию системы выборов на местном уровне и либерализацию законодательства. Китаю требуется постепенность в развитии политической системы, учет национальных традиций и исторического опыта, поскольку резкие перемены слишком рискованны для этой огромной страны.

Российскими исследователями была выявлена тенденция к сокращению в середине 1990-х гг. общего числа сотрудников центрального государственного аппарата, отмечалось его омоложение и обновление, а также существенное повышение образовательного уровня на всех этажах власти, включая уездный. Все это позволяло считать сложившийся и функционирующий в Китае к середине 1990-х гг. кадровый корпус «способным поддерживать в стране стабильную обстановку» и «осуществлять экономическую реформу и политику открытости»²³.

Были проанализированы роль и место демократических партий в политической жизни КНР на этапе проведения политики реформ. Констатировалось, что эти партии, с одной стороны, не играют значительной роли, поскольку их предназначение определено в качестве «участвующих в политической жизни» под руководством КПК. С другой, в самом факте наличия этих партий в политической системе КНР, означающем признание многопартийности, налицо целый ряд позитивных моментов. Указывалось, что демократические партии являются для КПК каналами обратной связи с различными слоями общества, позволяющими еще на этапе обсуждения с ними важнейших решений общегосу-

дарственного масштаба «сгладить острые углы» и «выпустить пар» в случае возникновения в обществе напряженной обстановки. К тому же, эти партии играют созидательную роль в экономике, науке, медицине и других сферах деятельности, вносят большой вклад в развитие связей Китая с соотечественниками на Тайване и обширной зарубежной китайской диаспорой.

Был изучен такой специфический институт власти, как НПКСК, выполняющий в КНР функции Единого фронта и не имеющий аналогов в России ни по широте общественного представительства, ни по выполняемым функциям. Констатировалось возрастание роли этого института по мере углубления политики реформ, ведущей к усложнению социального состава китайского общества и нарастанию в нем идейного плюрализма²⁴.

С переходом Китая к политике реформ больше внимания стало уделяться низовому звену территориального общественного самоуправления — комитетам населения в городах, существовавшим и ранее, а с началом проведения политики реформ — созданию комитетов сельского населения. При изучении этого вопроса акцент был сделан на обновленных и принятых в годы реформ новых законах, регламентирующих данную сферу общественного самоуправления КНР, в первую очередь, на Законе об организации комитетов сельского населения, согласно которому этим комитетам были предоставлены широкие права как в сфере самоуправления, так и в хозяйственной и административной сферах²⁵.

В исследовании становления гражданского права в ходе проведения экономической реформы в КНР подчеркивалось, что такие особенности правового регулирования реформ в Китае, как решающая роль государства в проведении реформ и их постепенность в условиях отсутствия единства мнений в руководстве страны относительно содержания экономической реформы, обусловили осторожность при реформировании хозяйственного права, в частности, регулировании отношений собственности²⁶.

При оценке роли армии в общественно-политической жизни КНР был выявлен начавшийся с конца 1970-х гг. ее «постепенный отход от активного участия в политической жизни страны» к сосредоточению на решении собственно военных задач, а также к участию в экономическом развитии в соответствии с выдвинутой Дэн Сяопином установкой «армия должна подчиняться интересам общего дела, интересам строительства в стране». Однако, после событий на площади Тяньаньмэнь, в которых армия сыграла решающую роль, ее политическая значимость вновь стала возрастать, о чем свидетельствует увеличение представительства военных на XIV съезде КПК (1992 г.) и последовавшая за этим кампания по восхвалению заслуг армии при одновременном усилении партийного контроля над ней. Был сделан вывод о том, что «при любых условиях военным в Китае будет принадлежать ключевая роль, так как в рядах армии имеются деятели, способные поддержать перемены в обществе для осуществления серьезного поворота в развитии страны». Это обусловлено свойственным большинству кадровых военных «позитивным консерватизмом, базирующимся не на неприятии перемен, а на лояльности законным властям и нежелании социальных потрясений, ведущих общество к анархии и хаосу». Впрочем, в краткосрочной перспективе перемены, подобные тому, что произошли в СССР и Восточной Европе, признавались «маловероятными». В итоге было признано, что «при оценке развития внутреннего и внешнего политического курса КНР необходимо учитывать социально-политическую роль вооруженных сил, позицию военных в отношении путей и способов разрешения современных проблем Китая»²⁷.

В одной статье невозможно охватить все работы российских исследователей в 1990-е гг. по политико-правовой тематике развития КНР. Переходя к обобщению основных авторских подходов и оценок, следует отметить, что реформирование госсектора,

вслед за проведением реформ в деревне и дальнейшим расширением рыночных отношений в экономике, в целом размывает экономическую основу монополии КПК на власть и объективно создает предпосылки для ускорения социальной дифференциации, способной постепенно привести к размыванию идейно-политических основ руководящей роли КПК. И в самом Китае возникают споры относительно допустимой границы расширения необщественного сектора экономики без угрозы для существующего социалистического строя. Пока, со времени XV съезда КПК (1997 г.), принявшего решение о глубоком реформировании госсектора экономики, монополия КПК на власть поколеблена не была и серьезных изменений в политической системе страны не произошло.

На протяжении свыше 30 лет проведения курса реформ и открытости политическая система КНР устояла (в отличие от советской), демонстрируя при этом высокую эффективность в управлении экономикой. Вопрос в том, насколько хватит потенциала этой системы для разрешения растущих внутренних социальных противоречий и в каком направлении она будет эволюционировать либо радикально трансформироваться под воздействием совокупности внутренних и внешних факторов.

Обобщая вышесказанный материал, можно прийти к выводу, что в работах российских исследователей 1990-х гг. достаточно всесторонне проанализирована эволюция политического строя в КНР по мере вступления Китая в новый этап политики реформ и открытости, характеризовавшийся ее углублением на фоне ускоряющейся дифференциации китайского общества и усложнения идеологической ситуации в стране по мере разрастания в ней идейного плюрализма. При этом практически всеми исследователями в разных интерпретациях констатируется сохранение авторитарного политического режима в КНР при постепенном развитии процесса демократизации разных сторон общественно-политической жизни, в том числе, внутри самой КПК.

Складывается впечатление, что на некоторые оценки российских исследователей 1990-х гг., связанные с ожиданием в обозримой перспективе трансформации существующего в КНР политического режима, заметно повлияли события в Китае в 1989 г. и в СССР на рубеже 1980-х—90-х, что вполне закономерно. В этом смысле характерен пример самого Китая, где под влиянием этих же событий в начале 1990-х гг. наблюдался пессимизм относительно перспектив продолжения политики реформ и открытости, вызвавший в качестве ответной реакции усиление «левых» тенденций в идеологии и политике, пока временное «замораживание» властями ситуации не сменилось там в 1992—1993 гг. курсом на углубление реформ. Тем не менее, следует признать, что в работах российских авторов, независимо от различий их мировоззренческих позиций, в целом дана достаточно объективная оценка событий и процессов, происходивших в Китае на протяжении последнего десятилетия XX в., способствовавшая правильному их пониманию и адекватному восприятию в России, а в результате — становлению и развитию добрососедских, дружественных отношений вновь созданной Российской Федерации с ее великим дальневосточным соседом.

-
1. *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия: Вопр. междунар. и межцивилизационных отношений. М., 1994.
 2. *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
 3. *Титаренко М.Л.* Китай. Цивилизация и реформы. М., 1999.
 4. *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
 5. *Титаренко М.Л.* Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации — условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию акад. С.Л. Тихвинского М., 1998. С. 70.

6. *Асланов Р.М.* КПК: формирование стратегии на современном этапе (1977–1997) // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 372–392.
7. *Маммаева Н.Т.* Коммунистическая партия Китая — ядро политической системы // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 393–410.
8. *Смирнов Д.А.* XV съезд КПК и идеологическая платформа социалистической модернизации КНР // Китай и АТР на пороге XXI века: Тез. докл. IX Международ. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 29 сент. — 1 окт. 1998 г. Ч. 2. М., 1998. С. 9–14.
9. *Гельбрас В.* Реформы в КНР: проблема оценки итогов // МЭиМО. 1995. № 7. С. 18–31.
10. *Карпов М.В.* «Социализм с китайским лицом» или капитализм по-китайски? // Восток. 1996, № 3. С. 64–73.
11. *Карпов М.В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). М., 1997.
12. *Галенович Ю.М.* Уход из жизни Дэн Сяопина и изменения в китайском руководстве // Китай на рубеже тысячелетий (по материалам научной конференции Центра исторических и политических исследований ИДВ РАН, состоявшейся в декабре 1997 г.) Информ. материалы ИДВ РАН. Сер. «Общество и государство в Китае в ходе реформ». Вып. 3. М., 1998. С. 22–25.
13. *Ахметшин Н.Х.* Переходные процессы в КНР: государство и общество (80–90-е годы) // Вестн. МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1996. № 2. С. 42–54.
14. *Портяков В.* Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР // ПДВ. 1998. № 2. С. 17–28.
15. *Москалев А.А.* Национальный вопрос: поиски и находки // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999. С. 458–472.
16. *Лазарева Т.В.* Проблемы малочисленных национальностей в КНР // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI в. Тез. докл. VIII Международ. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (М., 7–9 октября 1997 г.). М., 1998. С. 111–114.
17. *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Важный шаг в объединении Китая (о некоторых политико-юридических аспектах воссоединения Сянгана с КНР) // Востоковедение и мировая культура: К 80-летию акад. С.Л. Тихвинского М., 1998. С. 362–381.
18. *Гудошников Л.М.* Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999. С. 411–428.
19. *Ахметшин Н.Х.* Указ. соч. С. 42–54.
20. *Гудошников Л.М., Яковлев М.* Обновление законодательства КНР о политико-юридических органах // ПДВ. 1996. № 1. С. 54–63.
21. *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
22. Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти). М., 1996.
23. *Антонов В.И.* О реформе органов государственной власти КНР в 1993–1994 гг. // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы (Сб. докл. и сообщений участников V Международ. науч. конф. М., 12–14 октября 1994 г.). М., 1995. С. 23–29.
24. *Степанова Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.
25. *Емельянова Т.М.* Сравнительное исследование организаций самоуправления в Китае // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI в. Тез. докл. VIII Международ. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (М., 7–9 окт. 1997 г.). М., 1998. С. 47–54.
26. *Пащенко Е.* Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М., 1997.
27. *Горбачев Б.Н.* Вооруженные силы Китая: роль в общественно-политической жизни КНР в 1949–1979 годы. М., 1999.

Об изучении в России международных отношений и внешней политики КНР (1992–1999 гг.)*

© 2012

В. Портяков

Показаны основные особенности и направления исследований международных отношений и внешней политики КНР в 1992–1999 гг. Значительное внимание уделено современным российско-китайским отношениям. Рассмотрены публикации о китайско-американских отношениях, пограничной политике Пекина, внешнеполитических концепциях китайских ученых.

Ключевые слова: Россия, китаеведение, изучение, Китай, внешняя политика, 1990-е гг.

По сравнению с другими направлениями отечественного китаеведения изучение международных отношений и внешней политики Китайской Народной Республики претерпело в 1990-е гг. наиболее существенные изменения. Это было обусловлено целым комплексом факторов и причин.

Главным, определяющим моментом явилось конституирование Российской Федерации в качестве независимого самостоятельного государства. Стремясь сохранить и упрочить отношения со своим крупнейшим восточным соседом, нормализованные после трех десятилетий раздора и даже вражды лишь на закате существования СССР в мае 1989 г., постсоветская Россия одновременно не скрывала своего намерения ориентироваться прежде всего на Запад, видя в этом определенные гарантии продвижения по пути демократизации и рыночных реформ, а также в расчете на финансовую помощь капиталистических стран. Такой подход с самого начала ввел двусторонние российско-китайские отношения в прагматичное русло и на корню пресек попытки придать им какую-либо идеологическую окраску. Это позволило начать изучение международных отношений и внешней политики КНР, ставя во главу угла национально-государственные интересы новой России, отойти от не выдержавших проверку временем и практикой прежних идеологических конструкций и лозунгов.

Вполне естественно, что различия в понимании интересов своей страны и в видении оптимального вектора долгосрочного развития Российской Федерации предопределили появление существенного разнобоя в подходах российских ученых к международным отношениям Китая и российско-китайскому взаимодействию. В обобщенном виде можно выделить три группы исследователей: сторонники самого тесного сближения с Китаем, нередко ратовавшие одновременно и за «китайский путь» для

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор. Заместитель директора ИДВ РАН. E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

* Статья подготовлена при содействии РГНФ. Проект № 12–33–09006, «Основные направления и проблемы российского китаеведения»

российских реформ; приверженцы традиционно-подозрительного видения Китая, настороженно воспринявшие разворот официального Пекина к политике добрососедства и партнерства; наконец, исследователи, ориентировавшиеся на приоритет для России европейских ценностей и потому с долей алармизма отслеживавшие усиление международных позиций КНР.

При всех неизбежных издержках «разномыслие» оказалось намного более эффективным инструментом объективного, непредвзятого анализа международной деятельности Китая, прежде всего на российском направлении, чем прежние приказное единомыслие. Несколько утрируя, можно сделать парадоксальный вывод: впервые за долгие годы анализ современной внешней политики Китая возглавили именно ученые. Не секрет, что в советское время эта сфера была прерогативой почти исключительно Министерства иностранных дел и Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

В «субъекте» исследования международных отношений Китая произошли и другие существенные изменения. Изучение этого предмета вышло за пределы Москвы. Особенно активно в данный процесс включился Дальний Восток и прежде всего китаеведы Владивостока. Кроме того, изучение Китая и российско-китайских отношений перестало быть привилегией китаеведов, привлекая нарастающее внимание политологов различных направлений, в т.ч. глобалистов, американистов, специалистов по России.

Принципиально важное значение имели и качественные сдвиги в самом предмете исследования — внешней политике КНР. В конце 1980-х гг. переживавший «пост-тяньаньмэньский» синдром Китай не только столкнулся с попытками изоляции со стороны Запада, но отчасти и сам склонялся к проведению весьма замкнутой, полуизоляционистской политики. Ситуацию переломила поездка архитектора китайских реформ Дэн Сяопина на юг весной 1992 г., обеспечившая в конечном счете поворот страны к рыночным реформам и активизацию политики внешнеэкономической открытости. Ее новый тур, начатый в 1992 г., был адресован прежде всего России и республикам Центральной Азии. С 1992 г. началось активное присоединение КНР к основным международным договорам и конвенциям. Была провозглашена и стала апробироваться новая для Китая политика добрососедства и установления различных форм партнерства со многими государствами мира. Опубликованные в 1993 г. МВФ и Всемирным банком высокие оценки ВВП Китая привлекли всеобщее внимание к китайской модели реформ и модернизации. Пекин вступил в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, активизировал связи с АСЕАН, начал разрабатывать новое для него центральноазиатское направление внешней политики. Все большее значение в международном позиционировании Китая стал приобретать американский фактор. Все это создавало широчайшее поле для исследовательской работы российского китаеведения.

Нельзя не упомянуть существенно изменившуюся общую атмосферу научной работы. Открытие доступа ко многим ранее закрытым архивам расширило тематику, обогатило фактическую базу и инструментарий исследований. Регулярными стали контакты с китайскими учеными, в т.ч. в ходе более частых, чем раньше, научных командировок в КНР. Доступнее стала периодика и новая научная китайская литература по тематике исследований, появились научные контакты с зарубежными коллегами-китаеводами. Более массовыми стали выезды российских китаеведов на конференции Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК), в том числе в 1994 г. в Прагу, в 1996 г. в Барселону и в 1998 г. в Эдинбург. Это позволило в конечном счете выиграть право проведения в 2002 г. конференции ЕАК в Москве.

Заметные изменения претерпели формы исследовательской работы и реализации результатов научных исследований. Важное место заняло проведение регулярных конференций с институтами-партнерами, например, между Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом (ныне — Академия) современных международных отношений (проводятся с 1992 г. по настоящее время поочередно в России и Китае).

Российские китаеведы стали привлекаться к работе различных международных «круглых столов» (например, по проблемам Северо-Восточной Азии), семинаров (конференции «Вилтон-парк» в Великобритании) и т.п.

Ряд важных международных конференций был организован с прицелом на активное участие именно российских экспертов. Можно упомянуть первую зарубежную конференцию, посвященную вопросу современной китайской миграции в Сибири и на Дальнем Востоке. Она была организована Технологическим университетом Джорджии в Атланте в декабре 1994 г. С российской стороны участвовали представители научных центров Москвы, Хабаровска и Владивостока.

Набрала внушительные масштабы и стала весьма авторитетной регулярная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир», организуемая Институтом Дальнего Востока РАН (впервые была проведена в 1990 г.). Несмотря на финансовые трудности, сохранили высокий научный уровень традиционные конференции с широким участием китаеведов в Институте востоковедения РАН («Общество и государство в Китае») и источниковедческая и историографическая конференция на Восточном факультете СПбГУ. Отдельные конференции по проблемам международных отношений Китая прошли в 1990-е гг. в Институте стран Азии и Африки при МГУ, в Дипломатической академии МИД РФ.

Важным новым изданием по проблемам внешней политики КНР стал ежегодный сборник статей «Китай в мировой и региональной политике (История и современность)», который издается в ИДВ РАН с 1995 г. Во Владивостоке начал издаваться журнал «Россия и АТР» (отв. ред. В.Л. Ларин), помещающий немало материалов по внешней политике КНР и российско-китайским отношениям. В частности, в 1993–1994 гг. в нем были опубликованы результаты первого в России социологического опроса китайских мигрантов, работавших в Приморском крае.

С середины 1990-х гг. публикацию материалов о Китае, в т.ч. о российско-китайских отношениях, начал Московский центр Карнеги. Один из номеров журнала этого центра «Pro et Contra» был целиком посвящен российско-китайским отношениям в различных сферах.

Отечественное китаеведение в этот период вышло на новую для него российскую политическую арену. Китаеведы участвовали в ряде обсуждений в Государственной Думе, активно привлекались к работе Комитета Госдумы по международным делам (в период, когда им руководил В.П. Лукин) и — в качестве экспертов по Китаю — к деятельности Совета Федерации.

Определенную модификацию претерпела структура научных исследований.

На приоритетное место вышли изучение и прогнозирование развития современных российско-китайских отношений, рассматриваемых как в двустороннем плане, так и в более широком контексте политики России в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Поначалу второй подход даже доминировал. Это косвенно отражало стремление МИД РФ показать, что для разворачивающейся на Восток России Китай, безусловно, является важным партнером, но отнюдь не единственным. Серьезные надежды возлагались на развитие связей с западным побережьем США, Японией, Республикой Корея и даже Австралией. Надо сказать, что и иностранцы практически вплоть до дефолта 1998 г. про-

являли повышенный интерес к российскому Дальнему Востоку и сохраняли надежду на его активное включение в интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии.

Вполне закономерно, что в этот период был опубликован целый ряд работ, посвященных выявлению интересов России и моделям ее позиционирования в Восточной Азии¹. Особенно заметный научный резонанс имел коллективный научный доклад большой группы сотрудников Института Дальнего Востока РАН «Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока», который в марте 1995 г. был обсужден на заседании Бюро Отделения экономики РАН². В докладе впервые в постсоветской российской науке была подчеркнута необходимость широкого использования торгово-экономических связей с сопредельными странами для подъема Сибири и Дальнего Востока, дана оценка полезности для России основных интеграционных проектов в Северо-Восточной Азии, в том числе таких, как «Кольцо Японского моря», «Кольцо Желтого моря и Бохайского залива», «Туманганский проект». Среди рекомендаций правительству РФ по итогам обсуждения доклада фигурировало предложение о создании министерства развития и освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока с широкими полномочиями (подобный орган был учрежден в составе правительства страны в 2012 г.).

На основе доклада была подготовлена коллективная монография «Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества» (Москва, 1998, руководители проекта М.Л. Титаренко и А.В. Островский), где среди прочего были впервые комплексно рассмотрены проблемы новой китайской миграции на Дальнем Востоке России и его торгово-экономического взаимодействия с КНР.

Постепенно в центр исследований стали выдвигаться собственно российско-китайские отношения. Как отмечал А.Г. Яковлев, бывший в 1990-е гг. одним из ведущих российских исследователей международных отношений КНР, «в неохватной проблематике, которую затрагивает тема «Россия и Азия»,...китайский компонент по всем его основным параметрам является центральным, ключевым, а потому наиболее актуальным как предмет исследования». Он предложил методологию анализа отношений РФ с КНР, подчеркнув, что для понимания сущности современных российско-китайских отношений и их эволюции следует «беспристрастно оценить качество России и Китая как субъектов мировой и региональной политики» и как взаимодействующих сторон, а также «беспристрастно охарактеризовать те новые конкретно-исторические международные условия, в которых возникли и будут развиваться взаимосвязи двух стран»³.

Отталкиваясь от собственного анализа базовых характеристик двух государств и их места в системе международных отношений в середине 1990-х гг., А.Г. Яковлев констатировал: «Вырисовывающаяся общность исторической судьбы не может не сближать объективные национально-государственные интересы России и Китая, а следовательно, не может не влиять позитивно на характер двусторонних отношений». В то же время, по мнению ученого, «осознание этой общности судеб далеко от требуемого уровня». Итоговый вывод и одновременно прогноз А.Г. Яковлева был таков: «В уже начавшейся борьбе народов за достойное выживание у России и Китая нет более надежных гарантий, чем опора на собственные силы, тесное взаимодействие друг с другом и с мировой периферией». Ученый нащупал едва ли не главный «болевого нерв» всей стратегии укрепления отношений России с Китаем, а именно: ее неприятие сторонниками тесного сближения РФ с Западом. По мнению А.Г. Яковлева, Россия должна бороться с зависимостью от Запада, с той опасностью, которая уже существует и усиливается, а не с гипотетической «односторонней зависимостью от Китая, вероятность которой сомнительна»⁴.

Несмотря на определенные шероховатости в налаживании диверсифицированного многоуровневого сотрудничества, Россия и Китай в 1990-е гг. сделали, по словам Посла РФ в КНР И.А. Рогачева, общий «исторический выбор в пользу добрососедства, дружбы и сотрудничества на долгие времена», нашедший отражение во введенной в оборот в 1996 г. ёмкой формуле «развитие отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵. Многие конкретные аспекты, направления и этапы кропотливого выстраивания разветвленного механизма повседневных двусторонних отношений нашли отражение в подготовленном Министерством иностранных дел РФ «Сборнике российско-китайских договоров. 1949–1999 гг.» (М.: Терра-Спорт, 1999. 496 с.). Вполне естественно, что основные особенности политики России на китайском направлении и важнейшие российско-китайские договоренности по международным и двусторонним проблемам регулярно разъяснялись в публикациях российских дипломатов-китаеведов в отечественных средствах массовой информации⁶. Можно констатировать, что выстраивание конструктивных добрососедских отношений с КНР стало одним из основных внешнеполитических успехов Российской Федерации.

Российские китаеведы сыграли заметную роль в научном обеспечении позитивного развития российско-китайских отношений. В.С. Мясников проанализировал факторы и особенности новой, сформировавшейся в 1990-е гг. модели взаимодействия двух государств. По его мнению, «уровень стратегического партнерства, второй по значимости после союзнических отношений, несет в себе...ряд преимуществ»: «в отличие от союзничества, он не предполагает для России какой-либо ответственности за действия Китая», он повышает уровень доверительности в двусторонних связях и плюс к тому стимулирует другие державы-участницы различных международных многоугольников «подтягиваться в связях с Россией и Китаем до этого высокого уровня отношений»⁷.

А.Д. Воскресенский первым из российских китаеведов применил сценарный подход к прогнозированию возможной эволюции российско-китайских отношений, уделив специальное внимание высокой зависимости этого процесса от тех или иных вариантов развития внутривосточной ситуации в двух странах. Ученый призвал «российских внешнеполитических стратегов» «стремиться к тому, чтобы национально-государственные интересы России и Китая не становились антагонистическими, ...сохраняя при этом за Россией право на выбор союзников как на Востоке, так и на Западе»⁸.

В отличие от А.Д. Воскресенского, продвигавшего идею оптимальности для России «сбалансированного многомерного партнерства», М.Л. Титаренко в многочисленных выступлениях перед российской и зарубежной аудиториями и в своих публикациях отстаивал абсолютную приоритетность для России добрососедских отношений и стратегического партнерства именно с Китаем, видя в этом как коренное условие защиты безопасности страны и обеспечения ей достойного места в системе международных отношений, так и один из ведущих рычагов подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока⁹.

Между тем в постсоветский период российско-китайские отношения обрели важное новое качество: впервые в истории они из де-факто отношений тех или иных ограниченных групп представителей двух народов трансформировались в подлинном смысле слова в отношения между двумя народами.

Вслед за этим и научный анализ двусторонних связей вышел за рамки рассмотрения отношений только на межгосударственном уровне и охватил такие новые для отечественного китаеведения сферы, как китайская миграция в Россию (В.Г. Гельбрас, А.Г.

Ларин и другие), двусторонняя торговля, где в 1990-е гг. были широко распространены «челночные» формы и бартерные операции (Е.В. Спрогис, А.Б. Кулик¹⁰), военно-техническое сотрудничество¹¹.

Усиление в 1990-е гг. многопланового взаимодействия между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая дало толчок развитию исследований российско-китайских отношений с регионального и, прежде всего, «дальневосточного угла». Обосновывая необходимость дополнения им центрального, «московского» подхода к развитию двусторонних связей, В.Л. Ларин высказал мнение, что «в демократическом государстве... нельзя строить внешнюю... политику, основываясь только на интересах и понимании ситуации Центром, как бы ни был последний грамотен и умен»¹².

С началом работ по уточнению на местности линии прохождения российско-китайской границы на ее Восточном участке в соответствии с Соглашением 1991 г. часть научной общественности Дальнего Востока выступила с критикой соответствующих действий правительства РФ, обвиняя его в односторонних уступках Китаю по вопросу о пограничном размежевании¹³.

В процессе подготовки к первому визиту президента Б.Н. Ельцина в КНР (декабрь 1992 г.) по поручению Первого департамента Азии МИД РФ в Институте Дальнего Востока РАН было впервые проведено сопоставление уровней экономического развития двух стран. Ученые высказали предположение о высокой вероятности того, что «к концу века Китай перегонит Россию по основным важнейшим показателям общего развития экономики». Кроме того, было отмечено, что «слабость экспортной базы Сибири и Дальнего Востока... обуславливает нерациональную сырьевую структуру нашего экспорта». В связи с этим подчеркивалось, что «превращение дальневосточного региона в сырьевой придаток Китая не в интересах России»¹⁴. Дальнейшие исследования на этом направлении выявили, что уже через пять-шесть лет, т.е. еще до дефолта 1998 г., Россия впервые за последние 150 лет оказалась на мировой арене «в роли государства, более слабого и менее значимого, чем Китай»¹⁵.

Эта «перемена декораций», больно ударившая по самолюбию граждан Российской Федерации, дала весомый повод для активизации в политологическом сообществе алармистских взглядов на Китай и перспективы российско-китайских отношений. А.Д. Богатуров высказал мнение, что «Китай с его громадным населением и 4300-километровой границей с Федерацией... потенциально остается... источником самой серьезной геополитической опасности для России», в том числе и потому, что российская сторона не имеет опыта эффективного реагирования на «мирное китайское проникновение на русский Дальний Восток»¹⁶. Д.В. Тренин из Московского центра Карнеги нарисовал широкий спектр угроз для России в связи с возвышением Китая, выделив в качестве главной «возникновение чрезмерно большой односторонней зависимости России от КНР в экономике или политике, которая приведет Москву к утрате свободы внешнеполитического... маневра»¹⁷.

Нельзя не отметить, что даже в очень тяжелые для России в социально-экономическом плане 1990-е гг. теория «китайской угрозы» не оказала заметного эффекта на российское общество. Даже напротив, успехи Китая не отпугнули россиян от него, а сделали его опыт развития и экономических преобразований более привлекательным и популярным. Анализ опыта реформ в КНР в свете их возможного использования в России активно шел на протяжении всех 1990-х гг. в ИДВ РАН и был обобщен в сборнике «Китайские реформы и Россия»¹⁸. Цикл статей, посвященный сопоставлению опыта развития и реформ в двух странах опубликовал В.Я. Портяков¹⁹.

Несомненно, алармизм в России по отношению к Китаю был в этот период существенно перевешен той озабоченностью за свою национальную безопасность, с которой основная часть граждан страны восприняла вмешательство НАТО и США в конфликт в бывшей Югославии на стороне оппонентов Сербии. Этот фактор, непосредственно затронувший и КНР в виде бомбардировки ее посольства в Белграде, прямо способствовал сближению Москвы и Пекина и активизации их сотрудничества как на международной арене, так и в двустороннем формате.

При всей практической важности и острой актуальности анализа формирующихся отношений с Китаем новой, постсоветской России из поля зрения отечественных китаеведов в 1990-е гг. не выпал и длительный предшествующий период межгосударственного взаимодействия. Как констатировал А.Д. Воскресенский, развитие отношений с КНР на современном этапе должно «в полной мере учитывать опыт прошлого и... базироваться на парадигме преемственности»²⁰. Он же в ряде своих работ для понимания существа исторически сложившихся двусторонних отношений выдвинул в качестве ключевого положение о том, что «общей чертой почти 400-летних связей двух стран являлся их мирный характер: Россия и Китай ни разу не находились в состоянии официально объявленных военных действий... Проблемы в их отношениях... в принципе всегда удавалось решить путем дипломатических переговоров»²¹. Эта точка зрения, несмотря на отдельные попытки ее оспорить²², стала доминирующей в российском китаеведении и была широко растиражирована в последующих работах различных авторов.

Как и прежде, ведущее место в исследовании русско-китайских отношений в период до 1917 г. заняли вопросы территориального размежевания двух государств и его договорно-правового оформления. Крупным научным событием стала монография ведущего российского специалиста по данной проблематике В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.» (1996). В работе на основе обширных архивных источников детально изложена базовая российская версия основных этапов формирования границы между Россией и Китаем. Опираясь на опыт непростых переговоров с Китаем по вопросу о линии прохождения границы, которые вели Советский Союз и ряд других государств, В.С. Мясников сделал вывод, что китайская дипломатия «абсолютизировала историческую аргументацию для обоснования своих притязаний на территории соседних государств, отталкиваясь при этом от сфабрикованного ею тезиса об «исторической несправедливости» границ Китая»²³.

Российско-китайские отношения в начале XX в. на региональном уровне — в Маньчжурии, Монголии, Синьцзяне, Тибете — стали предметом активной исследовательской деятельности Е.А. Белова²⁴.

В числе новых сюжетов из истории русско-китайских отношений в период до 1917 г., привлечших внимание российских китаеведов в 1990-х гг., следует выделить работы о деятельности Российской духовной миссии в Пекине и православии в Китае²⁵. Образу Китая в царской России было посвящено пионерное исследование А.В. Лукина²⁶.

Гораздо более многочисленными в 1990-е гг. были исследования различных аспектов советско-китайских отношений.

Публикация первых двух томов сборника документов «ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае»²⁷ заметно укрепила источниковедческую базу исследования двусторонних отношений в период 1920-х гг. В монографии В.С. Кузнецова о внешней политике Китая в гоминьдановский период (она оказалась единственным в отечественной историографии комплексным исследованием этой темы) были рассмотрены советско-китайские конфликты и трения вокруг КВЖД и Маньчжоу-Го²⁸.

На основе изучения архивных документов Р.А. Мировицкая проанализировала роль советско-китайских отношений в формировании китайской государственности в сложнейшие годы Тихоокеанской войны (1941–1945 гг.)²⁹. Посол А.М. Ледовский исследовал роль СССР и И.В. Сталина в развитии событий в Китае в период 1937–1952 гг. В его книгу вошли как личные воспоминания автора, работавшего в те сложные годы в Китае, так и его статьи о чрезвычайно важных поездках А.И. Микояна в Китай в январе—феврале 1949 г. и делегации компартии Китая во главе с Лю Шаоци в Москву в июне—августе 1949 г., в ходе которых «оттачивался» формат отношений СССР с будущей Китайской Народной Республикой»³⁰.

На базе архивных материалов был предпринят углубленный анализ особенностей внешней политики КНР периода «великой дружбы», т.е. 1950-х гг. (Б.Т. Кулик³¹), причин и последствий советско-китайского раскола (Л.П. Делюсин, Н.П. Рябченко, Б.Т. Кулик³²), особенностей двусторонних отношений в 1980-е гг. Б.Т. Кулик высказал точку зрения, что нормализация отношений между СССР и КНР, достигнутая в 1989 г., состоялась на китайских условиях: «Пекин добился удовлетворения всех своих требований, не сделав ни одной уступки Москве». Комментируя беседу Дэн Сяопина с М.С. Горбачевым 16 мая 1989 г., в ходе которой китайский лидер предложил знаменитую формулу развития двусторонних отношений — «закрыть прошлое, открыть будущее», — Б.Т. Кулик заметил: «...историю советско-китайских отношений невозможно закрыть ни односторонними, ни даже двусторонними заявлениями. Ее толкование Дэн Сяопином... не означает, что она не подлежит научному анализу... К ней и впредь будут обращаться как российские, так и китайские исследователи»³³.

Как известно, в Китае по сей день публикуется немало исследований по советскому периоду двусторонних отношений, обосновывающих китайскую точку зрения на тот период в целом и на многие ключевые события и эпизоды (в числе наиболее популярных назову работы Шэн Чжихуа). Уже в начале 1990-х гг. появились первые публикации по этой проблеме Ю.М. Галеновича, взявшего на себя миссию защиты отечественной точки зрения по данному непростому вопросу. Пионерной на этом направлении стала его монография «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений», в которой с использованием широкого круга китайских источников были проанализированы многие важные события и аспекты межгосударственных контактов в периоды 1917–1949 гг. и 1949–1991 гг.³⁴

Для полноты картины укажем еще на два новых направления исследований двусторонних отношений, появившихся в 1990-е гг. Это изучение различных аспектов жизнедеятельности российской эмиграции в Китае, представленное научными работами Г.В. Мелихова, Е.П. Таскиной³⁵ и воспоминаниями многих «харбинцев» и «шанхайцев», и исследование китайской советологии (одна из первых работ по теме принадлежит К.В. Внукову³⁶), а после 1991 г. — русистики.

Радикальные изменения в международной обстановке предопределили появление в российском китаеведении новых приоритетных направлений в изучении внешней политики КНР в целом.

На одно из первых по значимости мест вышел анализ сначала двусторонних китайско-индийских отношений, а затем и взаимосвязей в вероятном трехстороннем формате Россия — Индия — Китай. Как прогнозировал в 1996 г. А.Г. Яковлев, «Россия, Китай и Индия, поставленные ходом истории на одну сторону линии нового разделения мира на сверхразвитый центр и периферию, неизбежно придут к прямому и косвенному взаимодействию по самому широкому кругу глобальных и региональных проблем»³⁷.

Подчеркну, что идея формирования такого «треугольника» была выдвинута китаеведами раньше, чем она прозвучала у Е.М. Примакова, а само рассмотрение проблемы по существу³⁸ несколько опередило аналогичный анализ, предпринятый российскими индологами³⁹.

По логике вещей, одним из приоритетов должно было бы стать исследование политики КНР в отношении бывших советских республик, которые в конце 1991 г. стали членами Содружества независимых государств (СНГ). Предпосылки для этого были. В первой половине 1990-х гг. китаеведы СНГ еще «по инерции» тянулись к контактам с российскими синологами. Сохранялись неплохие связи с наукой Украины. В 1993–1995 гг. группа китаеведов Института Дальнего Востока трижды выезжала в Киев для участия в конференциях и чтения лекций. Затем, однако, связи стали слабеть, и в конечном счете в фокусе внимания осталась только политика Китая в Центральной Азии⁴⁰. На сколько-нибудь детальное изучение связей КНР с другими членами СНГ элементарно не хватило сил.

Изучение в России китайско-американских отношений активизировалось во второй половине 1990-х гг., когда взаимное китайско-американское «прощупывание» в основном завершилось и политика «вовлечения» (engagement), проводившаяся в отношении КНР администрацией Б. Клинтона, приобрела зрелые очертания. Следует отметить публикации Б.Н. Занегина, В.Н. Барышникова⁴¹.

Ю.М. Галенович проанализировал возможное влияние китайско-американских отношений на китайско-российские, рассмотрел по китайским источникам эволюцию модели китайско-американских взаимосвязей за 150 лет. Ученый сделал весомый итоговый вывод, полностью подтвердившийся дальнейшим ходом событий: «В конце XX века наступил исторический период непосредственных взаимоотношений Китая и Америки как двух главных держав на мировой арене. Именно в этой связи китайско-американские отношения приобретают важнейшее значение... для России»⁴².

Что касается изучения отношений КНР с другими странами и регионами, то его интенсивность, как правило, определялась в первую очередь энтузиазмом и работоспособностью конкретных исследователей. В 1990-е гг. вышел в свет ряд публикаций Т.Л. Дейч о политике Пекина в Африке⁴³. С.Г. Лузянин раскрыл новые аспекты и нюансы российско-китайско-монгольских отношений⁴⁴. Е.Н. Сафронова продолжила анализ политики КНР в развивающемся мире с особым акцентом на вычленение в ней новых моментов⁴⁵. Существенный вклад в анализ отношений между КНР и Японией в двустороннем формате и в региональном контексте внес японовед А.В. Семин⁴⁶.

Вместе с тем, изучение политики КНР в отношении социалистических стран и стран Восточной Европы, бывшее в 1970-х — 1980-х гг. одним из ведущих в сфере международной проблематики, практически сошло на нет.

В 1990-е гг. усилиями Е.Д. Степанова было плодотворно продолжено изучение истории формирования границ Китая и его пограничной политики как на сухопутных, так и на морских рубежах⁴⁷. Без преувеличения можно утверждать, что буквально все, написанное Евгением Дмитриевичем по данному кругу проблем, остро актуально и в наше время. В ряде случаев исследования Е.Д. Степанова содержат весьма важные нюансы, позволяющие высветить дополнительные грани обострившихся в последние годы конфликтов КНР с ее соседями по поводу принадлежности островов Наньша (Спратли) в Южно-Китайском и Дяоюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском морях. Приведу лишь одну цитату: «Анализ документов, публикаций и картографических материалов Китайской Народной Республики позволяет сделать вывод о том, что вопрос о принадлежности о-вов Сенкаку, поставленный по инициативе тайваньской администрации [в 1970–

1971 г. — В.П.], возник для Пекина совершенно неожиданно. Он оказался неподготовленным к нему. Тем не менее, он незамедлительно поддержал тайваньскую «инициативу», увидев...возможность...получить в свои руки политический рычаг для давления на японское правительство»⁴⁸.

Российские китаеведы уделили определенное внимание изучению модификаций в теории и концепциях внешней политики страны в начале 1990-х гг. Проанализировав различные оценки в Китае международной ситуации периода 1990–1992 гг., А.А. Волохова и О.Н. Воропаева справедливо выделили в качестве одной из наиболее перспективных идею начавшейся трансформации мировой архитектуры из двухполюсной в многополюсную. Следование ей давало Китаю целый ряд выгод: позволяло актуализировать принцип развития отношений со всеми государствами на основе пяти принципов мирного сосуществования, делало морально оправданным наращивание его собственной комплексной мощи⁴⁹.

Однако в 1990-е гг. идея продвижения мира к многополярности еще не воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Ее последовательным оппонентом был А.Г. Яковлев, утверждавший, что «биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра». Первым полюсом он считал Запад, развитый мир, а другим — периферию, все страны «догоняющего развития», которые А. Тойнби квалифицировал как «внешний пролетариат». Политическую многополюсность периферии А.Г. Яковлев называл исключительно вредной, чреватой «ее тотальным поражением в не очень отдаленном будущем». Самый же важный фактор формирования периферии в качестве «глобального политического полюса» ученый видел в становлении стратегического партнерства Китая, России и Индии⁵⁰.

На широком историческом фоне изменения в теории внешней политики Китая в 1990-е гг. были проанализированы в монографии А.А. Свешникова «Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников» (1999, ИДВ РАН). Автор сумел наглядно показать острую борьбу в китайском экспертном сообществе по вопросу о главных противоречиях на международной арене, прямо влиявшую на выбор тех или иных приоритетов внешней политики страны. В частности, А.А. Свешников уделил особое внимание взглядам Хэ Фана (в ту пору — директор института Японии Академии общественных наук КНР), который последовательно стремился «увести» Китай в тень, называя главным в современном мире противоречие не между «Востоком» и «Западом» или «Севером» и «Югом», а между самими развитыми странами — США, Японией, Европой. Этот отправной тезис давал Хэ Фану основание декларировать необходимость для Китая ориентироваться не на Россию, а на США: «Центральные задачи Китая и России — экономическое строительство. В экономической области Россия не может опираться на нас, мы тоже не можем опереться на Россию. В развитии экономики, подъеме технического уровня мы можем опираться только на Америку, Японию, Западную Европу, на это надо смотреть честно»⁵¹.

А.А. Свешников обратил также внимание на то, что сущностное содержание двусторонних российско-китайских политических документов, в т.ч. совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка (23 апреля 1997 г.), «основывается главным образом на концептуальных разработках китайской стороны... Хорошо это или плохо, но «общий язык» по существу является языком китайской стороны»⁵².

* * *

Итоги изучения в России в период 1992–1999 гг. международных отношений и внешней политики КНР оказались, на мой взгляд, весьма плодотворными. На должном уровне было обеспечено научное сопровождение российской внешней политики на китайском направлении, в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Характерное для тех лет столкновение — и в научной среде, и в обществе — различных точек зрения позволило в конечном счете выработать близкий к оптимальному алгоритм стратегического взаимодействия России с Китаем. Он базируется на трех принципах: неизменное уважение друг к другу, ориентация на собственные национально-государственные интересы, неуклонный поиск точек соприкосновения и взаимоприемлемых решений.

Может быть, «урожаем» 1990-х гг. по формальным критериям вроде количества опубликованных монографий оказался не столь уж велик, но созданный в этот период серьезный интеллектуальный задел, освоение новых тем и форм исследований, сама атмосфера творческой свободы заслуживают высокой оценки.

1. *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. М., 1994; *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998; *Михеев В.В.* Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 27–33.
2. Проблемы Дальнего Востока (далее ПДВ). М., 1995. № 3. С. 4–37.
3. *Яковлев А.Г.* Россия и Китай: состояние и перспективы отношений // Китай в мировой и региональной политике (История и современность): Информ. бюл. ИДВ РАН. М., 1995. № 3. С. 28.
4. Там же. С. 45–47.
5. *Рогачев И.А.* Проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999. С. 38.
6. Пожалуй, самой популярной статьей российских «мидовцев» по двусторонним отношениям стала публикация Е.В. Афанасьева и Г.С. Логвинова «Россия и Китай: на пороге нового тысячелетия» в журнале «Международная жизнь». 1995. № 11–12. С. 51–60.
7. *Мясников В.С.* Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в. // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия. В 2 т. М., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 200–201.
8. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 279–282; *Воскресенский А.Д.* Китай во внешнеполитической стратегии России // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия. В 2 т. М., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 153–158.
9. *Титаренко М.Л.* Взаимовыгодное партнерство, обращенное в XXI век // ПДВ. 1997. № 3. С. 45–49; *Титаренко М.Л.* Китай в пост-Дэнговскую эпоху и российско-китайские отношения // Международ. жизнь. 1995. № 5. С. 27–36.
10. *Спрогис Е.В.* Вызовы и возможности экономического сотрудничества // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 58–69; *Спрогис Е.В.* О некоторых проблемах развития двусторонних торгово-экономических связей // Бизнес и политика. М., 1997. № 12. С. 18–22; *Кулик А.Б.* Российско-китайское экономическое сотрудничество // Там же. С. 14–17.
11. *Макиенко К.* Опасно ли торговать оружием с Китаем? // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 41–57.
12. *Ларин В.Л.* Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? Взгляд с российского Дальнего Востока // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия... М., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 161. См. также: *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблема регионального взаимодействия. Владивосток. 1998.
13. *Ткаченко Б.И.* Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVIII — XX веков. Владивосток, 1998.
14. Сопоставление уровней экономического развития Китая и России. Информ. бюл. ИДВ РАН / отв. ред. В.И. Шабалин. М., 1993. № 9. С. 9–10.

15. Портяков В. «Он уважать себя заставил...» (Китай и Россия в экономическом измерении) // *Pro et Contra*. 1998. № 1. С. 26–40. Здесь — С. 27.
16. Богдануров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 285.
17. Тренкин Д.В. Китайская проблема России. М., 1998. С. 37.
18. Китайские реформы и Россия. В 2 т. / Сост. и ред. Круглов А.М. М.: ИДВ РАН. 2000.
19. Портяков В.Я. Китайские реформы в российских оценках // *Бизнес и политика*. 1997. № 5. С. 42–48; Портяков В.Я. Китайские ученые о российских реформах // *Бизнес и политика*. 1997. № 4. С. 51–58; Портяков В.Я. *Сюй Минь*. Экономические реформы в Китае и СССР/России: проблемы сопоставления и взаимовлияния // *Восток*. М., 1997. № 5. С. 86–97; № 6. С. 62–76.
20. Воскресенский А.Д. Китай во внешнеполитической стратегии России... С. 141.
21. Там же. С. 145. Впервые идея мирного характера российско-китайских отношений на протяжении нескольких сот лет была сформулирована в монографии А.Д. Воскресенского «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года» (М., 1995. С. 43–44).
22. Например, историк из Красноярска В.Г. Дашышев назвал свою работу о русско-китайских отношениях на рубеже XIX—XX вв. «Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.» (СПб., 1996).
23. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX вв. М., 1996. С. 395.
24. Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века: русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., Ин-т востоковедения РАН, 1997; Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999; Белов Е.А. Тибетская политика России (1900–1914 г.) // *Восток*. 1994. № 3. С. 93–109; Белов Е.А. К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне в период Синьхайской революции (1911–1913) // ПДВ. 1995. № 2. С. 85–95.
25. История Российской духовной миссии в Китае. М., Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997; Иштובה А.С. Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // *Востоковедение и мировая культура: К 80-летию акад. Тихвинского С.Л.* М., 1998. С. 202–223.
26. Лукин А. Образ Китая в России (до 1917 года) // ПДВ. 1998. № 5. С. 131–143.
27. Т. 1 (1920–1925 гг.) опубликован в 1994 г., т. 2 (1926–1927 гг.), в двух ч. — в 1996 г. Издание осуществлено при поддержке Свободного университета Берлина.
28. Кузнецов В.С. Внешняя политика Китая в 1923–1937 гг. М.: ИДВ РАН, 1992. Ч. 1, 2.
29. Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае: Голы Тихоокеанской войны. 1941–1945. М., 1999.
30. Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий, 1937–1952. М., 1999.
31. Кулик Б.Т. Китайская Народная Республика в период становления (1949–1952) // ПДВ. 1994. № 5. С. 111–125; № 6. С. 73–83; Кулик Б.Т. О феномене внешней политики КНР. 1954–1956 гг. // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1995. № 3. С. 3–27.
32. Делюсин Л.П. Некоторые размышления о начале советско-китайского конфликта // *Россия и современный мир*. М., 1998. № 3. С. 233–256; Рябченко Н.П. Советско-китайский конфликт. 60-е — начало 80-х гг. // *Россия и АТР. Владивосток*, 1998. № 2. С. 53–59; 1998. № 4. С. 50–62; Кулик Б.Т. Влияние советско-китайского конфликта на международные отношения // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1997. № 13. С. 181–202.
33. Кулик Б.Т. Советско-китайские отношения на пути к нормализации (1997–1989 г.) // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 2. С. 184–209. Здесь — С. 199, 206.
34. Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. В 2-х т. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г.; Т. 2. В 2-х кн. СССР и КНР (1949–1991 гг.). М., ИДВ РАН, 1992.
35. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; Таскина Е. Харбин — продукт контактов стран-соседей // ПДВ. 1999. № 4. С. 132–137.
36. Внуков К.П. Советология КНР и советско-китайские отношения (1970–1990 г.) // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1992. № 8.
37. Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1996. № 13. С. 3–28. Здесь — С. 19.

38. См.: *Педин А.В.* Китайско-индийские отношения на современном этапе. — Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1994. № 7. С. 161–171; *Педин А.В.* Индия и Китай ищут пути к сотрудничеству // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1995. № 3. С. 121–132.
39. *Широков Г.К., Лунев С.И.* Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998; *Веселов В.Т., Смирнов А.А.* Россия, Китай, Индия: оптимальные формы и главные направления сотрудничества (по материалам научной конференции 15–17 апреля 1998 г.) // Восток. 1998. № 6. С. 142–144.
40. *Педин А.В.* Отношения Китая с центральноазиатскими государствами СНГ // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1996. № 13. С. 130–141; *Песков Ю.С.* Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии — членами СНГ // ПДВ. М., 1997. № 4. С. 19–27.
41. *Занегин Б.Н.* США и Китай: конфликтный потенциал // США — Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 3–4. С. 44–55; О китайско-американских отношениях на современном этапе (К саммитам между председателем КНР Цзян Цзэминем и президентом США Б. Клинтонем) / авт. предисл. *Барышников В.Н.* // Экспресс-информация ИДВ РАН. 1997. № 10; *Барышников В.Н.* (сост., авт. предисл. и рефератов). Китайские политологи о перспективах развития китайско-американских отношений после обмена визитами между Цзян Цзэминем и Б. Клинтонем // Экспресс-информация ИДВ РАН. 1999. № 4.
42. *Галенович Ю.М.* Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999. С. 308.
43. *Дейч Т.Л.* Китай и Африка: время перемен (80-е годы). М., 1992; *Дейч Т.Л., Шубин В.Г.* Китай и Южная Африка: эволюция взаимоотношений. М.: Ин-т Африки РАН. 1999.
44. *Лузянин С.* Монголия: между Китаем и советской Россией (1912–1924) // ПДВ. 1995. № 2. С. 71–84; *Лузянин С.* Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы Второй мировой войны // ПДВ. 1995. № 2. С. 52–60.
45. *Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая: Информ. бюл. ИДВ РАН. 1994. № 7. С. 87–104; *Сафронова Е.И.* Отношение КНР к сотрудничеству «Юг—Юг» как средству установления нового международного экономического порядка // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 2. С. 156–165.
46. *Семин А.В.* Китай—Япония: и партнеры, и соперники // Азия и Африка сегодня. М., 1998. № 9. С. 16–21; *Семин А.В.* Японо-китайские отношения в многополярном мире // ПДВ. 1998. № 3. С. 10–15; *Семин А.В.* Токио — Пекин: непростой диалог // ПДВ. 1999. № 3. С. 45–49.
47. *Степанов Е.Д.* Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949–1994 гг.) // Информ. материалы ИДВ РАН. Сер. «Международ. отношения стран Северо-Восточной Азии. 1996. Вып. 1; *Степанов Е.Д.* Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море РАН // Там же. 1997. Вып. 3.
48. *Степанов Е.Д.* Китай на морских рубежах // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1994. № 4. С. 85.
49. *Волохова А., Воропаева О.* Изменения в мире в начале 90-х годов и роль КНР: оценки китайских политологов // ПДВ. 1994. № 6. С. 22–31.
50. *Яковлев А.Г.* Биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра // Китай в мировой и региональной политике (История и современность): Информ. бюл. ИДВ РАН. 1997. № 13. С. 3–47. Здесь — С. 44–47.
51. *Свешников А.А.* Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 1. С. 109–110, 173–174.
52. Там же. С. 175.

Экономика

Структурные сдвиги и современные тенденции в развитии торговли Китая с Россией

© 2012

Л. Понкратова, Чжао Синь

Проанализированы позиции России и Китая в мировой торговле. Систематизируя факторы, определяющие их торговое сотрудничество на перспективу, авторы предлагают четыре возможных сценария китайско-российской торговли на период до 2015 года.

Ключевые слова: международная торговля, товарооборот Китая и России, структурные сдвиги в двустороннем товарообмене, сырьевая зависимость экспорта-импорта.

В настоящее время китайско-российский товарообмен достиг наивысшего уровня за всю его историю. Этому благоприятствует отсутствие проблем (территориальных, политических), какие мешают развитию связей КНР с другими странами региона. Проблемы пограничного разграничения, долгие годы осложнявшие взаимоотношения наших стран, полностью решены на основе принципов международного права. В 2006 г. прошел «Год России в Китае», а в 2007 г. — «Год Китая в России», программа которых включала сотни мероприятий в политической, экономической, культурной сферах. Лидеры двух государств встречаются по четыре-пять раз в год. Все это благоприятствует экономическому сотрудничеству.

Важно, что торгово-экономическое взаимодействие двух стран зиждется на прочной договорно-правовой базе, которая включает Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.), межправительственные соглашения о торгово-экономических связях (1992 г., с изменениями, внесенными в 2010 г.), о научно-техническом сотрудничестве (1992 г.), о сотрудничестве в области туризма (1993 г.), о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав Правительств России и Китая (1997 г., с изменениями, внесенными в 2010 г.), о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов (2000 г.), о поощрении и взаимной защите капиталовложений (2006 г.), о сотрудничестве в нефтяной сфере (2009 г., с изменениями, внесенными в 2010 г.), а также десятки межведомственных соглашений¹.

Понкратова Людмила Алексеевна, Амурский государственный университет, к. геогр. н., доцент, зав. кафедрой мировой экономики таможенного дела и туризма. Тел.: 8 (914) 574-79-37. E-mail: liuda-ponkrat@rambler.ru.

Чжао Синь, Амурский государственный университет, доцент кафедры мировой экономики таможенного дела и туризма. Тел.: 8 (914) 590-28-69. E-mail: zh.xin88@gmail.co.

По мировым масштабам объем взаимной торговли относительно невелик, однако Россия занимает особое место во внешней торговле Китая. При этом в последние годы взаимный интерес к торговому взаимодействию рос, хотя динамика его развития и товарная структура пока еще не отвечают приоритетам развития национальных экономик в направлении оптимизации товарной структуры в сторону увеличения инновационной и технологической составляющей.

Позиции стран в сфере торговли и оценка взаимной интеграции

Следует отметить, что внешнеторговые связи Китая и России во многом зависят от их вовлеченности в систему международного разделения труда. Основными показателями, характеризующими это, являются экспортная, импортная и внешнеторговая квоты (табл. 1).

Таблица 1

Внешнеторговая, экспортная и импортная квоты Китая и России, 1992–2011 гг., %

Годы	Китай			Россия		
	Vq	Eq	Iq	Vq	Eq	Iq
1994	42.3	21.6	20.7	29.9	17.2	12.8
1995	38.6	20.4	18.1	36.7	20.8	15.8
1996	33.9	17.6	16.2	40.5	23.1	17.4
1997	34.1	19.2	14.9	39.8	22.0	17.8
1998	31.8	18.0	13.8	49.0	27.6	21.4
1999	33.3	18.0	15.3	58.8	38.6	20.2
2000	39.6	20.8	18.8	57.7	40.4	17.3
2001	38.5	20.1	18.4	50.8	33.2	17.5
2002	42.7	22.4	20.3	48.8	31.1	17.7
2003	51.9	26.7	25.2	49.3	31.6	17.7
2004	59.8	30.7	29.1	47.0	31.0	16.0
2005	63.0	33.8	29.2	48.3	31.9	16.4
2006	64.9	35.7	29.2	47.3	30.7	16.6
2007	62.2	34.9	27.4	44.5	27.3	17.2
2008	56.7	31.6	25.0	46.0	28.4	17.6
2009	44.2	24.1	20.1	40.5	24.8	15.7
2010	50.1	26.6	23.5	43.6	26.9	16.7
2011	49.8	25.9	23.8	45.5	28.1	17.4

Составлено и рассчитано по: World Bank. Data. URL: <http://data.worldbank.org>; Хайгуань муниципалитет Цзысюньван [Сайт таможенной статистики КНР].

URL: <http://www.chinacustomsstat.com>; Чжунго гоуця муниципалитет [Государственное статистическое управление КНР]. URL: <http://www.stats.gov.cn>; Россия в цифрах — 2001, 2005, 2012 гг. // Федеральная служба государственной статистики РФ.

URL: <http://www.gks.ru>.

Примечание: Eq — экспортная квота; Iq — импортная квота; Vq — внешнеторговая квота.

В данном исследовании поставлена задача определить уровень взаимной интеграции в торговле обеих стран, оценить структурные сдвиги в экспорте и импорте Китая в торговле с Россией, выявить узкие места во взаимной торговле и определить тенденции ее развития на перспективу².

Произведенные расчеты показали достаточно высокую интеграцию Китая и России в мировую экономику. Причем, если в последнем десятилетии XX в. Россия опережала Китай по показателю внешнеторговой квоты, достигнув максимальной величины в 1999–2000 гг., то впоследствии обнаруживается обратная тенденция: начиная с 2003 г., Китай стал опережать Россию по этому показателю. При этом экспортные квоты в обеих странах на протяжении всего анализируемого периода превышали импортные, что свидетельствует о возможности развития взаимной торговли на перспективу.

Чтобы оценить степень интеграции (включенности) Китая и России во взаимную торговлю, авторами была использована формула, которую разработал А.Д. Вгрон (1947)³: чем больше значение полученного показателя, тем выше уровень включенности, рассматриваемой как показатель степени интеграции одной страны в торговлю другой (*Trade Combined Degree* — *TCD*). Она представлена формулой:

$$TCD_{ab} = \frac{E_{ab}/E_a}{I_b/I_w}$$

где: TCD_{ab} — степень интеграции (включенности) торговли страны a в торговлю страны b ;

E_{ab} — объем экспорта из страны a в страну b ;

E_a — объем экспорта страны a ;

I_b — объем импорта страны b ;

I_w — объем мирового импорта.

При этом, если $TCD_{ab}=1$ — значит, степень интеграции торговли страны находится на среднем уровне; если $TCD_{ab}>1$, то страна имеет высокую степень интеграции в торговле; если $TCD_{ab}<1$, то степень ее интеграции в торговле с другой страной низка.

Расчеты показали, что средний показатель степени интеграции торговли Китая и России — выше 1, т.е. налицо высокий уровень включенности обеих стран-партнеров во взаимную торговлю. Но, если до 2003 г. степень интеграции торговли Китая в торговлю России была ниже степени интеграции торговли России в торговлю Китая, то после 2003 г. ситуация радикально изменилась по причине более высоких темпов прироста экспорта Китая в Россию, нежели экспорта России в Китай. Отметим, что в последние годы степень интеграции в торговле наших стран имела нисходящую тенденцию, что обусловила географическая диверсификация в их внешней торговле. Однако реализация совместных проектов в сфере энергетики, а также вступление в 2012 г. России в ВТО будет способствовать увеличению взаимной интеграции этих стран в сфере торговли.

Китайско-российская торговля в первом десятилетии XXI века

По мере установления стратегического партнерства между Китаем и Россией их сотрудничество в различных областях, в том числе и торговое, постепенно расширялось и углублялось. Так, с 2001 по 2011 гг. объем двусторонней торговли увеличился более чем в 7 раз, достигнув в 2011 г. 79,2 млрд. долл.⁴ (табл. 2, рис. 1). По данным Министерства коммерции КНР, экспорт Китая в Россию рос быстрее, чем импорт из России и к 2011 г. достиг отметки в 38,9 млрд. долл., что в 14 раз выше показателя за 2001 г.; импорт из России составил 40,3 млрд. долл. в 2011 г. (пятикратный рост). Следует отметить, что с 2007 г. в торговле с Россией у Китая сложилось положительное сальдо, т.е. его экспорт в Россию впервые за рассматриваемый период превысил импорт (темп прироста экспорта составил в 2007 г. по сравнению с 2006 г. 80,4%).

Таблица 2

Динамика внешней торговли Китая с Россией в 2001–2011 гг., млрд. долл. США

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Оборот	10,7	11,9	15,7	21,2	29,1	33,4	48,2	56,8	38,8	55,4	79,2
темпы прироста, %	33,3	11,2	32,8	34,2	37,3	14,8	44,3	17,8	-31,7	42,8	43,0
Экспорт	2,7	3,5	6,0	9,1	13,2	15,8	28,5	33,0	17,5	29,6	38,9
темпы прироста, %	21,4	29,6	71,4	51,7	45,1	19,7	80,4	15,8	-47,0	69,1	31,4
Импорт	8,0	8,4	9,7	12,1	15,9	17,6	19,7	23,8	21,3	25,8	40,3
темпы прироста, %	37,9	5,0	15,5	24,7	31,4	10,7	11,9	20,8	-10,5	21,1	56,2
Сальдо	-5,3	-4,9	-3,7	-3,0	-2,7	-1,8	8,8	9,2	-3,8	3,8	-1,4

Составлено и рассчитано по: Чжунго шаньбубя [Министерство коммерции КНР]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>; Чжунго хайгуань цзуншуну [Главное таможенное управление КНР]. URL: <http://www.customs.gov.cn>.

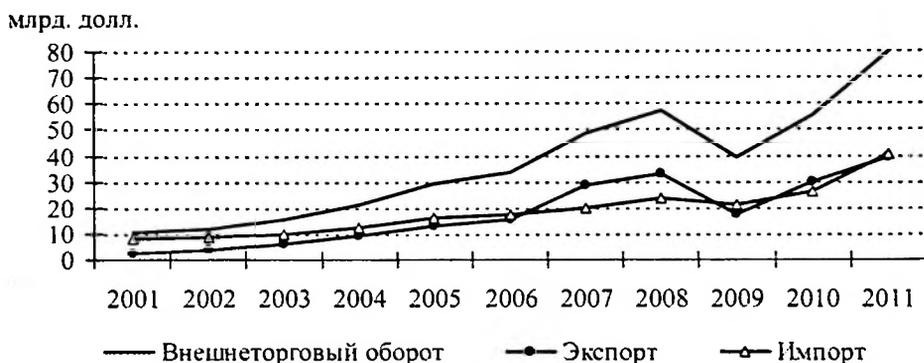

Рис. 1. Китайско-российская торговля в первом десятилетии XXI века

Экономический кризис 2008 г. существенно повлиял на двустороннюю торговлю Китая и России, прежде всего на китайский экспорт⁵. Ее сокращение отмечалось уже со второй половины 2008 г. и особенно заметно проявилось в январе 2009 г., когда внешнеторговый оборот с Россией упал на 42%, а импорт из России — на 59% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, достигнув самого низкого уровня за последние годы (830 млн. долл.)⁶. В феврале 2009 г. самой низкой отметки достиг и экспорт в Россию, составив лишь 910 млн. долл. Таким образом, в январе-феврале 2009 г. были отмечены минимальные показатели во взаимной торговле Китая и России.

В целом в 2009 г. объем китайско-российской торговли снизился на 32%, при этом экспорт из Китая в Россию сократился существенней — на 47%, импорт из России в Китай — на 10%. Резкий спад экспорта Китая в Россию обусловило, прежде всего, существенное сокращение в нем машин и оборудования — на 51,6%, а также текстильных изделий — на 43,8%⁷.

Главные причины снижения двусторонней торговли Китая и России: их экономический спад в условиях мирового кризиса, ухудшение конъюнктуры из-за снижения доходов населения, сокращения спроса со стороны производственных потребителей а также из-за обесценивания рубля (повлиявшего на покупательную способность населения). Это снизило совокупный спрос в России и, соответственно, сокращение импорта из Китая.

Восстановление товарооборота началось в 2010 г. При этом наращивание объемов взаимного товарообмена не обеспечило одновременного увеличения доли двух стран во взаимной торговле. В последние годы доля России во внешнеторговом обороте Китая

колебалась и составляла около 2%, при этом в 2011 г. доля России в экспорте Китая была на уровне 2,0%, а доля в импорте — 2,3%. Некоторое сокращение доли в 2009–2010 гг. было связано с более высокими темпами прироста торговли Китая с другими странами мира. В результате Россия опустилась в 2010–11 гг. с восьмого на десятое место среди торговых партнеров Китая.

На этом фоне доля Китая во внешней торговле России занимала более заметное место и в последние годы постепенно увеличивалась, достигнув в 2011 г. 9,9% (табл. 3). Китай стал первым торговым партнером России среди стран дальнего зарубежья (обогнав Германию)⁸.

Таблица 3

Доля Китая и России во внешнеторговом обороте двух стран (в млрд долл.)

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Китай, оборот — всего	509,8	620,8	851,2	1154,8	1422,1	1760,7	2173,8	2563,3	2207,3	2972,8	3642,0
в том числе с Россией*	10,7	11,9	15,8	21,2	29,1	33,4	48,2	56,9	38,8	55,4	79,2
доля России, %	2,1	1,9	1,9	1,8	2,0	1,9	2,2	2,2	1,8	1,9	2,2
Россия, оборот — всего	155,6	168,3	212,0	280,6	369,2	467,9	577,9	763,5	495,2	649,2	845,2
в том числе с Китаем**	7,2	9,2	11,5	14,8	20,3	28,7	40,3	55,9	39,5	59,3	83,5
доля Китая, %	4,6	5,5	5,4	5,3	5,5	6,1	7,0	7,3	8,0	9,1	9,9

* данные Главного таможенного управления КНР

** данные Росстата: Россия в цифрах за соответствующие годы.

Составлено и рассчитано по: Чжунго хайгуань цзунцзю [Главное таможенное управление КНР]. URL: <http://www.customs.gov.cn>; Федеральная служба государственной статистики России. URL: <http://www.gks.ru>.

Отметим, что увеличение двустороннего торгового оборота заложило прочную основу для углубленного сотрудничества в различных областях. Дальнейшее его развитие будет способствовать тому, что Китай и Россия смогут играть еще более заметную роль в глобальной экономике.

Структурные сдвиги во взаимной торговле Китая и России

Одна из важных задач данного исследования: выявление особенностей структуры экспорта и импорта Китая в торговле с Россией, а также оценка сдвигов в товарной структуре.

Анализ структуры экспорта Китая в Россию показал, что за последнее десятилетие она кардинально изменилась (табл. 4). Если в 2001 г. в ней преобладали текстильные изделия (43,6%), то начиная с 2008 г. ведущей статьёй стали машины и оборудование (в 2011 г. их доля достигла 41%). При этом в данной группе более 80% занимали оборудование, различные механические устройства, электрические машины и оборудование, а также средства наземного транспорта. Другая особенность изменений — сокращение доли текстильных изделий и обуви (с 43,6% в 2001 г. до 23,3% в 2011 г.) (рис. 2). Но по абсолютным показателям экспорт текстильных изделий из Китая в Россию несколько увеличился (хотя темпы прироста были ниже, чем у других товарных групп).

Анализ структуры экспорта показал, что произошедшие изменения в товарной структуре экспорта Китая в Россию несущественно отличаются от экспорта Китая в целом, соответствуя, в основном, направлениям государственной торгово-экономической политики Китая, нацеленной на увеличение технологической составляющей в структуре экспорта⁹. Причем изменения в структуре экспорта Китая в Россию за период с 2001 по 2011 гг. оказались глубже, чем у экспорта Китая в целом (рис. 2).

Таблица 4

Товарная структура экспорта и импорта Китая в торговле с Россией на базе ГС, %

Товары по ГС	2001	2008	2009	2010	2011
Экспорт Китая в Россию, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1. Продовольствие и сельхозсырье	9,1	4,0	6,3	4,9	4,8
2. Минеральные продукты	2,6	1,1	0,7	0,9	1,1
3. Продукты химпрома, каучук	5,1	7,3	8,1	7,6	8,3
4. Древесина и изделия из нее, целлюлозно-бумажные изделия	0,4	1,2	1,5	1,4	1,5
5. Текстиль и текстильные изделия, обувь	43,6	26,2	27,8	25,7	23,3
6. Черные и цветные металлы и изделия из них	1,8	10,3	8,5	9,1	8,8
7. Машины, оборудование и транспортные средства	11,1	36,8	33,6	38,6	41,0
8. Прочие товары	26,3	13,1	13,5	11,8	11,2
Импорт Китая из России, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1. Продовольствие и сельхозсырье	6,9	5,5	6,0	5,3	4,2
2. Минеральные продукты	10,8	56,1	49,3	54,6	65,6
3. Продукты химпрома, каучук	16,4	13,0	10,1	13,1	9,3
4. Древесина и изделия из нее, целлюлозно-бумажные изделия	15,0	16,2	13,8	13,7	11,2
5. Текстиль и текстильные изделия, обувь	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
6. Черные и цветные металлы и изделия из них	20,8	7,0	17,9	9,9	8,2
7. Машины, оборудование, транспортные средства	28,7	1,7	2,0	1,4	0,7
8. Прочие товары	1,4	0,5	0,9	2,0	0,8

Составлено и рассчитано по: United Nations Commodity Trade Statistics Database. UN comtrade. URL: <http://comtrade.un.org>.

Рис. 2. Структура экспорта основных товаров из Китая в Россию в 2001 и 2011 гг., %

$$J_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_2 - d_1)^2}{\sum_{i=1}^n (d_2 + d_1)^2}}$$

Это подтверждает количественная оценка структурных сдвигов в экспорте Китая в Россию, основанная на расчете индекса Рябцева за 2001–2011 гг.

где: d_1 и d_2 — удельные веса признаков в двух сопоставляемых структурах;
 $i=1,2,3,\dots,n$ — число градаций в структурах.

Полученный в результате расчетов индекс Рябцева ($J_{R2011} = 0,421$) по шкале оценки меры существенности различий структур находился в интервале от 0,301 до 0,500, что соответствует «значительному уровню различий».

Судя по анализу импорта Китая из России, в его структуре также налицо радикальные изменения (рис. 3). Так, в 2001 г. в импорте из России преобладали машины и оборудование, а вторую позицию занимали черные и цветные металлы (суммарно — почти 50% всего импорта). Но, начиная с 2004 г., основной группой товаров стали минеральные продукты, занявшие 36,9% (к 2011 г. их доля увеличилась до 65,6%). Как и в экспорте, изменения в структуре импорта произошли за счет различий в темпах прироста абсолютных показателей, а также за счет разнонаправленной динамики импорта минеральных продуктов, машин и оборудования. Так, импорт минеральных продуктов из России увеличился с 860,4 млн. долл. в 2001 г. до 26447,5 млн. долл. в 2011 г.¹⁰ (в 31 раз). Среди минеральных продуктов, импортируемых в Китай из России, преобладает минеральное топливо, включая нефть и продукты ее перегонки, занимающие более 90% данной товарной группы. Это в свою очередь убедительно свидетельствует о возрастающей потребности Китая в импорте минеральных продуктов, прежде всего нефти.

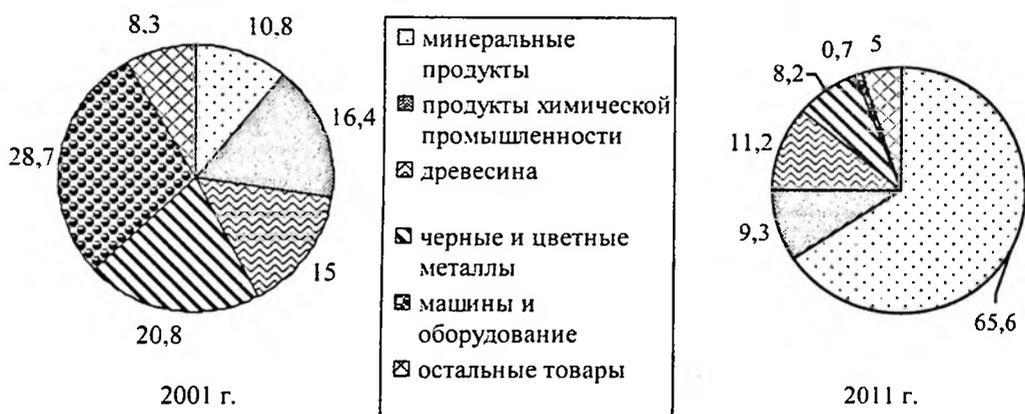

Рис. 3. Структура импорта основных товаров Китая из России в 2001 и 2011 гг., %

Что касается машин и оборудования в импорте Китая из России, то если в 2001 г. они занимали первое место (28,7%), то в 2010 г. их доля уменьшилась до 1,4%, а в 2011 г. — до 0,7%. При этом сокращение абсолютных показателей импорта машин и оборудования Китая из России за анализируемый период произошло в 8 раз — в основном, за счет летательных и космических аппаратов, составлявших в 2001 г. почти 65% всех импортируемых товаров данной группы.

На втором месте в списке импортируемых товаров из России — древесина и изделия из нее. Несмотря на рост импорта этой группы товаров в абсолютных показателях, доля ее в импорте Китая из России снизилась с 15% в 2001 г. до 11,2% в 2011 г. На третьем месте — продукты химической промышленности, хотя здесь отмечено сокращение с 16,4% в 2001 г. до 9,3% в 2011 г.

Количественная оценка структурных сдвигов в импорте Китая из России позволила заключить, что изменения, произошедшие в последнее десятилетие, следует считать «весьма значительными». Полученный индекс Рябцева ($J_{R2011} = 0,668$) показал, что в импорте Китая из России произошли самые высокие структурные сдвиги по сравнению со всеми произведенными оценками, в т.ч. в структуре экспорта и импорта Китая в целом.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о возрастании сырьевой направленности китайского импорта из России, что с одной стороны, отвечает потребно-

стям развития китайской экономики, а с другой — не соответствует внешнеэкономической стратегии и политике России, приоритетным направлением которых является уменьшение зависимости страны от экспорта сырья и увеличение экспорта товаров с более высокой добавленной стоимостью.

Подводя итоги, следует отметить, что товарная структура китайско-российской торговли кардинально изменилась. Если еще 10 лет назад в структуре экспорта Китая в Россию преобладали текстильные изделия, то в настоящее время преобладают машины и оборудование. Российский же экспорт в Китай изменился в сторону сырьевой направленности за счет сокращения доли машин и оборудования, а также высокотехнологичной продукции, что является негативной тенденцией и в определенной степени ограничивает развитие двусторонней торговли на более высоком уровне.

Факторы, определяющие торгово-экономическое сотрудничество Китая и России на перспективу

Перспективы развития торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией во многом определяются рядом факторов, которые могут как способствовать дальнейшему его развитию, так и сдерживать его. Остановимся на них более подробно.

Факторы, способствующие торгово-экономическому сотрудничеству между странами, на наш взгляд, следует разделить на внешние и внутренние.

Внешние факторы. К ним следует отнести:

а) *Процесс глобализации.* Общая сфера двусторонних интересов Китая и России становится шире той, что лежала в основе развития отношений еще два десятилетия назад. В начале 1990-х гг. основным стимулом к сотрудничеству были местные и личные материальные потребности, но к настоящему времени ситуация кардинально изменилась. Рост экономического благосостояния Китая и политическая стабилизация в России проходили параллельно с ускоренным процессом глобализации, затрагивающим все стороны общественного развития, усилением взаимозависимости стран на фоне обострения общемировых проблем, что сделало важным для обеих сторон обеспечение региональной безопасности¹¹.

б) *Переход к многополярности мирового порядка.* В мире происходят радикальные геополитические и существенные геоэкономические перемены, напрямую связанные с изменением в мире прежней биполярной структуры международных политических и экономических отношений.

в) *Рост региональных и интеграционных процессов в АТР.* В последние годы активно идет процесс смещения центра мировой экономической активности с Запада на Восток. При этом ряд стран в АТР демонстрировал стабильный экономический рост (даже в условиях экономического кризиса)¹². На фоне экономической активности отдельных стран в АТР набирают обороты региональные интеграционные процессы, что подтверждает Саммит АТЭС (в сентябре 2012 г. в г. Владивостоке), где на повестку дня были поставлены вопросы либерализации условий торговли и инвестиций¹³, интеграции региональных экономик, укрепления продовольственной безопасности, создания надежной транспортно-логистической инфраструктуры, укрепления сотрудничества в сфере инновационного роста¹⁴. По итогам Саммита была принята совместная декларация «Интеграция — в целях развития, инновация — в интересах процветания»¹⁵, позволявшая определить стратегию взаимодействия в АТЭС на перспективу.

г) *Распространение правил ВТО на взаимную торговлю между странами.* Членство Китая и России в ВТО существенно повлияет на их торгово-экономическое взаимодействие в долгосрочной перспективе. Согласно требованиям ВТО, Россия будет проводить государственную политику в сторону либерализации торгово-экономического режима в стране, в том числе снижать пошлины на отдельные товары при импорте, ограничивать применение экспортных пошлин, а также повышать открытость в сфере услуг

и в банковской сфере для иностранных инвестиций. После вступления в ВТО средневзвешенный таможенный тариф снизится с 10% на современном этапе до 7,8%. В частности, уровень пошлин на сельскохозяйственную продукцию сократится с 13,2 до 10,8%, на промышленную продукцию — с 9,5 до 7,3%¹⁶. Аналогичные обязательства по снижению таможенных пошлин некогда брал на себя Китай¹⁷.

По мнению ряда специалистов, вступление России в ВТО в целом будет иметь больше позитивных моментов для китайско-российской торговли, нежели негативных и предоставит дополнительные возможности для углубления сотрудничества. На наш взгляд, в ближайшей перспективе (до 2015 г.) это влияние будет не очень заметным, поскольку снижение пошлин на экспорт и импорт отдельных наименований продукции может произойти в течение 3 лет после вступления России в ВТО. При этом переходный период таможенной защиты по мясу птицы, автомобилям, самолетам и другим видам продукции будет сравнительно долгим (7–8 лет). Кроме того, по свинине, говядине и птичьему мясу при импорте будет сохранена система квотирования¹⁸. Таким образом, в среднесрочной перспективе вряд ли следует ожидать значительных изменений в динамике и структуре торгово-экономического сотрудничества наших стран вследствие вступления России в ВТО.

Внутренние факторы, воздействующие на китайско-российскую торговлю, можно анализировать с позиций каждой из стран, либо с позиций обеих стран. В данном случае использован второй подход.

а) *Совпадение внешнеполитического курса стран*. Следует отметить, что сотрудничество с Китаем важно для России в международном плане так же, как и для Китая — сотрудничество с Россией. У этих стран общий взгляд на будущее устройство мира, определяемое понятием «многополярность». И Россия, и Китай отрицательно относятся к советам извне относительно их внутривнутриполитического устройства, квалифицируя это как вмешательство во внутренние дела, поддерживают друг друга в борьбе с сепаратизмом. Именно поэтому обе страны отстаивают сохранение принципов международного права и статуса ООН, выступают с единой позицией на переговорах по многим острым вопросам мировой политики^{19, 20}.

Кроме того, Китай и Россия являются важными региональными партнерами, участниками многих региональных организаций и форумов: ООН, «Группы двадцати», БРИКС, ШОС, РИК, форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), СВМДА, ДСА.

б) *Укрепление позиций обеих стран в мире*. Различные аспекты политического и экономического взаимодействия Китая и России зависят от их положения в мировой экономике и мирохозяйственных связях.

В последние годы Китай наращивает участие в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ведет активный диалог в рамках практически всех имеющихся здесь многосторонних структур, включая АТЭС, «АСЕАН плюс 1», «АСЕАН плюс 3»²¹. Россия также усиливает свои позиции в интеграционных процессах в рамках Таможенного Союза (Белорусь—Казахстан—РФ), ЕвразЭС, ШОС, АТЭС.

За последние годы Китай существенно нарастил свою экономическую мощь. Так, уже в 2010 г. он вышел на второе место в мире по объему ВВП, его доля в мировом промышленном производстве превысила 15%. Возросла роль Китая в мировой торговле: по экспорту он занял первое место, по импорту — второе. На протяжении последних лет он занимает лидирующие позиции по валютным резервам.

Что касается России, то она обрела в последние годы сравнительно стабильный характер экономического развития. В 2010 г. по объему ВВП заняла десятое место в мире, по экспорту — 12-е, импорту — 18-е²². По объему золотовалютных резервов Россия занимает третье место в мире²³.

в) *Модернизация экономики и высокие темпы экономического роста*. Проходящие в обеих странах реформы поддерживают спрос на промышленные товары и сырье. В последнее десятилетие их экономики наращивали и укрепляли свой потенциал²⁴. В

2010 г. Китай занял первое место в мире по темпам прироста ВВП, которые составили 10,4%, в 2011 г. темпы несколько замедлились до 9,3%. ВВП Китая в 2011 г. по сравнению с 1978 г. увеличился более чем в 40 раз, достигнув 7,3 трлн. долл.²⁵. Экономика России в последние годы также стабильно росла, среднегодовой темп прироста ВВП в период с 2001 по 2011 г. колебался в пределах от 4,3 до 8,5% (за исключением кризисного 2009 г.) и достиг в 2011 г. 1,8 трлн. долл. Стоит отметить, что рост ВВП России по итогам 2011 г. составил 4,2%, промышленного производства — 4,7%; по динамике этих показателей страна поднялась на третье и четвертое место в мире, соответственно²⁶.

г) *Приграничное положение.* Китай и Россия являются крупнейшими странами-соседями с общей протяженностью границы более 4000 км, что дает им дополнительные возможности торгово-экономического сотрудничества. Определение государственной границы сыграло немаловажную роль в стабильном развитии взаимоотношений между двумя странами. В 2005 г. состоялась ратификация Государственной думой РФ и ВСНП КНР дополнительного соглашения между РФ и КНР о китайско-российской государственной границе в её восточной части²⁷. Тем самым завершилось урегулирование пограничных проблем двух стран, начатое еще в 1964 г.

д) *Взаимодополняемость экономик двух стран.* Структура экономики, спрос и предложение товаров в России и Китае по многим показателям являются взаимодополняющими, а не конкурентными. Китай и Россия отличаются по структуре производства, обеспеченности минеральными и трудовыми ресурсами.

е) *Наличие долгосрочных стратегий развития и нацеленность на инновации и высокотехнологичное развитие экономики.* Разработанные в обеих странах стратегии и программы были направлены на поступательное развитие экономики. При этом особое место во взаимодействии занимает Договор между КНР и РФ о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.), а также Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ с Северо-востоком КНР на 2009–2018 гг. (2009 г.). Взаимодополняющими во многом можно считать стратегии двух стран в части экономического развития Сибири и Дальнего Востока в России, а также в подъеме отсталых районов китайского запада и старой индустриальной базы на северо-востоке КНР. Россия заинтересована в поставке в КНР высоких и средних технологий, в стыковке своих планов развития Сибири и Дальнего Востока с китайскими проектами возрождения старого индустриального района на северо-востоке КНР, где в 1950–1960 гг. на основе советских технологий были созданы десятки крупнейших предприятий. Участие в их модернизации сулит российскому приграничью новые рабочие места и восстановит простаивающие производства²⁸. Принятая Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-востока КНР (2009–2018 гг.) закрепила региональные приоритеты и дала новый импульс экономическому сотрудничеству приграничных регионов Китая и России. Важно, чтобы в процессе ее реализации были учтены интересы обеих стран.

Сдерживающие факторы. В то же время имеется ряд факторов, сдерживающих развитие торгово-экономического сотрудничества. К *внешним* следует отнести:

а) *Сохраняющаяся напряженность в мире,* что предопределяет увеличение финансовых расходов на перевооружение армий. Наличие региональных конфликтов, вмешательство во внутренние дела со стороны НАТО мешает стабилизации обстановки в мире.

б) *Экономический кризис и неопределенность перспектив мировой экономики.* Кризис затронул в 2008 г. всю мировую экономику, что повлияло на многие сферы экономической жизни КНР и РФ, в том числе повлек сокращение спроса на товары, производимые в обеих странах.

в) *Обострение конкуренции на мировых рынках.*

К *внутренним* факторам следует отнести:

а) *Несовершенство структуры промышленного производства с чрезмерной долей тяжелой индустрии, особенно в приграничных регионах;*

б) Наличие в обеих странах устаревших производств и необходимость технического и технологического перевооружения;

в) Слабая развитость транспортной и пограничной инфраструктуры, обеспечивающей торгово-экономическое взаимодействие двух стран. В настоящее время состояние российских транспортных магистралей и пропускной способности пограничных переходов входят в число факторов, сдерживающих дальнейшее развитие двусторонних торгово-экономических отношений. Эта проблема поднималась и на Саммите АТЭС 2012 г.

г) Ограниченность экспортного потенциала ввиду невысокой доли в нем высокотехнологичных товаров;

д) Невысокое качество экспортируемой продукции, прежде всего из Китая, в ряде случаев несоответствие ее мировым стандартам, что снижает конкурентоспособность китайских товаров на российском рынке, особенно в условиях превышения предложения над спросом и усиления международной конкуренции после вступления России в ВТО.

Все эти факторы, по мнению авторов, определяли, и будут определять динамику и структуру внешней торговли между Китаем и Россией.

Сценарии развития китайско-российской торговли на период до 2015 года

Проведенный анализ динамики и структурных сдвигов, происходящих в торговле КНР с РФ, позволяет предположить различные сценарии в развитии их торгово-экономического сотрудничества на перспективу. Тем более, что встречи на высшем уровне обозначили основные установки по целевым показателям, в соответствии с которыми внешнеторговый оборот к 2015 г. должен достичь 100 млрд. долл., а к 2020 г. — 200 млрд. долл.

При попытке предположить возможные сценарии по достижению базовых параметров на период до 2015 г. были использованы модели кривых роста (или модели временных рядов). При этом основу для расчетов составили выявленные выше тенденции в динамике и структурных сдвигах, а программными средствами стали Microsoft Office Excel и Statgraphics. При этом для определения целевых показателей были задействованы различные подходы, которые получили отражения в разработанных сценариях.

Сценарий № 1. Двусторонний товарооборот поднимется благодаря росту экспорта и импорта Китая.

Для расчетов прогнозных значений использован динамический ряд китайско-российской торговли за 1991–2010 гг. Как показал анализ, в этот период динамика экспорта и импорта Китая в торговле с Россией имела некоторые отличия в тенденциях роста. Подбор трендов и расчеты прогнозных значений производились отдельно для экспорта и импорта. Затем на основе рассчитанных значений их объема был произведен прогноз общего объема внешней торговли между двумя странами. В соответствии с этим сценарием объем внешнеторгового оборота Китая с Россией достигнет в 2015 г. 99,7 млрд. долл., что близко к показателям в рамках договоренностей между руководителями Китая и России.

Сценарий 2. Двусторонний товарооборот поднимется благодаря изменению товарной структуры экспорта и импорта.

Особый интерес, как показывает анализ структурных сдвигов в экспорте и импорте Китая в торговле с Россией, представляет сценарий прогноза двусторонней внешней торговли на базе изменений в ее товарной структуре. Такой подход к прогнозированию позволяет точнее и детальней проанализировать не только динамику в целом, но и отдельных товарных групп. Основной акцент в анализе сделан на тенденциях изменения товарных групп как в экспорте, так и в импорте Китая. В расчетах были использованы

показатели динамики товарных групп за период с 1992 по 2010 гг., сгруппированных на основе Гармонизированной системы кодирования товаров (ГС).

Расчеты показали, что по данному сценарию общий объем внешнеторгового оборота двух стран достигнет 112 млрд. долл., при этом экспорт Китая в Россию составит 64,6 млрд. долл., а импорт из России — 47,3 млрд. долл. Таким образом, тенденции в динамике экспорта и импорта товарных групп могут оказать более существенное влияние на внешнеторговый оборот, чем показатели роста экспорта и импорта.

В интересах подробного анализа и возможных изменений в структуре экспорта и импорта были сопоставлены показатели за 2001 г. (когда Китай вступил в ВТО, а внешняя торговля России стала восстанавливаться после кризиса 1998 г.) с прогнозными значениями на период до 2015 г. При этом в расчетах и анализе выделены показатели за 2008 г. (начало мирового финансово-экономического кризиса) и за 2010 г. (период восстановления после кризиса), см. табл. 5.

Таблица 5

Структура товарооборота Китая с Россией, %

Товары по Гармонизированной системе	2001	2008	2010	2015*
Экспорт Китая в Россию, всего	100.0	100.0	100.0	100.0
1. Продовольствие и сельхозсырье (1–4)	9.1	4.0	4.9	4.5
2. Минеральные продукты (5)	2.6	1.1	0.9	0.9
3. Продукты химпрома, каучук (6,7)	5.1	7.3	7.6	6.8
4. Древесина и изделия из нее, целлюлозно-бумажные изделия (9,10)	0.4	1.2	1.4	1.2
5. Текст. изделия, обувь (11,12)	43.6	26.2	25.7	28.5
6. Черн. и цветн. металлы, изделия из них (15)	1.8	10.3	9.1	8.7
7. Машины, оборудование и транспортные средства (16,17,18)	11,1	36,8	38,6	33,9
8. Прочие товары (8,13,14,19–21)	26,3	13,1	11,8	15,5
Импорт Китая из России, всего	100.0	100.0	100.0	100.0
1. Продовольствие и сельхозсырье (1–4)	6.9	5.5	5.3	10.3
2. Минеральные продукты (5)	10.8	56.1	54.6	58.0
3. Продукты химпрома, каучук (6,7)	16.4	13.0	13.1	9.5
4. Древесина и изделия из нее, целлюлозно-бумажные изделия (9,10)	15.0	16,2	13,7	12,8
5. Текстиль и текст. изделия, обувь (11,12)	0.0	0.0	0.0	0.0
6. Черн. и цветн. металлы, изделия из них (15)	20,8	7,0	9,9	7,8
7. Машины, оборудование и транспортные средства (16,17,18)	28,7	1,7	1,4	0,6
8. Прочие товары (8,13,14,19–21)	1,4	0,5	2,0	1,0

* Прогнозные значения.

Примечание: в скобках показаны разделы по ГС

Анализ полученных результатов показал, что сложившиеся тенденции предшествующего периода получили свое развитие в расчетах перспективных значений показателей на период до 2015 г. При этом выявлено, что в ближайшие 4 года ожидается замедление темпов роста экспорта Китая в Россию в сравнении с предыдущим десятилетием.

Анализ динамики экспорта Китая в Россию показал, что рост по абсолютным показателям сохранится во всех товарных группах. При этом наибольшие средние темпы прироста ожидаются по текстилю и текстильным изделиям, обуви, а также по разделу «прочие товары». Их удельный вес в экспорте Китая возрастет до 28.5 и 15,5% соответ-

ственно. Следует отметить, что в последующие годы машины, оборудование и транспортные средства по-прежнему будут занимать лидирующую позицию в товарной номенклатуре китайского экспорта в Россию — их доля составит в 2015 г. 33,9%.

Импорт Китая из России будет расти со средним темпом прироста 11,3% (в 2001–2010 гг. — 14%). Подробный анализ товарной структуры импорта Китая из России показал, что возрастающие тенденции по абсолютным показателям сохраняются во всех товарных группах, кроме текстиля и текстильных изделий, а также машин и оборудования. Наибольшие средние темпы прироста ожидаются в импорте продовольствия (18,3%) и минеральных продуктов (12,4%). Соответственно их доля в импорте Китая из России возрастет в 2015 г. до 10,3 и 58% соответственно.

Особого внимания заслуживают сложившиеся тенденции в китайском импорте из России машин и оборудования, объем которого, по прогнозным расчетам, снизится в 2015 г. до 263 млн. долл. и будет составлять в нем лишь 0,6%. Такой прогноз вполне вероятен, если правительство России не предпримет в ближайшее время активных и радикальных мер по развитию и поддержке отечественного машиностроения. Учитывая эти изменения, к 2015 г. основными импортными товарами Китая из России будут минеральные продукты, древесина и изделия из нее, продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

По данному сценарию внешнеторговый оборот Китая с Россией составит к 2015 г. 111,9 млрд. долл., т. е. превысит уровень, намеченный руководителями обеих стран.

Следует отметить, что рассмотренный вариант прогноза не в полной мере отражает сложившуюся ситуацию, ибо не учитывает влияния ряда факторов — в частности, институционального, как одного из определяющих в развитии двусторонней торговли между нашими странами. Речь идет о договорах в различных сферах торгово-экономического сотрудничества между правительствами и предприятиями двух стран. В настоящее время среди договоров, заключенных на отдаленную перспективу, подавляющее большинство ориентировано на топливно-энергетическое сотрудничество. Последние проекты ориентированы в основном на поставку из России сырой нефти и угля (а в будущем и газа), каждый из которых повлияет на динамику и структуру импорта Китая из России.

Соответственно межправительственному соглашению Китая и России о долгосрочном сотрудничестве по нефти (подписан в апреле 2009 г. в Пекине) и Соглашению по углю (подписан в августе 2010 г.) стали реализовываться крупномасштабные проекты. Россия с осени 2010 г. поставляет в Китай сырую нефть по 15 млн. т ежегодно и продолжит поставки в том же объеме в течение последующих 20 лет. Поставки угля в период с 2011 по 2015 гг. определены в объеме не менее 15 млн. т в год, а с 2016 по 2035 гг. — по 20 млн. т в год. Планируется расширение трансграничных поставок электроэнергии.

С учетом перечисленных проектов и перспектив расширения поставок топливно-энергетических ресурсов разработаны *третий (на основе сценария № 1 с учетом реализации межгосударственных проектов в сфере энергетики) и четвертый сценарии (на основе сценария № 2 с учетом реализации межгосударственных проектов в сфере энергетики)*. Для расчета прогнозных значений цен использованы фактические экспортные цены на нефть и уголь из России в Китай с учетом прогнозных темпов роста среднемировых цен, публикуемых Всемирным Банком. При этом третий сценарий был рассчитан на основе тенденций роста экспорта и импорта (т.е., первого сценария), а четвертый — на основе изменений в товарной структуре (т.е., второго сценария).

Полученные прогнозные значения внешнеторгового оборота Китая с Россией позволили сделать заключение, что при сохранении общих тенденций развития экспорта и импорта Китая в торговле с Россией, к 2015 г. объем двусторонней торговли достигнет 111,4 млрд. долл. (по третьему сценарию), либо 123,5 млрд. долл. (по сценарию № 4), при этом объем импорта Китая из России составит почти 60 млрд. долл. (табл. 6).

Таблица 6

Прогнозные значения товарооборота Китая с Россией на период до 2015 г.
(четвертый сценарий), млн. долл.

Товары по Гармонизированной системе	Прогнозные значения, млн. долл. США			
	2012	2013	2014	2015
Экспорт Китая в Россию	42157,2	48812,1	56271,6	64640,8
Импорт Китая из России	47757,7	51124,6	54863,5	58908,7
1. Продов. и сельхозсырье	2937,5	3476,1	4113,4	4867,5
2. Минеральные продукты	32744,2	34654,2	36791,9	39073,5
3. Продукты химпрома, каучук	3650,8	3927,6	4217,5	4520,5
4. Древесина и изделия из нее, целлюлозно-бум. изделия	4750,6	5163,7	5592,9	6038,2
5. Текстиль и текстильные изделия, обувь	3,4	3,1	2,8	2,5
6. Черные и цветные металлы и изделия из них	3021,8	3228,5	3447,8	3679,4
7. Машины, оборудование, транспортные средства	315,5	297,0	279,5	263,1
8. Прочие товары	333,9	374,4	417,7	464,0
Торговый оборот Китая с Россией	89914,9	99936,7	111135,1	123549,5

Таблица 7

Сценарии развития товарооборота Китая с Россией на период до 2015 г., млн. долл.

Сценарии	Прогнозные значения			
	2012	2013	2014	2015
<i>Сценарий 1</i>				
<i>на базе тенденций роста экспорта и импорта Китая в торговле с Россией</i>				
Взаимн. торговый оборот	73186,1	81567,5	90426,5	99763,3
Экспорт Китая в Россию	40514,6	45582,1	50951,0	56621,6
Импорт Китая из России	32671,5	35985,4	39475,5	43141,7
<i>Сценарий 2</i>				
<i>на основе тенденций в изменении товарной структуры в экспорте и импорте</i>				
Взаимн. торговый оборот	76684,9	87294,7	99001,6	111929,0
Экспорт Китая в Россию	42157,2	48812,1	56271,6	64640,8
Импорт Китая из России	34527,7	38482,6	42730,0	47288,2
<i>Сценарий 3</i>				
<i>на основе сценария 1 с учетом реализации проектов в сфере энергетики</i>				
Взаимн. торговый оборот	86416,1	94209,5	102560	111383,8
Экспорт Китая в Россию	40514,6	45582,1	50951,0	56621,6
Импорт Китая из России	45901,5	48627,4	51609	54762,2
<i>Сценарий 4</i>				
<i>на основе сценария 2 с учетом реализации проектов в сфере энергетики</i>				
Внешнеторговый оборот	89914,9	99936,7	111135,1	123549,5
Экспорт Китая в Россию	42157,2	48812,1	56271,6	64640,8
Импорт Китая из России	47757,7	51124,6	54863,5	58908,7

Четвертый сценарий предполагает более динамичный характер развития товарообмена Китая с Россией, сулящий к 2015 г. показатели на 11,6 млрд. долл. выше, чем по второму сценарию, где не учитывались изменения, связанные с реализацией межгосударственных планов в сфере энергетики. По этому сценарию сальдо у Китая может стать отрицательным, причем две трети его импорта из России в период до 2015 г. будут занимать минеральные продукты (т.е. сырьевая ориентация экспорта России усилится). Причем, если учесть возможность поставки электроэнергии из России в Китай с 2012 г. (по 4,3 млрд. кВт·ч в год), то объем двусторонней торговли еще более увеличится.

В заключении все четыре сценария формирования товарооборота двух стран сведены в одну таблицу, представляющую основные результаты расчетов (табл. 7).

С учетом экономических и политических процессов во взаимоотношениях КНР и РФ можно предположить, что наиболее вероятен четвертый сценарий. Это позволяет сделать вывод, что намеченные руководителями двух стран цели по достижению двустороннего товарооборота в 100 млрд. долл. к 2015 г. могут быть не только реализованы, но и превзойдены. Причем, ожидаемые результаты пока что могут быть достигнуты в основном за счет увеличения доли минеральных ресурсов в импорте Китая из России, что для нее не может расцениваться как положительная тенденция.

1. Перечень двусторонних международных договоров Российской Федерации // Министерство иностранных дел РФ [Оффц. сайт]. 2011. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 03.12.2011).
2. Анализ взаимной торговли базировался на китайской статистике, поскольку сведения о товарной структуре более доступны на китайском языке; наличие значительные расхождения в статистике КНР и РФ.
3. *Brown A.J.* Applied Economics: Aspects of the World Economy in War and Peace. Edinburgh: Hugh Paton and Sons Ltd., 1947. 252 p.; *Brown A.J.* Introduction to the World Economy. Taylor & Francis. 2010. 214 p.
4. По данным китайской статистики: Чжунго шаньубу [Министерство коммерции КНР]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>;
5. Подробный анализ влияния мирового экономического кризиса 2008 г. на торгово-экономические отношения между Китаем и Россией см.: *Чжао Сянь*. Цзиньжун вэйци чжун дэ Чжун Э маои хэцзо фачжань шойши [Тенденции развития китайско-российского торгового сотрудничества под воздействием финансового кризиса] // Шэньян дасюе сюебао [Вестник Шэньянского университета]. 2010. № 2(22). С. 51–53; *Понкратова Л.А., Чжао Сянь*. Лунь Чжунго юй Элосы цзинмао хэцзо: фачжань шойши, цзегоу цзи цзиньжун вэйцидэ инсян [Торгово-экономическое сотрудничество Китая с Россией: динамика, структура и влияние финансового кризиса] // Хэйхэ сюекань [Хэйхэский научный журнал]. 2010. № 5(153). С. 20–22.
6. *Чжоу Фэлинь*. Цюаньшю цзиньжун вэйци дуй Чжун Э маондэ инсян цзи дуйцэ [Влияние глобального финансового кризиса на китайско-российскую торговлю и меры по борьбе с ним] // Хэсюнь синьвэнь [Новости Хэсюнь]. 2009. 25 мая. URL: <http://news.hexun.com/2009-05-25/118033500.html> (дата обращения: 14.03.2010).
7. Рассчитано по: United Nations Commodity Trade Statistics Database. UN comtrade. URL: <http://comtrade.un.org>.
8. По данным Федеральной службы государственной статистики России. URL: <http://www.gks.ru/>
9. *Понкратова Л.А., Чжао Сянь*. Внешняя торговля Китая: особенности динамики и оценка структурных сдвигов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, № 2(95), 2011. С. 44–53.
10. Чжунго шаньубу [Министерство коммерции КНР]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn>.
11. *Ларин В.Л.* Российско-китайский регионализм как элемент восточноазиатской интеграции // Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая: Доклады участников международной научной конференции (М., 9–10 окт. 2007 г.). М.: ИДВ РАН, 2009. С. 41–56.
12. *Карлусов В.В.* Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации // Пробл. Дальнего Востока. 1999. № 3. С. 50–55.

13. Свобода инвестиций — одна из ключевых тем, которую РФПИ будет продвигать на саммите АТЭС — глава РФПИ Кирилл Дмитриев // Жэньминь жибао. 2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7941196.html> (дата обращения: 07.09.2012).
14. О Деловом саммите АТЭС 2012. URL: <http://apec2012ceosummit.ru> (дата обращения: 08.10.2012).
15. Свобода инвестиций — одна из ключевых тем, которую РФПИ будет продвигать на саммите АТЭС — глава РФПИ Кирилл Дмитриев // Жэньминь жибао. 2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7941196.html> (дата обращения: 07.09.2012).
16. Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. URL: <http://www.wto.ru> (дата обращения: 17.05.2012).
17. Ожидается совершенствование китайско-российской торговли в рамках ВТО // Жэньминь жибао. 2011. 25 дек. URL: <http://russian.people.com.cn> (дата обращения: 25.12.2011).
18. Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. URL: <http://www.wto.ru> (дата обращения: 17.05.2012).
19. *Портяков В.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 2.
20. *Лукин А.* Россия и Китай укрепляют связи (перевод публикации во вкладке Russia&India Report в The Times of India) // Росс. газ. 2010. 19 окт. URL: http://www.rg.ru/2010/10/19/rbth-russia_and_china.html (дата обращения: 09.11.2010).
21. *Титаренко М.Л.* Экономическое взаимодействие России с Китаем // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2008. № 3. С. 68–77.
22. WTO. International Trade Statistics 2011. World Trade Organization. Geneva. 2011. pp. 24. URL: <http://www.wto.org> (дата обращения: 06.12.2011).
23. Доклад об экономике России. № 24 (март, 2011 г.) // Всемирный Банк. 2011. URL: <http://www.worldbank.org/eca/ger> (дата обращения: 17.09.2011).
24. *Чэн Вэй.* Китайско-российское сотрудничество: из взаимодополняющего в стратегическое // Азиатско-Тихоокеанский Регион: экономика, политика, право. 2008. № 1. С. 33–39.
25. *Островский А.* Экономика КНР на пороге 12 й пятилетки: итоги и перспективы // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 4.
26. Россия по росту ВВП в 2011 году заняла третье место в мире // Expert Online. 2012. 12 янв. URL: <http://expert.ru/2012/01/12/kitaj-indiya-rt/> (дата обращения: 21.03.2012).
27. Дополнительное Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 14 октября 2004 г. // Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации. 2011. URL: <http://old.rosgranitsa.ru> (дата обращения: 8.05.2011).
28. *Титаренко М.Л.* Экономическое взаимодействие России с Китаем // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2008. № 3. С. 68–77.
29. Совместное заявление Председателя КНР Ху Цзиньтао и Президента РФ Дмитрия Медведева в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ // Жэньминь жибао. 2011. 17 июня. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7412401.html> (дата обращения: 17.06.2011).

Теория и методология

Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване

© 2012

В. Малявин, Чэнь Цзявэй

В статье рассматривается эволюция демократических институтов на Тайване в период правления Демократической прогрессивной партии (2000–2008 гг.), исследуются последствия этого феномена для политической жизни острова. Особое внимание уделяется сложным взаимоотношениям национализма и демократии на Тайване.

Ключевые слова: Демократическая прогрессивная партия, демократия, национальная идентичность, национализм.

Эволюция политического строя Тайваня от авторитарного режима Чан Кайши к развитой и устойчивой демократии — одно из самых примечательных явлений новейшей истории Дальнего Востока. В западной литературе распространено мнение, что западные политические модели в целом и демократия в особенности не могут быть пересажены на азиатскую почву. Характерно суждение американской исследовательницы китайского происхождения Л. Янг, которая утверждает, что китайская культура предполагает «несотворенный мир, в котором соотнесенность вещей заслоняет самостоятельность, а множественность влияний — порождающий источник», личность же понимается как «персона-в-контексте, вместилище чего-то большего, чем она является». В подобном социокультурном контексте, заключает Л. Янг, «западная общественно-политическая терминология оказывается вообще непонятной китайцу»¹. Некоторые исследователи даже ввели в обиход специальное понятие «нелиберальной демократии» для характеристики азиатских государств, в которых выборы служат лишь прикрытием авторитарного режима².

Большинство западных авторов видят причину неудач или крайне замедленного развития демократии в странах Восточной Азии в так называемых «азиатских ценностях» или гипертрофированной роли государства в общественной жизни, что, впрочем, тоже является следствием определенных, прочно укоренившихся в обществе политических и культурных традиций. Автор одной из более поздних публикаций утверждает, что

Малявин Владимир Вячеславович, профессор Института изучения Европы Тамканского университета, Тайвань. E-mail: 106438@mail.tku.edu.tw.

Чэнь Цзявэй, аспирантка Института стран Азии и Африки при МГУ. E-mail: Sh_mila@hotmail.com.

«даже в Южной Корее и Тайване, где регулярно имеют место выборы, качество демократии остается очень низким»³.

Столь суровые оценки, по крайней мере в отношении Тайваня, кажутся не очень справедливыми. Остается фактом, что демократические институты и процедуры пустили в тайваньском обществе глубокие корни, а политическая жизнь на острове имеет все признаки развитой демократии. Скорее напрашивается вывод, что пример Тайваня демонстрирует возможность существования жизнеспособных демократических институтов в русле китайской цивилизации. В то же время тайваньская демократия отличается целым рядом особенностей, которые позволяют увидеть в новом свете многие черты политической и культурной традиции стран Дальнего Востока. Поэтому исследование процесса демократизации Тайваня представляет исключительную важность для изучения теории и практики политических процессов в Азии.

Развитие демократии на Тайване нельзя поставить в заслугу какой-либо одной политической силе. Пожалуй, наибольшую роль в этом процессе сыграла готовность единолично правившей на острове партии Гоминьдан начать (после недолгого периода репрессий и колебаний) глубокую демократизацию там политического строя. Однако не менее значительную, а во многих отношениях и решающую роль в развитии демократических институтов на Тайване сыграла Демократическая прогрессивная партия (ДПП) — главный оппонент Гоминьдана. Не случайно образование ДПП послужило непосредственным толчком для серии демократических реформ, начавшихся с отмены в 1987 г. Закона о чрезвычайном положении (ДПП оформилась как политическая организация чуть раньше — в 1986 г.). С самого начала развитие демократии было одним из главных политических требований партии. Именно этот лозунг помог ДПП завоевать поддержку широких слоев тайваньского общества и в конце концов привел ее к вершинам власти в 2000 г., когда глава ДПП Чэнь Шуйбянь был избран на Тайване «президентом Китайской Республики». Впервые в ареале китайской цивилизации власть мирным путем перешла в руки оппозиционных сил. А спустя восемь лет Гоминьдан также мирным путем вернул ее себе.

В настоящее время демократические ценности прочно укоренились не только в публичной жизни Тайваня, но и, что еще более важно, в умах его жителей. Тайваньцы единодушно считают демократические порядки главным достоинством их политической системы и хорошо сознают, что демократию нужно не просто «иметь», а постоянно культивировать и оберегать. На вопрос, что хорошего в демократии, они обычно указывают на то, что за последние 20 с лишним лет на острове не произошло ни одного политического убийства.

Действительно, демократия по сути своей — не просто набор политических и юридических процедур. Она требует определенной общественной атмосферы и консенсуса в обществе, своих устойчивых обычаев и традиций. Как отмечал президент Тайваня в 90-х годах XX в. Ли Дэньхуэй, демократия предполагает «косвенный подход» к решению общественных проблем. Она «требует терпения, тогда как авторитарное правление характеризуется прямыми и поспешными (читай: насильственными. — *Авт.*) действиями»⁴. При демократии, полагал Ли Дэньхуэй, время является важнейшим ресурсом правительства, и руководители страны должны уметь «выжидать подходящее время»⁵. Более того, демократия, подчеркивал Ли, «не кончается с изменением институтов. По-настоящему важно как раз то, что происходит *после* этих изменений»⁶.

Укажем на одно до сих пор не отмеченное в литературе обстоятельство: природа демократии в процитированных суждениях Ли Дэньхуэя на удивление схожа с традиционным китайским представлением о добродетели (*дэ*) как, во-первых, качестве человека

власти и, во-вторых, силе, оказывающей длительное и притом ненасильственное, даже незаметное благотворное воздействие на общественные нравы. На подсознательном уровне эти высказывания тайваньского президента, почти буквально воспроизводящие некоторые формулы традиционной политической мудрости Китая, полностью соответствуют мышлению и даже умственным привычкам жителей Тайваня. Подобные совпадения лишней раз подтверждают хорошо известный социологам факт, что наследие традиции само по себе не является препятствием для модернизации, а скорее определяет культурную специфику этого процесса. Согласно многим социологическим исследованиям, Тайвань, будучи наиболее приверженной традиционным ценностям и консервативно настроенной частью китайской ойкумены, является в то же время одним из самых вестернизированных обществ Азии, а по мнению некоторых исследователей — еще более вестернизированным, чем Южная Корея или Япония⁷.

Наряду с традиционными ценностями большое значение для развития демократического строя на Тайване имели объективные исторические факторы. Базовой предпосылкой демократизации тайваньского общества стал бурный экономический рост острова в 70-е и особенно 80-е гг. XX в., который привел его к тесной интеграции в мировую экономику, появлению многочисленного среднего класса и местной бизнес-элиты, заинтересованных в либерализации хозяйственной и политической жизни. Этот процесс сопровождался постепенным, а с середины 1980-х гг. уже стремительным усилением различных движений протеста против диктатуры Гоминьдана, в которые оказались вовлечены широкие массы рабочих, деловых людей, студенчества, защитников окружающей среды, женщин и, не в последнюю очередь, уроженцев острова, недовольных доминированием в государственной администрации пришельцев с материка. Обстановка на острове изменилась столь быстро, что к середине 80-х гг. XX в. Гоминьдан уже не имел ни сил, ни воли воспрепятствовать новым веяниям и сам предпринял радикальные демократические реформы.

Столь же очевидно, однако, что прямой зависимости между экономическими достижениями и уровнем развития демократии не существует. Благоприятные объективные условия еще никак не определяли саму форму тайваньской демократии, ее общественное и культурное своеобразие. Пример соседней КНР показывает, что доминирование капиталистической экономики и появление среднего класса вовсе не обязательно сопровождаются демократизацией политической жизни. Япония на свой лад подтверждает это правило: высокоразвитый капитализм и высокий уровень жизни в этой стране не мешают японцам практиковать демократию в несколько урезанном виде почти бессменного доминирования одной партии при одновременном наличии императора, пусть и в качестве чисто символической фигуры.

Несмотря на существование в тайваньском обществе запроса на демократию, последнюю предстояло создать с чистого листа, и она действительно складывалась в значительной мере спонтанно, как реакция на актуальные вызовы истории без четкого плана и ясных целей. Более того, с самого начала становление демократического строя на острове было сопряжено с необходимостью разрешить ряд острых противоречий, связанных отчасти с природой демократии как таковой, отчасти с особенностями исторического пути самого Тайваня. Отметим эти противоречия.

Современные представления о демократии ушли далеко от первоначальной идеи демократии как абстрактного «народоправства» и инструмента достижения общественного консенсуса. В настоящее время преобладают концепции «дискуссионной демократии» (*deliberative democracy*) и «радикальной демократии», в которых делается акцент на неустраимости конфликтов между различными общественными силами, общественном

«диссенсусе»⁸ и на необходимости постоянного поиска форм и условий общественного согласия. Парадоксальным образом демократия по мере ее развития становится все более хрупкой и невидимой, все более стимулирующей плюрализм мнений и даже недовольство существующим порядком вещей и политикой государства. В развитой демократии всегда сосуществуют различные и даже взаимоисключающие представления о природе и цели демократических институтов. Одни поборники демократии ставят во главу угла «волю народа», другие делают акцент на либеральных ценностях, третьи судят о демократии с прагматических позиций, четвертые отводят главную роль в политике элитам и т.д. С этой точки зрения демократия представляет собой не столько набор политических институтов, сколько саму готовность к диалогу, процесс поиска новых решений, стремление использовать все возможности, которые предоставляет история.

Вот типичная в своем роде трактовка демократии в эпоху постмодерна: «Демократия больше не может основываться на понятии единого и универсального агента, носителя всеобщих прав, как в классической либеральной теории. Она должна принять множественность перспектив и дифференцированные идентичности, которые создают индивидуальности»⁹.

Согласно влиятельному мнению К. Лефорта, власть в современных демократических обществах есть ничто иное как «пустое место», которое не имеет «опознавательных знаков определенности», так что в современной демократии общество стало «театром неконтролируемых событий», наличные формы общественной жизни не превращаются в застывшие, формальные институты¹⁰.

По мнению другого политического философа левого направления Ш. Муфф, общее благо недоступно актуализации, не может быть «данностью». Ему суждено остаться лишь виртуальной точкой притяжения различных общественных сил. Главная характеристика современной демократии как раз и состоит в «препятствовании окончательной фиксации общественного порядка»¹¹. А для известного французского философа постмодернистского направления Ж.-Л. Нанси демократия как суверенитет есть несубстанциальное пространство «чистой совместности» — по определению единственное, исключаящее господство и подчинение¹².

Здесь мы подходим к фундаментальной проблеме демократизации Тайваня, проблеме принципиально неразрешимой, поскольку она коренится в самой природе современной демократии. С одной стороны, демократия — условие и средство консолидации общества, она призвана воспитывать чувство общности и единства всех граждан страны. Так, Ли Дэньхуэй в своей инаугурационной речи после избрания его президентом в 1996 г. заявил: «Мы празднуем сегодня не победу какого-то кандидата или какой-то партии. Мы чествуем триумф демократии для 21 миллиона людей»¹³. Четыре года спустя новый президент Тайваня Чэнь Шуйбянь счел нужным подчеркнуть, что «мирная передача власти на Тайване — это победа всех людей и победа демократии», и поскольку Тайвань «является образцом демократии для всех китайских обществ», ему предназначено быть «защитником мира в Тихоокеанском регионе»¹⁴.

С другой стороны, единство гражданской общности в рамках «дискуссионной демократии» (а тайваньская демократия исторически относится как раз к этому типу демократического строя) принципиально выражается в плюрализме мнений и не может быть сведено к какой-либо одной национальной идее или ряду культурных символов. Такая ситуация очень характерна для Тайваня, который в силу объективных причин не имеет четко установленной национальной идентичности и в ближайшее время едва ли сможет ее обрести. Самоопределение тайваньского общества серьезно осложняет, прежде всего, неопределенность отношений между Тайванем и континентальным Китаем. По

этому вопросу на Тайване до сих пор существуют очень разные и даже взаимоисключающие точки зрения. Для Ли Дэньхуэя, как и для всего руководства Гоминьдана в то время, Тайвань представлял собой как бы «другой» и притом «свободный» Китай. Популярный лозунг Ли Дэньхуэя в те годы гласил: «Превратим Тайвань в новую Срединную равнину!». Иными словами, Тайваню отводилась роль представителя традиционного политического центра Китая как «Срединного государства». Лозунг абсурдный с географической точки зрения, но понятный и приемлемый в свете политической традиции дальневосточного региона.

Напротив, для Чэнь Шуйбяня и его соратников по ДПП тайваньская идентичность в рамках демократии может быть обретена лишь после радикального разрыва с континентальным Китаем и возрождения локальных, собственно тайваньских корней современного поколения тайваньцев. В цитированной выше речи лидер ДПП, воздав хвалу «победе всех людей» в демократическом транзите власти, тут же провозгласил, что тайваньцы должны руководствоваться «духом наших предков», который включал в себя такие душевные качества, как «отвага, изобретательность, уверенность в себе, доверие к соотечественникам и вера в родную землю». Образцовым проявлением этого «духа предков» Чэнь Шуйбянь назвал традиционные верования аборигенного племени Ами, которое считало океан, реки, землю, плодовые деревья, наряду с матерями, «подателями жизни». Такая вера, по его убеждению, учит толерантности и заботливому отношению к людям и не дает взойти семенам ненависти и розни¹⁵.

Наряду с противопоставлением «китайское — тайваньское» кристаллизация тайваньской идентичности протекает, как можно заметить из приведенных слов Чэнь Шуйбяня, сообразно еще одной оси: «локальное — глобальное». Ведь демократизация Тайваня была следствием и одновременно ответом тайваньского общества на вхождение в глобальное экономическое и культурное пространство. Неслучайно руководители Тайваня единодушно подчеркивают важную роль тайваньской демократии как фактора «мира и процветания» во всем Тихоокеанском регионе. Как заявлял Чэнь Шуйбянь после избрания его президентом, «новая ДПП — уже не просто оппозиционная партия и не просто партия, которую поддерживают уроженцы Тайваня, но новая политическая партия, которая поведет тайваньцев в XXI век и будет в авангарде движения Тайваня к мировому сообществу»¹⁶.

Приведенные точки зрения виднейших тайваньских политиков на задачи национального строительства на острове поражают, мягко говоря, своей эксцентричностью. Почему образцом для Тайваня должны служить местность, удаленная от острова на тысячи километров, или верования аустранезийского племени, составляющего ничтожную часть тайваньского населения? Очевидная пристрастность обоих мнений обнажает всю остроту проблемы тайваньского самоопределения, двусмысленность политического статуса и даже культурной принадлежности острова. В силу многих объективных факторов — исторических, политических, культурных — поляризация мнений на Тайване по этому центральному вопросу тайваньской политики не могла не принять резкие, подчас самые радикальные формы.

Для демократии такое положение вещей следовало бы считать преимуществом при условии соблюдения равноправия всех вовлеченных в спор сторон. Для ДПП, выступающей от имени угнетенных прежде слоев общества, эта ситуация, казалось бы, особенно благоприятна. Но здесь возникает необходимость проводить одно очень важное в политической практике, но редко учитываемое в политических теориях различие: одно дело декларировать всеобщее равенство, а другое — апеллировать к интересам конкретных социальных групп, составляющих электорат. Ответ Гоминьдана на этот вы-

зов в самом общем виде сформулировал тот же Ли Дэньхуэй, когда заявил, что тайваньцы имеют право на независимость просто в силу того, что представляют собой сложившуюся «жизненную общность». При всей неопределенности этой позиции она, по крайней мере, не лишена известной внутренней последовательности. Политика же ДПП как партии изначально оппозиционной строилась на иных основаниях и притом не была свободна от противоречий именно в той мере, в какой власть выражает общий интерес граждан. Для Тайваня этот вопрос стоит особенно остро вследствие этнической пестроты населения острова, которое состоит из четырех основных групп: новейшие переселенцы с материка (в основном те, кто приехал на Тайвань в 1945–1950 гг.), выходцы из провинции Фуцзянь, говорящие на диалектах южнофуцзяньской группы, так называемые хокло, представители этнической группы хакка и аборигенные племена. Официально ДПП провозглашает своей целью «развитие и процветание всех этнических групп в рамках новой нации ради консолидации демократии», причем важнейшей задачей политики партии в государстве является «воссоздание (reconstruction) тайваньской идентичности»¹⁷. Данное заявление звучит вполне демократично, хотя почти не отличается от заявлений о процветании «семьи народов» в бывшем СССР и в современной КНР.

Когда же речь заходит о мобилизации сторонников партии, содержание и тональность лозунгов ДПП существенно меняются. Исконный оппозиционный пафос партии и задача выработки «тайваньской идентичности» заставляют руководителей ДПП говорить от имени «коренных тайваньцев», представляя последних жертвами репрессивного и даже колониального по сути гоминьдановского режима. Поскольку большинство коренного тайваньского населения принадлежало к хокло, именно эта группа получила львиную долю внимания и комплиментов руководства ДПП. Значительное и даже главенствующее место в пропаганде тайваньской идентичности в годы правления ДПП отводилось также аборигенным племенам — наиболее угнетаемой группе населения, что, впрочем, не помогло ДПП укрепить свое влияние в этом сегменте тайваньского общества. В то же время влиятельные фигуры в гоминьдановском лагере подвергались, особенно во время электоральных кампаний, оскорбительным нападкам, им присваивали ярлыки «предателя родины», агента КНР и т.п. Со своей стороны противники ДПП не уставали напоминать, что в истории Тайваня хокло сами угнетали и аборигенов, и китайцев из группы хакка.

В чем же состоит тайваньская идентичность, согласно идеологам ДПП? Определение дается достаточно расплывчатое: эта идентичность, исходя из резолюции ДПП от 2004 г., будет сформирована всеми, кто объединится против внешней угрозы Тайваню, причем Тайвань, говорится далее, есть «Китайская Республика». Примечательна игра смыслов понятия идентичности в зависимости от того, с каким типом политической риторики мы имеем дело — оппозиционной или властной. Примечательны и различия в риторике власти в редакции Гоминьдана и ДПП: в одном случае речь идет о реально сложившейся в истории «жизненной общности», в другом — о некоей нормативной, примордиальной общности, которая изначально была заложена в тайваньском обществе и еще только примет законченную форму в будущем. Взаимная трансформация различных смыслов идентичности как раз и очерчивает границы политического пространства на Тайване.

Политическая борьба в современном Тайване дает немало интересных примеров столкновения и сосуществования различных трактовок тайваньской идентичности. Вот один из самых ярких: трактовка обеими партиями событий 28 февраля 1947 г., когда произошли столкновения между жителями Тайваня и частями армии Гоминьдана. Для ДПП эти события стали, как характерно для национальных движений всего мира, мо-

ментом зарождения тайваньской нации, поворотным пунктом тайваньской истории. Придя к власти, ДПП объявила 28 февраля праздничным днем, открыла специальный музей «восстания 28 февраля» и активно использовала тему восстания в антигоминьдановской пропаганде. В ответ Гоминьдан перевел память о событиях 28 февраля в регистр властной риторики, предложив объявить эту дату «днем национального примирения». В результате «тема 28 февраля» утратила свой протестный потенциал и перестала приносить ДПП политические дивиденды¹⁸.

Другим показательным примером могут служить споры вокруг мавзолея Чан Кайши в Тайбэе. Вожди ДПП требовали переименовать мавзолей в храм, что по тайваньским понятиям означает понижение его статуса. Незадолго до президентских выборов 2008 г. ДПП в отчаянной попытке привлечь к себе симпатии публики присвоила мавзолею новое название «Площадь Свободы». Вернувшись к власти, Гоминьдан благоразумно сохранил это новшество, так что теперь мавзолей Чан Кайши и находящаяся перед ним «Площадь Свободы» мирно сосуществуют.

Надо признать, что предложенная Ли Дэньхуэем формула тайваньской идентичности отлично согласуется с представлением о политике в эпоху постмодерна. Вспомним известные слова постмодернистского философа Ж Бодрийяра: «все оргии освобождения мы уже пережили и теперь ускоряемся в пустоте»¹⁹. Считать тайваньцев только «жизненной общностью» — весьма удачное решение в нынешнем неопределенном положении Тайваня, тем более если учесть, что оно снимает все препятствия для вхождения Тайваня в глобальное сообщество. Но из этого определения, конечно, никак не вытекает право тайваньцев на обладание собственным государством, как хотелось бы Ли Дэньхуэю. Его взгляд на тайваньскую нацию вообще не предполагает никакого национального или политического самообраза населения Тайваня. Таким образом, преимущества гоминьдановской позиции в описании актуального состояния тайваньского общества обуславливают одновременно и ее фундаментальную слабость именно в политическом плане.

Между тем, президентские выборы 2000 г. создали патовую ситуацию в тайваньской политике. Согласно Конституции, «Китайская Республика» является президентской или, по крайней мере, полупрезидентской республикой, где основные властные полномочия сосредоточены в руках главы государства. Однако в Законодательном юане ДПП имела лишь немногим более трети мест, тогда как большинством в нем прочно располагал альянс Гоминьдана и Народной партии. Президент не имел возможности проводить нужные ему законы, но обладал правом вето в отношении законов, принимавшихся парламентским большинством. В результате принятие решений по важнейшим вопросам государственной политики было фактически заблокировано. Тайваньцам пришлось на собственном опыте убедиться, что демократия может обернуться параличом власти. Что, впрочем, не оказало большого влияния на общественную и экономическую жизнь. Это тоже было одним из уроков демократического правления, учившего не возлагать слишком большие надежды на власть.

Если тайваньская демократия служит почти идеальной иллюстрацией для западной теории демократии как политического пространства безвластия и неопределенности, то надо признать, что современная демократия равнозначна очень болезненному кризису идентичности. Политика ДПП как раз и является попыткой преодоления этого кризиса. За пределами властной риторики ДПП, как мы уже могли видеть, склоняется к субстанциальной или, как принято говорить в научной литературе, примордиалистской концепции тайваньской идентичности. Такой подход предполагает отбор идеальных и нормативных ценностей культуры, выдаваемых, конечно, за реалистическое описание народного «характера» или «духа». В этом пункте лидеры ДПП фактически вступают на

путь, свойственный радикальным националистическим движениям. Недаром оппоненты ДПП часто обвиняют ее в фашистских тенденциях, стремлении наделить часть жителей острова привилегированным статусом и, следовательно, покончить с демократией в стране²⁰. Эта критика справедлива лишь отчасти. Риторика «истинного тайваньского духа» имеет цель мобилизовать соответствующий электорат и озвучивается, главным образом, в период предвыборной кампании.

Показательно, что идеологи ДПП, как все националисты, считают возможным сознательное конструирование национального самообраза из разнородного — или просто подручного — культурного материала²¹. Характерный образчик такого творчества — программа «культурного обновления Тайваня», выдвинутая председателем тайваньского Пен-клуба, писателем Ли Цзяо. Последний подвергает резкой критике культуру Китая, называя ее бесплодной, циничной, низменной и «пустой», воспитывающей ксенофобию, национальный эгоизм и, что подчеркивается особо, высокомерное отношение к Тайваню как к незначительной периферии китайского мира²². Тайваньцы должны создать свою собственную культуру, заявляет Ли Цзяо, восприняв лучшее от своих китайских предков — их трудолюбие, упорство, деловую сметку — но дополнить ее лучшими чертами японской культуры: крепкой дисциплиной, уважением к закону. Кроме того, новая тайваньская культура должна вобрать в себя лучшие достижения западной цивилизации и, прежде всего, уважение к науке и демократии. Одновременно островитяне должны отбросить вредные черты разных цивилизаций: равнодушные к общественному порядку у китайцев, склонность к коррупции японской правящей элиты, а также «упадочные» и «экстремистские» элементы современного западного мирозерцания, которые присутствуют в постмодерне и сопутствующих ему явлениях. Новая тайваньская культура, пишет Ли Цзяо, должна предъяснить всему миру «идеалы гуманности, любви и Земли». Ли Цзяо резко нападает на так называемый «антропоцентризм» китайского мирозерцания (распространенное в Китае и на Тайване самоопределение китайской культуры, которое состоит из слов «человек» и «основа», т.е. нечто вроде «гуманитарного фундаментализма»). Тайваньцы, утверждает он, должны культивировать сознание хрупкости жизни и смирение перед величием мироздания. Они должны иметь общую религию, которая воспитает в них чувство сострадания и приверженность к искреннему сотрудничеству. Они должны стать в конце концов национальным государством. А тайваньцами могут считаться все, даже белые люди, которые отождествляют себя с Тайванем²³. Последнее заявление, кстати, имеет под собой реальную почву. В южной части острова, например, дети от смешанных браков в настоящее время составляют около 20% учащихся начальных школ, и многие, если не подавляющее большинство жителей острова, видят в росте числа смешанных браков (в основном с женщинами из Вьетнама, Филиппин и других стран ЮВА) залог формирования особой тайваньской нации, которая окончательно отпадет от Китая.

Произвольный и утопичный характер рассуждений Ли Цзяо совершенно очевиден и проявляется прежде всего в их претензии на нормативность. Тем самым Ли Цзяо попадает в общую ловушку всех националистических идеологов: в его программе с самого начала постулируется то, что требуется доказать, — особенности национальной самобытности тайваньцев — а вся дальнейшая аргументация призвана обосновать это допущение. Простая логическая ошибка всех националистов — в утверждении, что националистическая политика существует потому, что есть нация, а нация существует потому, что есть националистическая политика. В сущности, программа ДПП, определяющая единую для всех тайваньцев нормативную идентичность, уже содержит в себе семена тоталитаризма. Но это обстоятельство вкупе с ее откровенным субъективизмом резко ог-

раничивает ее привлекательность именно в условиях демократической политической системы. В этой программе, казалось бы, целиком обращенной в будущее, как раз нет места для будущего.

Возвращаясь к идее тайваньской идентичности как простой «жизненной общности», подчеркнем, что она вполне соответствует состоянию общества потребления в условиях глобализованного капитализма. Такое общество знает только симулякры культурных традиций, круговорот модных знаков-брендов. Отсюда широко распространенное в современном мире представление о том, что культурные традиции можно «изобретать» и даже фабриковать по своему произволу. Культурные проекты, подобные мечтаниям Ли Цзяо, в сущности, представляют собой попытку вернуть постмодернистским симулякрам статус достоверных образов реальности, которые были свойственны идеологиям модерна. Задача, очевидно, невыполнимая, но соблазнительная. Есть на Тайване и фантазеры гораздо более смелые, чем Ли Цзяо. Среди 150 партий, зарегистрированных на острове, есть и такая, которая провозглашает своей целью сделать Тайвань 51-м штатом США.

Мечты о неведомом будущем и непостижимом прошлом — это, помимо прочего, еще и попытка избежать психологического неудобства, которое доставляет ощущение неопределенности жизни, лишенной четких ориентиров. Возможно, в них отображается природа самого сознания, которое стремится осознать самое себя в движении от своей внутренне очевидной, но ускользающей заданности к столь же внутренне ясной, но неопределимой правде своего существования. Но чтобы связать начала и концы, память и амнезию, нужна метаноя. «превозмогание ума», дарующее прозрение тайны народной жизни. Выборы, похоже, более других политических процедур побуждают сегодня тайваньцев к усилению коллективного самопознания. Тайваньская демократия есть, по сути дела, симптом и следствие *травмы* идентичности.

Между тем, история поисков тайваньской идентичности знает удачные находки, которые позволяют связать два столь несходных полюса тайваньского самообраза как «жизненной общности»: незапамятное прошлое и невообразимое будущее. Таков, например, предложенный тайваньским писателем У Чжолю образ Тайваня в его романе «Азиатский сирота». Написанный еще в годы Второй мировой войны, в период японского владычества на острове этот роман изначально не преследовал политических целей, но в последующие десятилетия его название оказалось очень метким определением главной политической проблемы Тайваня. Образ «сироты Азии» имеет много привлекательных черт для жителей острова. Он инстинктивно вызывает сочувствие (недаром благожелательное отношение европейцев к Китаю в XVIII в. вылилось в ходячий сюжет о «китайском сироте»). Он побуждает к преодолению чужих, наносных идентичностей, ставших неприемлемыми для тайваньцев — китайской, японской, даже западной. Он позволяет быть открытым всем культурным веяниям и обогащать свой самообраз новыми чертами и понятиями. Наконец, он обнажает наиболее глубокие матрицы сознания, ведь сирота не имеет семейного воспитания, в нем раскрываются первозданные, родовые свойства человеческой природы.

Следует отметить еще одно важное качество современной демократии, которое последняя приобретает в условиях информационной цивилизации: ее квазипубличный, в известной степени даже симуляционный характер. О ключевой роли симулякров в современном глобальном капитализме уже говорилось выше. Теперь к сказанному следует добавить, что электронные медиа, ставшие вездесущей общественной средой и в этом смысле заменившие собой прежнюю публичность (каковая есть необходимое условие демократии), предъявляют зрителю виртуальную, внутреннюю глубину образов мира,

соответствующую внутренней глубине самого сознания. Этим объясняется способность информационных технологий иметь власть над рефлексией, формирующей личность, и тем самым — над всем сознанием личности. В конечном счете компьютерный дисплей — окно в первозданный хаос бытия, которое определяет и жизненный мир личности. Этот «оцифрованный» мир, медийная «картинка» на самом деле существуют безотносительно к отдельным субъектам. В телекоммуникации зритель всегда предположительно, совершенно условен подобно тому, как всевидение электронного глаза не может не быть столь же вездесущим, сколь и фантомным. В таком, так сказать, абсолютном зрелище все может и должно быть отрицаемо, кроме самого принципа зрелищности. В нем царит стилистика иронии, пародии, фарса, буффонады. По горькому замечанию французского публициста Ги Дебора, «сейчас всюду гораздо больше безумцев, чем прежде, но гораздо удобнее то, что можно говорить *безумно*» (курсив авт.)²⁴.

В любом случае зритель меднасетей обречен видеть то, чего нет, и, следовательно, искать развлечения вместо истины, вечно откладывать удовлетворение жажды правды. Занятие, не лишенное своего удовольствия, и по-своему даже естественное, ведь человеческая психика устроена так, что сама возможность реализовать свое желание не менее, а то и более ценна для нас, чем его реализация. Как знают все аскеты, отказ от наслаждения доставляет самое чистое наслаждение. В современных медиа мгновение шемящей неопределенности постоянно продлевается и становится идеальным материалом для захватывающего шоу. Идеальным потому, что мы имеем дело с воплощением пустоты, которая в информационную эпоху становится главным товаром. Пустота виртуальной реальности — лучший прообраз капитала: инвестиций не требует, а приносит чистый доход. В медийно-игровом бунте против власти, каковым становится современная демократическая политика, средство совпадает с целью, и (не)удовлетворенность гарантируется независимо от реального результата зрелища. Последнее, надо сказать, культивирует в обществе массовый нарциссизм, провоцирующий истерию и вкус к непристойности.

Нельзя не учитывать и еще одно обстоятельство: экран виртуальной публичности способен маскировать реальные и притом неразрешимые противоречия в обществе, предъявляя их фантомные, символические решения. Отсюда и демонстративная уступчивость власти в современной демократии. Она свидетельствует о том, что суверенитет переместился в пространство электронной «картинки», символизирующей некий первичный, еще недоступный формализации консенсус.

Сказанное выше позволяет понять исключительную важность электронных медиа в формировании тайваньской демократии. Именно медийное пространство образует ту общественную «пустоту», которая делает возможной дискуссионную демократию и позволяет (как бы) реально переживать «травму идентичности». В этой перспективе президентские выборы 2000 г. обозначили важный рубеж в становлении демократии на Тайване. Отныне шансы на победу могли иметь только кандидаты, обладающие медийной харизмой. Поражение гоминьдановского лидера Лянь Чжана не в последнюю очередь объяснялось отсутствием у него харизматических качеств. Одновременно — в качестве оборотной стороны новой демократической публичности — эти выборы обозначили начало ожесточенной и с течением времени становившейся все более жесткой войны компроматов. Судебные иски и взаимные обвинения в коррупции и аморальном поведении стали обязательной частью выборных спектаклей, а после 2004 г. — и повседневной политики.

ДПП еще в бытность оппозиционной партией особенно активно использовала медийный ресурс современной демократии, главным образом, для диффамации полити-

ческих противников. Увлечение площадной риторикой, конечно, тоже имело свои пределы. Не обходилось и без конфузов²⁵. Кроме того, довольно скоро ДПП пришлось и на себе испытать силу медийно-демократической зрелищности. В 2005 г., когда вскрылись первые факты коррупции в окружении Чэнь Шуйбяня, перед президентским дворцом в Тайбэе началась бессрочная сидячая демонстрация протеста, в которой постоянно участвовало 200 и более тыс. человек. На некоторое время она стала самым популярным на Тайване реалити-шоу. Жадный интерес тайваньцев к этому зрелищу объясняется, вероятно, тем, что оно очень эффективно и притом эффектно соединяло воедино бурный протест с утверждением всеобщих нравственных ценностей, т.е., согласно принятой нами терминологии, риторику оппозиционности и риторику власти или, используя понятия из иного ряда, начало самоограничения (аскетический модус) и самоосвобождения (экстатический модус)²⁶. Это тоже новый этап в развитии демократии на острове.

Подведем основные итоги наших наблюдений. Политическая жизнь на Тайване протекает, в соответствии с самой природой политики, в двух модусах: риторики оппозиционности, подчеркивающей конфликты интересов между отдельными группами общества, и риторики власти, провозглашающей единство тайваньского общества. Однако это единство носит характер травмы, негативный по своей сути, и оно не может быть апроприровано собственно политическими средствами. Власть предстает как бы безвластной, что соответствует зрелищному характеру политики в современной демократии. В этом, строго говоря, и заключается демократическое начало тайваньской политики.

В целом тайваньская демократия представляет яркий пример характерного для современности затмения политики, «отхода политического» (Ж.-Л. Нанси), которые не заслонены ни абсолютизацией государственной власти, устанавливающей общественную иерархию, как в континентальном Китае, ни подчинением политики национальным формам жизни, как в Японии. Примеры успешного разрешения противоречий между единством и разногласиями, актуальностью и нормативностью, локальностью и глобальностью в современной общественной жизни, как в случае с темой «сироты Азии», могли иметь только культурное значение.

ДПП пришла к власти как партия, активно использующая оба указанных политических ресурса, но тенденция к субстантивизации обоих начал, присущая всякой националистической идеологии, резко сузила для партии пространство политического маневра и в конечном счете привела ее к сокрушительному поражению в 2008 г. Глубинной причиной провала ДПП стали не столько скандалы, связанные с коррупцией в высших эшелонах власти, или экономическая стагнация, сколько именно принципиальная тупиковость, нереалистичность политики ДПП, ее неспособность согласовать национальные интересы Тайваня с внешнеполитической ситуацией и интересами отдельных групп населения внутри страны. Не случайно Гоминьдан вернулся к власти как партия всеобщего согласия (вспомним предложенное этой партией переосмысление «темы 28 февраля»).

Ги Дебор назвал демократию «хрупким совершенством». Как отмечает американский социолог Д. Линч, тайваньская демократия кажется слабой и хрупкой перед лицом сильнейшего нажима «коррупционного авторитаризма» континентального Китая. «Хотя умеренное крыло ДПП, — пишет Д. Линч, — старается держать Тайвань открытым либерально-рациональной глобальной культуре, в условиях постоянного давления КПК тайваньское общество начинает давать трещины. Будущее его демократии остается в высшей степени проблематичным»²⁷. Но китайская мудрость знает и способность «мягкостью побеждать твердость». Быть может, в видимой хрупкости тайваньской демократии таится секрет ее жизнестойкости.

1. *Young L.W.L.* Cross-Talk and Culture in Sino-American Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 194. Это суждение можно интерпретировать по-разному, но остается фактом, что демократические институты и процедуры пустили в тайваньском обществе глубокие корни.
2. *Bell D.D.*, et.al. Towards Illiberal Democracy in Pacific Asia. NY: St. Martin's Press, 1995.
3. *Grugel J.* Democratization. L.: Palgrave, 2002. P. 227.
4. *Lee Deng-hui.* The Road to Democracy. Taiwan's Pursuit of Identity. Kyoto: PHP Institute, 1999. P. 70.
5. Там же. P. 81.
6. Там же. P. 91.
7. *Whitehead L.* The Democratization of Taiwan: A Comparative Perspective // Democratization in Taiwan / Ed. by S. Tsang, Hung-mao Tien. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1999. P. 171.
8. *Rancière J.* Aux bords du politique. Paris: Gallimard, 1998. P. 244. Демократия, поясняет Ж. Рансьер, существует в разрывах «аксиоматического господства» как принципа единоначалия (архе). (Ibid. P. 232).
9. *Kumar R.* From Post-Industrial to Post-Modern Society. Oxford: Blackwell, 1995. P. 132.
10. *Lefort C.* The Political Forms of Modern Society, Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 305. Взгляды К. Лефорта оказали большое влияние на теоретиков так называемой «радикальной демократии», стремящихся преодолеть ограниченность классической либеральной демократии. См.: *Mouffe Ch.* The Return of the Political. L.; N. Y.: Verso, 1993. P. 11, 147.
11. *Mouffe Ch.* The Return of the Political. L.; N. Y.: Verso, 1993. P. 114.
12. *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Минск: И. Логинов, 2004. С. 65.
13. *Lee Deng-hui.* Op. cit. P. 197.
14. *Chen Shui-bian.* A New Era of Peace and Prosperity: Selected Addresses and Messages. Taipei: Government Information Office, 2001. P. 28.
15. Ibid. P. 29.
16. *Chen Shui-bian.* The Son of Taiwan. Taipei: Taiwan Publishing, 2000. P. 127.
17. DPP. Resolution on Ethnic and National Unity. 2004. URL: <http://www.scribd.com/full/50834698>.
18. Тем не менее, ДПП продолжала упорно педалировать эту тему на волне «риторики протеста». Еще накануне разгромных для нее выборов 2008 г. президент Чэнь Шуйбянь потребовал, чтобы потомки лиц, виновных в репрессиях, выплачивали компенсации потомкам жертв репрессированных.
19. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 5.
20. См.: *Joyce C. Huang.* Taiwan at the Crossroads. An Expose of Taiwan's New Dictatorship. Taipei: Vajaho, 2005.
21. См. опыт такого построения русской нации в книге: *Лозмогоров Е.* Русский националист. М.: Европа, 2007.
22. Ли Цзяо далеко не одинок в своей оценке китайской цивилизации. Можно вспомнить нашу-мевшую книгу «Урод китаец» тайваньского публициста Бо Яна, представившего китайскую культуру и китайский уклад жизни скопищем всех мыслимых пороков.
23. *Ли Цзяо.* Тайвань вэньхуа юй синь гоцзя [Культура и новое государство Тайваня] // Майсян 21 шицзи ды тайвань миньцзу юй гоцзя луньвэньцзи / под ред. Чжун Яньсяня и Цзэн Цюмэя. Тайбэй: У саньяня цзицзиньхой, 2002. С. 348–349.
24. *Debord G.* Commentaires sur la société du spectacle. Paris: Gallimard, 1992. P. 92.
25. Например, накануне президентских выборов 2000 г. ДПП призвала тайваньскую молодежь учиться на примере четырех «образцовых личностей»: Ли Дэньхуя, Дж. Кеннеди, Фиделя Кастро и... Гитлера. На энергичные протесты иностранных представительств руководители партии поначалу ответили, что речь идет лишь о телепередаче, не имеющей политического подтекста. Присутствие Гитлера в этом списке кажется все-таки симптоматичным в свете явного националистического крена в идеологии ДПП.
26. Анализ этой оппозиции см.: *Negri A.* Time for Revolution. N. Y.; L.: Continuum, 2003. P. 47–53.
27. *Lynch D.C.* Rising China and Asian Democratization. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 206.

Путунхуа и диалекты: новые реалии китайского мира

© 2012

О. Завьялова

Автор рассматривает взаимодействие *путунхуа* и диалектов в пределах континентального Китая, а также в Гонконге, Макао, среди дунган бывшего СССР, где официальный язык никогда не продвигался и не использовался. Проведен анализ языковой политики КНР по продвижению *путунхуа* и сохранению диалектов.

Ключевые слова: распространение *путунхуа*, сохранение диалектов, дунганский язык.

Нужно ли в условиях информационного общества, набирающей темпы урбанизации и растущей мобильности населения охранять и даже спасать от полного исчезновения китайские диалекты, носители которых не понимают друг друга без предварительной подготовки? Почему с января 2001 г. в стране действует Закон об общегосударственном языке и письменности, в общих чертах обозначивший сферы употребления официального языка *путунхуа* и китайских диалектов, но отсутствуют соответствующие региональные законодательные акты? Можно ли использовать диалекты — носители столь ценимых ныне в Китае региональных культур и основу этнической самоидентификации жителей разных районов не только в ставших очень популярными радио-, кино- и телепередачах и передачах на местные темы, но также и в программах новостей?

На протяжении последнего десятилетия все эти вопросы китайские лингвисты и деятели сферы образования поднимают на конференциях, высокопоставленные чиновники затрагивают в официальных выступлениях, блогеры горячо обсуждают в сетях. Тема диалектов все чаще освещается китайскими СМИ, в том числе в материалах на иностранных языках. Стоило премьеру Вэнь Цзябао во время посещения провинции Хэнань вставить в разговор с крестьянами фразу на местном диалекте, как об этом тут же сообщило на русском языке агентство «Синьхуа»¹. В разных концах страны — как на юге, так и на севере, где диалекты достаточно близки официальному языку *путунхуа* — их изучают иностранцы, приехавшие в Китай с разными целями. Энтузиасты из числа носителей диалектов преподают их соотечественникам из других регионов. Проблемы сохранения и развития диалектов становятся неотъемлемой частью общественной жизни

крупных, прежде всего высокоразвитых восточных регионов, а подчас и причиной массового недовольства жителей.

Усилению дискуссии о судьбе китайских диалектов и их статусе способствовали два события, которые освещались как иностранными, так и китайскими средствами массовой информации. Летом 2010 г. жители Гуанчжоу, обеспокоенные слухами о намерениях властей сократить или даже упразднить диалектное вещание на местном телевидении, введенное после возвращения КНР Гонконга и Макао, вышли в центр города с лозунгами в защиту своего диалекта. В Европе он традиционно называется кантонским (Cantonese) и относится к далеко отстоящей от пекинского южной группе диалектов Юэ, которая насчитывает около 60 млн носителей и распространена на территории провинции Гуандун, в Гуанси-Чжуанском АР, а также в Гонконге, Макао и среди китайских эмигрантов за рубежом. Против упразднения диалектного вещания на кантонских телеканалах высказались 80% из 30 тыс. чел., которые приняли участие в опросе на сайте Гуанчжоуского комитета НПКС. Поддержали выступления гуанчжоусцев также жители Гонконга. В начале того же года негодование коренных шанхайцев, ратующих за сохранение своего диалекта, вызвала публикация в газете «Синьминь ваньбао». В ней утверждалось, что в деловом районе Пудун и особенно в его финансовом центре Луцзяцзуй все говорят на *путунхуа*, поскольку разговор на шанхайском диалекте «не может свидетельствовать о культуре говорящего»².

Диалекты под угрозой исчезновения

Идея распространения единого устного средства общения в стране, где общим «языком чиновников» владела лишь незначительная — образованная и наиболее мобильная — часть населения, возникла вовсе не с провозглашением КНР в 1949 г. и даже не после победы Синьхайской революции в 1911 г.

Известно, что еще в 1728 г. император династии Цин Шицзун, правивший под девизом Юнчжэн, впервые в истории Китая приказал учредить в провинции Фуцзянь Академии правильного произношения для местных чиновников. Позже, в Китайской Республике, распространение предшественника *путунхуа* — официального «государственного языка» *гоюй* было предпринято в рамках движения, параллельного движению за переход с письменного языка *ваньяня* на письменный язык *байхуа*³. И, наконец, мощная кампания по распространению *путунхуа* с целью поглощения им диалектов в отдаленном будущем была инициирована в КНР в середине 1950-х гг. Эта же кампания — но при ином отношении к диалектам — активно осуществляется государством с началом периода «реформ и открытости», охватывая Китай, и впервые — другие страны мира. *Путунхуа* изучают как иностранцы в качестве важнейшей составляющей «мягкой силы», широко используемой КНР за рубежом, так и китайские эмигранты разных периодов — в том числе традиционные группы, обычно говорящие на южных диалектах либо вообще утратившие знание китайского при переходе на местные языки. Общее число этнических китайцев за рубежом оценивается в 35 млн чел.⁴.

Успехам современной кампании по распространению *путунхуа* объективно способствуют не только целенаправленные усилия государства, но также многочисленные «звучащие» СМИ, а также Интернет. Свою роль играет использование ориентированного на пекинское произношение алфавита *ханьюй пиньинь* при наборе иероглифов на компьютерах, мобильных телефонах и других электронных устройствах. По данным опроса, проведенного в 2004 г., *путунхуа* уже тогда владели 53% жителей страны, хотя эта цифра значительно варьируется в зависимости от региона, возраста, уровня образования. Для городского населения она возрастает до 66%, в развитых восточных районах, выучивших *путунхуа* больше, чем на западе страны. Максимальное число (70%) владеющих официальным языком зафиксировано среди молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. Следует,

правда, учесть, что среди тех, кто считается овладевшими *путунхуа*, лишь чуть более 20% говорят правильно и без акцента, около 36% изъясняются свободно, но с не очень хорошим произношением. Около 15% китайцев по-прежнему говорят на *путунхуа* с сильным акцентом, 29% владеют им лишь на начальном уровне⁵. Повсеместно можно услышать, как люди даже в крупных городах употребляют местные разновидности *путунхуа*. Когда-то их называли «синим языком чиновников» (*ланыцин гуаньхуа*), а сейчас именуют *пиджин-путунхуа* (*янцизинбан путунхуа*), или пиджинизированным китайским языком (*янцизинбан ханьюй*), используя термин *янцизинбанхуа*, некогда возникший в Шанхае для английско-шанхайского пиджина⁶.

Китайскими диалектами, по данным на 2012 г., продолжают пользоваться 80% населения страны, но ситуация стремительно меняется в самых разных регионах, прежде всего (но не только) в динамично развивающихся восточных. Так, в Шанхае уже к 2006 г. *путунхуа* владели 70% жителей разного возраста и уровня образования, он стал базовым языком партийных и правительственных учреждений, школ, общественных мест. В то же время употребление шанхайского диалекта, который относится к группе У, насчитывающей по последним данным до 80 млн носителей, и является *lingua franca* для соответствующего региона, ограничено только неофициальными ситуациями. В 1992 г. местные органы образования запретили разговаривать на шанхайском диалекте школьникам. Учителей штрафовали, если обнаруживалось, что их ученики говорили не на *путунхуа*, причем не только в стенах школы. В результате, опросы последних лет показали, что лишь в 45% семей коренных шанхайцев родной диалект является основным средством общения дома, *путунхуа* в сочетании с шанхайским диалектом употребляют 40% семей, 15% полностью перешли на *путунхуа* в той или иной форме. Под давлением защитников шанхайского диалекта власти в 2011 г. впервые разрешили его употребление детьми за пределами школы, но только в одной из шанхайских школ введено преподавание родного диалекта по учебнику, специально написанному известным лингвистом Цянь Найжуном. Тем не менее, считают *путунхуа* предпочтительным средством общения 70% студентов и 37% учеников начальной школы⁷. Заметно меняются под воздействием *путунхуа* также диалекты группы У в целом, и если процесс будет продолжаться, они окажутся, как считают китайские эксперты, первыми в списке крупных диалектных групп, находящихся под угрозой исчезновения⁸.

Параллельно с взаимодействием *путунхуа* и диалектов идет также взаимодействие между территориальными разновидностями китайского языка разного уровня. Малочисленные китайские диалекты — как, впрочем, малочисленные языки и диалекты во всем мире⁹ — либо исчезают, либо меняются в результате контактов с более распространенными или более престижными разновидностями языка. В Шанхае городской диалект поглощает диалекты пригородов. Уникальный диалект города Ханчжоу, куда в период династии Южная Сун (1127–1279) была перенесена столица из Бяньцизна (современного Кайфэна), сейчас быстро меняется под влиянием численно доминирующих прочих диалектов группы У и теряет свои некогда привнесенные с севера элементы¹⁰.

Влияние *путунхуа* ощущается не только в пределах континентального Китая, но также в Гонконге и в меньшей степени в Макао, где до присоединения этих районов к КНР устный официальный язык никогда не распространялся и не использовался. В соответствии с политикой «одна страна — две системы» действие Закона КНР об общегосударственном языке и письменности на Гонконг не распространяется, с 1 июля 1997 г. там действует Основной закон Специального административного района Сянган (САР Сянган). Согласно этому документу (Гл. 1, ст. 9), официальными письменными языками в Гонконге являются китайский и английский. В качестве устного языка в Гонконге традиционно доминирует кантонский диалект. Им по-прежнему владеют и пользуются в разных ситуациях, причем не только бытовых, но также официальных, 96% жителей. Более того, кантонский диалект учат многие приезжие из континентального Китая (их число

выросло с 12,2 млн в 2004 г. до 28,1 млн чел. в 2011 г.), он же постепенно поглощает менее многочисленный местный диалект *хакка*. Гонконгский вариант *путунхуа* часто обнаруживает (и, возможно, будет обнаруживать в будущем, ср. региональные варианты английского в разных странах мира) явное влияние кантонской лексики и грамматики. В нем используются местные либо исчезнувшие из употребления архаичные слова, различные собственные варианты заимствований из английского языка. Встречаются в местном варианте *путунхуа* также кантонские грамматические явления — например, особый порядок слов в предложении. Тем не менее, к 2012 г. *путунхуа* впервые стал в Гонконге вторым устным языком по числу говорящих, обогнав английский, ранее занимавший это место. По данным на 2012 г., уже 48% жителей Гонконга владеют *путунхуа*, в то время как на английском могут говорить только 46% населения. На *путунхуа*, вызвав недовольство многих гонконгцев, произнес в июле 2012 г. свою инаугурационную речь новый глава администрации Гонконга Лян Чжэньин¹¹.

В зоне распространения *путунхуа* впервые оказалась еще одна группа за пределами континентального Китая. Дунгане, иначе говоря, потомки китаезызычных мусульман *хуйцзу*, переселились во второй половине XIX в. на территорию Российской империи. Под именем «дунгане» они были известны окружающим народам в Синьцзяне¹². История поставила над дунганями и их языком любопытный эксперимент — более 130 лет несколько поколений выходцев из Китая жили в окружении людей других национальностей, в другой языковой и культурной среде. Они полностью утратили знание иероглифов и связь с письменным китайским языком, получили официальную алфавитную письменность — сначала латинскую, затем кириллическую. С одной стороны, в дунганском языке появилось много заимствований из русского языка, с другой, они сохранили свои китайские диалекты практически в том варианте, на котором говорили их предки в Китае — в частности, с архаичными словами, которые некогда употреблялись в средневековом письменном языке *байхуа*, но исчезли в *путунхуа*. В 1924 г. в ходе национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии, китайские диалекты дунган получили официальный статус отдельного дунганского языка. На нем были выпущены десятки художественных и фольклорных произведений, изданы словари, до сих пор выпускаются газеты и журналы, ведется радио- и телевидение. Ситуация с дунганским языком стала быстро меняться в постсоветский период. Сужается область его применения, дети не хотят говорить по-дунгански, не переиздаются школьные учебники, не хватает преподавателей дунганского языка. Молодые дунгане активно учат *путунхуа* — либо в открывшихся в странах Средней Азии и Казахстане Институтах Конфуция, либо сотнями обучаясь в ВУЗах Китая. Слова из *путунхуа* уже вытесняют русские заимствования в переизданиях дунганских словарей и в дунганских публикациях. Дунганские общественные деятели подумывают не только о возвращении к латинизированному варианту письма, но более того — о возвращении к иероглифике. Первая работа с «иероглифированными» дунганскими текстами была опубликована в 1959 г. профессором Ду Суншоу, участником движения за латинизацию китайской письменности и одним из разработчиков современного официального алфавита *ханькой пиньинь*. Среди последних публикаций — дунганские фольклорные тексты, которые были некогда собраны академиком Б.Л. Рифтиным и недавно записаны иероглифами исследовательницей дунганского языка, профессором Хай Фэн из Синьцзянского университета¹³.

Описание и сохранение диалектов как часть государственной политики

О необходимости охраны китайских диалектов в новых условиях на протяжении последних лет неоднократно писали и продолжают писать китайские лингвисты¹⁴. Изменение языкового ландшафта Китая и китаезычного мира в целом неизбежно, и власти

впервые решили поддерживать языковые составляющие локальных культур, выделять особые лингвокультурные заповедные пространства и распространять соответствующие знания. Сохранение диалектов является частью местного законодательства и местных программ по охране нематериального культурного наследия¹⁵. Приветствуется создание региональных музеев, посвященных языку, в провинции Цзянси уже создан музей этнической группы хакка. Официально поощряется — также впервые в истории последнего столетия — диглоссия, включая одновременное владение диалектами и *путунхуа*, хотя в реальности, как об этом пишет знаток диалектов группы У, профессор Ши Жуцзе, диглоссия, как правило, означает сочетание ломаного *путунхуа* и ломаного диалекта¹⁶. *Путунхуа* и региональные диалекты никогда не противопоставлялись друг другу», — подчеркивал Ли Юймин, заместитель руководителя Комитета по работе в области языка и письменности, директор Департамента языковой информации Министерства образования КНР, успокаивая обеспокоенных судьбой своего диалекта жителей Гуанчжоу¹⁷.

Особое значение в условиях новой языковой политики приобретают китайская диалектология, призванная, прежде всего, собрать и сохранить для потомков информацию о диалектах разного уровня — как распространенных, с десятками миллионами носителей, так и редких, малочисленных.

Изучение китайских диалектов было начато в середине XIX в. западными миссионерами, переведившими на диалекты христианские тексты. В 1920-х гг. китайские ученые — собиратели фольклора стали записывать народные песни и именно тогда осознали, что диалекты являются носителями нематериальных локальных культур, столь ценных и поддерживаемых в современном Китае¹⁸. В 1924 г. было основано «Общество изучения диалектов». В 1920-х — 1930-х гг. китайские лингвисты провели серию крупномасштабных полевых обследований в разных районах страны с использованием методов как западной диалектологии, так и традиционной китайской лингвистики. Материалы этого периода, включавшие диалектные карты провинций, публиковались на протяжении нескольких десятилетий, в том числе после 1949 г. на Тайване, и до сих пор представляют собой огромную научную ценность. Следующим этапом стало общекитайское обследование, которое было предпринято по решению Госсовета КНР от 1956 г. в связи с необходимостью распространения *путунхуа* в диалектных районах, но прервано с началом «культурной революции». Обследование проводилось на уровне уездных центров силами местных лингвистов и работников учебных заведений, перед которыми ставилась задача выявить основные отличия, главным образом фонетические, соответствующих диалектов от *путунхуа* и составить пособия для его изучения местными жителями. Публикация материалов, собранных в конце 1950-х — начале 1960-х гг., была продолжена с началом периода «реформ и открытости».

Основная задача, которая ставится перед современной китайской диалектологией — сбор всеобъемлющей информации о существующих территориальных разновидностях китайского языка самого разного уровня. В 1979 г., после перерыва, связанного с «культурной революцией», возобновление диалектных исследований было отмечено основанием первого в истории китайского языкознания ежеквартального журнала «Фаньянь» («Диалекты»). В 1981 г. создано «Общество изучения диалектов китайского языка» (с 1991 г. — «Национальное общество изучения диалектов китайского языка»), которое с момента своего основания регулярно проводит научные конференции общего и тематического характера. Ежегодно публикуются десятки диалектологических работ — монографии, сборники, статьи в центральных и местных журналах.

В обследованиях диалектов в разных концах страны принимают участие десятки лингвистов. При составлении диалектных карт используются новейшие компьютерные программы и спутниковые карты. Среди диалектологических изданий последних лет — трехтомный «Атлас диалектов китайского языка» под общей редакцией профессора Цао Чжиюня. Он включает 511 карт, на каждой из которых отражены данные по диалектам

930 пунктов, охватывающих все «четыре региона по обе стороны пролива»¹⁹. И, наконец, ведется работа по созданию беспрецедентной звуковой базы данных китайских диалектов и даже местных форм *путунхуа*. Создание базы началось в 2008 г. в провинции Цзянсу. С 2010 г. по 2020 г. китайские лингвисты намерены сделать записи диалектов в 10 000 пунктов по всему Китаю с использованием новейшей звуко- и видеоаппаратуры. Подготовлены справочные пособия для тех, кто проводит обследования и обрабатывает собранные материалы. Специально отобранные информанты, в совершенстве владеющие родными диалектами, будут рассказывать о местных обычаях, культуре, истории. Поиск таких информантов при этом иногда вызывает значительные затруднения как на юге, так и на севере страны, где распространены близкие *путунхуа* диалекты группы *гуаньхуа* (мандаринские), но большая часть молодых людей уже утратила способность говорить на родных диалектах в их чистом виде²⁰.

Объектом исследования впервые стали диалекты не только внутри континентального Китая, но и за его пределами. С началом нового тысячелетия, в частности, возник огромный интерес к дунганам и их языку, в основе которого, возможно, лежит также общий интерес к языковым и не только языковым процессам в постсоветской Центральной Азии. Еще одна вероятная причина — внимание, которое в эпоху «реформ и открытости» уделяется всем соотечественникам, контактам китайского языка с другими языками. Так или иначе, на протяжении последнего десятилетия в Китае опубликована целая серия работ разного объема и уровня о дунганах и их языке. По сути дела, дунганский язык должен был бы найти свое место в материалах новой звуковой базы, о которой шла речь выше.

Языки или диалекты: традиционные и новые подходы в китаеязычном мире

Неизменной при новых подходах к диалектам остается сложная неоднозначная терминология, которая используется применительно к территориальным единицам внутри китаеязычного пространства в официальных документах и лингвистических статьях континентального Китая. Известно, что в западной традиции различие между диалектами одного и того же языка и отдельными языками определяется по-разному в каждом конкретном случае, причем с использованием как лингвистических, так и иных — в частности, политических критериев. С одной стороны, взаимопонимание между китайцами (ханьцами) — представителями разных диалектных групп невозможно. Чисто лингвистически, таким образом, отдельные группы китайских диалектов должны были бы считаться разными языками, сопоставимыми с отдельными языками внутри индоевропейской семьи. С другой стороны, китайские языки с древности объединены общей государственностью, иероглифической письменностью и письменным языком. С учетом этого, а также современной политической ситуации группы китайских диалектов считаются в КНР принадлежащими к единому языку, который именуется «ханьским языком» (*ханьюй*) единой (ханьской) нации (*хань миньцзу*)²¹. В российской синологической традиции современному термину *ханьюй* издавна соответствует термин «китайский язык», который до сих пор используется также для обозначения понятия *путунхуа* (ср., однако, Chinese и Mandarin (Standard Mandarin) в английском языке).

В значении западного термина «диалекты» китайские лингвисты употребляют состоящее из двух корней сложное слово *фаньянь* (*dialect, dialects* при переводе китайских работ на английский язык; *ханьюй фаньянь* «диалекты китайского, или ханьского, языка»). Древнее словосочетание *фан янь* («местные слова»), к которому восходит этот современный термин, употреблялось в эпоху Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) и, в частности, было использовано в качестве заголовка в словаре знаменитого филолога и мыслителя ханьской эпохи Ян Сюна (53 г. до н.э. — 18 г. н.э.). О «местных словах» *фан янь* и

«местном произношении» (*фан инь, ту цян* или *ту инь*) в противопоставление «правильному произношению» *чжэн инь* китайские просветители активно заговорили в последние десятилетия XIX в., когда в обществе возникли идеи реформы письменности и создания официального алфавитного письма²². Современный термин *фанъянь* употребляется в китайских лингвистических работах с 1920-х гг. Параллельно в научных и официальных публикациях континентального Китая до сих пор сохраняются названия традиционного типа. Для сравнения: *юй* — «группа диалектов У» («язык [региона древнего царства] У»), *юэюй* «группа диалектов Юэ» («язык [региона древнего царства] Юэ»), *кэцзяо* — «группа диалектов хакка» (буквально «говор [этнической группы] кэцзя»).

В Гонконге, который до недавнего времени оставался вне проводившихся в КНР языковых кампаний, в современных официальных публикациях можно встретить термины *чжэнго фанъянь* «китайские диалекты», «диалекты Китая». С недавнего времени здесь принято говорить о двух письменных (английском и китайском) и трех устных (английском языке, кантонском диалекте и *путунхуа*) языках (*лян вэнь сань юй*), употребляющихся в Гонконге. В бывшей португальской колонии Макао аналогичная гонконгской формула звучит как *сань вэнь сы юй*. В качестве третьего письменного и четвертого устного языка здесь добавлен португальский, который был до возвращения КНР единственным официальным языком в этой бывшей португальской колонии.

Ряд важных изменений претерпела за последние годы лингвистическая терминология на Тайване. После 1949 г. сюда переместились с континента многие представители интеллектуальной элиты, были продолжены языковые реформы, которые проводились в Китайской Республике. Тайвань достиг беспрецедентных успехов в распространении аналога *путунхуа* — «государственного языка» (*гоюй*), пусть даже в особом местном варианте. Тем не менее, позиции диалектов на Тайване всегда оставались сильными и значительно укрепились после отмены военного положения в 1987 г. Как следствие либерализации языковой политики в официальных публикациях начали говорить не о диалектах, а о трех местных «ханьских языках» (*хань юй, Han languages*) — «государственном языке» *гоюй* и двух основных диалектах — южнофуцзяньском (он же «тайваньский язык» *тайюй*) и *хакка*. В 2010 г. на Тайване произошли значимые официальные изменения в принятой здесь терминологии. С одной стороны, в школьных материалах термин *кэцзяо* («говор хакка») был заменен термином *кэцзяюй* («язык хакка»). С другой стороны, в этих же материалах — очевидно, в рамках культурного сближения с континентальным Китаем и китаезычным миром в целом — вместо термина *гоюй* появился термин *хуаюй* (Хуася — одно из названий Китая). Этот термин официально принят для аналога *путунхуа* в Сингапуре, и что существенно, употребляется в этом же значении китайскими эмигрантами разного происхождения и в континентальном Китае, когда речь идет о распространении *путунхуа* среди китайских эмигрантов²³.

* * *

Распространение *путунхуа* в Китае и китаезычном мире, таким образом, остается важнейшей составляющей языковой политики в КНР и «мягкой силы» за ее пределами. Тем не менее, эта политика не могла не претерпеть в последние пять-десять лет заметных изменений с учетом «мирного возвышения» Китая и ослабления некогда мощных центробежных сил, грозивших распадом страны. В соответствии с новой официальной точкой зрения распространение *путунхуа* ставит своей целью только устранение коммуникативных барьеров между жителями разных районов и никоим образом не подразумевает дискриминации диалектов или тем более запрета на их употребление. Усилия государства направлены как на поддержание языкового единства страны, так и на параллельное сохранение культурного и языкового разнообразия огромного китайского странства. Взаимодействие *путунхуа* и диалектов неизбежно продолжится. Его размах и скорость будут определяться политикой государства в условиях информационного обще-

ства и культурной глобализации, экономическими успехами Китая и демографическими процессами внутри страны. Не вызывает сомнений при этом, что китайский язык в его разных формах сохранит свою роль носителя и символа китайской цивилизации в Китае и мире.

1. Китайский премьер совершил рабочую поездку в аграрную провинцию Хэнань, где ознакомился с ходом борьбы с засухой. URL: http://russian.news.cn/china/2011-01/23/c_13703735.htm.
2. Гуанчжоу сяньци дьяншингай путунхуа хэ Юэюй бобао шичан чжи чжэн [В Гуанчжоу разворачивается борьба вокруг продолжительности телевещания на путунхуа и кантонском диалекте]. URL: http://news.xinhuanet.com/society/2010-07/09/c_13391352.htm; Гуанчжоу 2000 жэнь шанцзе цзыхуэй «чжэн Юэюй» [В Гуанчжоу 2000 человек выходят на улицу, чтобы поддержать кантонский диалект]. URL: <http://www.zaobao.com.sg/wencui/2010/07/hongkong1007261.shtml> (дата публикации: 26.07.2010); Cantonese to continue at Guangzhou TV station. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2010-07/21/c_13407383.htm. Численность диалектов группы Юэ приведена по данным статьи: Сюан Чжэньхуэй, Чжэан Чжэньсин, Хуан Син. Чжунго дэ юйянь (Языки Китая) // Фаньянь, 2008. № 3. С. 193–203. О событиях и дискуссии 2010 г. в Гуанчжоу и Шанхае см. также: Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао: 2011 [Доклад о языковой ситуации в Китае: 2011 г.]. Пекин, 2011. С. 6, 122–123.
3. Впрочем, как в своей средневековой, так и в новой форме байцза включал элементы диалектов. См.: Ши Жүцзе. У фаньянь шой цзоцзя дэ путунхуа хэ фаньянь [Путунхуа в произведениях писателей, уроженцев ареала диалектов У] // Юйянь вэньцзы иньюн. 1995. № 3. С. 65–70; Ван Юнбин. Гудянь сицзюй чжун дэ фаньянь коулюй цыхуэй [Разговорная диалектная лексика в традиционной драме] // Фаньянь, 1998, № 1, С. 75–80.
4. Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао: 2008 [Доклад о языковой ситуации в Китае: 2008 г.]. Пекин, 2009. Т. 1. С. 367–399.
5. Тун Лэцзоань. Чжунго юйянь вэньцзы шиюн шинкуан дяоча цзыляо [Употребление языка и письменности в Китае: материалы обследования]. Пекин, 2006; Greater numbers speak putonghua. URL: <http://english.sohu.com/20041227/n223655855.shtml>.
6. Ши Жүцзе. Цянь лунь фаньянь хэ путунхуа дэ гуаньси (Замечания о связях между путунхуа и диалектами) // Ханьюй юй ханьюй цзяосюэ яньцзю [Обирин дайгаку кбси гакуни]. Учредительный номер. 07.2010. С. 100–109.
7. Major Chinese dialect to be saved in database. — http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2011-11/05/c_131230882; Chen Xiaoru. Fighting for their language. URL: <http://www.globaltimes.cn/DesktopModules/DnnForge%20-%20NewsArticles/Print.aspx?tabid=99&tabmoduleid=94&articleid=732895&moduleid=405&PortallD=0>; Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао: 2006 [Доклад о языковой ситуации в Китае: 2006 г.]. Пекин, 2007. Т. 1. С. 007, 198–210. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2011-11/05/c_131230882.htm; <http://www.globaltimes.cn/DesktopModules/DnnForge%20-%20NewsArticles/Print.aspx?tabid=99&tabmoduleid=94&articleid=732895&moduleid=405&PortallD=0>.
8. См., например, о процессах в относящемся к группе У важнейшем диалекте Сучжоу: Ши Жүцзе. Хуашо сучжоухуа [Поговорим о сучжоуском говоре] // Гусу ваньбао, 29.10.2005.
9. Подробно о проблеме языков мира, находящихся под угрозой исчезновения, см. материалы ЮНЕСКО: Endangered languages. URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/>.
10. Ю Жүцзе. Шанхай цзяоцой юйинь цзинь 30 нянь лай дэ бяньхуа [Изменения в фонетике диалектов пригородов Шанхая за последние 30 лет] // Фаньянь, 2010. № 3. С. 194–200; Сюй Юэ. Синьлай Ханчжоу фаньянь дуй чжоубянь уйюй юйинь дэ шишоу [Поглощение ханчжоуским диалектом современного типа фонетических элементов из окружающих диалектов группы У] // Фаньянь, 2010. № 2. С. 165–170.
11. Чжэю Байшэи и Лю Чжэньфа. Сянган кэцзяхуа сян юэюй чжуань дэ иньсу хэ цюйши // Составляющие и тенденции перехода носителей диалекта хакка в Гонконге на кантонский диалект

- // Фанъянь. 1998. № 3. С. 225–232; *Цзэн Цзыфань*. «Ганши путунхуа» поуси [Анализ «гонконгского путунхуа»] // Фанъянь. 2000. № 3. С. 278–283; Путунхуа цзай Сянган чаого нинъюй [В Гонконге путунхуа обогнал английский язык]. URL: http://www.china-language.gov.cn/136/2012_2_28/1_136_5072_0_1330416658671.html; Interview: Chief liaison officer optimistic about Hong Kong's future. URL: http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2012-06/28/c_131682258.htm; Crowds protest in Hong Kong as Hu anoints leader. — <http://in.reuters.com/article/2012/07/02/hongkong-china-idINDEE86102Y20120702>.
12. Завьялова О.И. Китайские мусульмане *хуэйцзу*: язык и письменные традиции // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 153–160.
 13. Дунгань юй пиньинь вэньцзы цзыляо [Материалы по алфавитной письменности дунганского языка] // Пиньинь вэньцзы яньцэо цанькао цзыляо цзикань [Справочные материалы по исследованиям в области алфавитной письменности]. Т. 1 / Сост. Ду Суншюу. Пекин. 1959; Дунгань миньцзянь гуши чуаньшо цзи [Сборник народных дунганских сказок и преданий] / Сост., вступ. ст. и послесл. Б.Л. Рифтина. Запись иероглифами Хай Фэн. Пер. с рус. яз. предисл. и послесл. Лянь Шушэн. Шанхай, 2011.
 14. См. Ван Пин. Чжэнцзюэ чули фанъянь юй путунхуа гуаньси чу'и [Предложения по адекватному решению проблемы соотношения диалектов и путунхуа] // Чжунго фанъянь сюэбао. Пекин, 2006. № 1. С. 214–221; Ши Жүцзе. Цянь лунь фанъянь хэ путунхуа дэ гуаньси. С. 100–109.
 15. Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао: 2009 [Доклад о языковой ситуации в Китае: 2009 г.]. Пекин, 2010. Т. 1. С. 004–005; Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао: 2010 [Доклад о языковой ситуации в Китае: 2010 г.]. Пекин, 2011. Т. 1. С. 8.
 16. Ши Жүцзе. Цянь лунь фанъянь хэ путунхуа дэ гуаньси. С. 100–109.
 17. Минобразования КНР: общегосударственный китайский язык *путунхуа* не противоречит диалектам. URL: http://russian.news.cn/culture/2011-05/13/c_13873820.htm. (13.05.2011)
 18. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. М., 2007. С. 229–231.
 19. Ханьюй фанъянь дигуци [Атлас китайских диалектов] / Ред. Цао Чжиюнь. Пекин, 2008. Т. 1–3.
 20. Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао: 2011 Т. 1. С. 4; China to set up huge vocal database for dialects, minority languages. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2010-03/09/c_13204025.htm; Mei Jia, Han Bingbin, Zhang Xiaomin. Save our cultural code. URL: <http://www.chinadailyapac.com/article/save-our-cultural-code>. (17.09.2012).
 21. Об этой проблеме см., например, Baxter, William H. A Handbook of Old Chinese Phonology. Berlin/ New York, 1992. P. 7–9; Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. С. 87–89; Kirpaska M. Chinese language(s): a look through the prism of The Great Dictionary of Modern Chinese Dialects. Berlin; New York, 2010. С. 1–2.
 22. Ли Юймин. Цинмо вэньцзы гайгэ цзя дэ фанъяньгуань [Представления о диалектах реформаторов письменности конца эпохи Цин] // Фанъянь. 2002, № 7. С. 193–200.
 23. Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао: 2011. С. 324–326.

Научная жизнь

XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения в Париже

5–8 сентября 2012 г. в Париже прошла XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК). Это уже третий в истории ЕАК научный форум в столице Франции (в 1976 г. там состоялась первая конференция ассоциации). Организаторами выступили Университет Дидро (Университет Париж 7), Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO) и Университетская библиотека языков и цивилизаций (BULAC). Число участников приближалось к 400, около 25% из них представляли Азию и США. Это дало организаторам основания заявить о том, что конференция начинает обретать глобальный характер.

На конференции работали 12 тематических секций, состоялось около 100 секционных и пленарных заседаний, в некоторые дни их число доходило до 30. Они были посвящены проблемам политики и международных отношений Китая, современной китайской экономики, права, социологии и антропологии, СМИ и интернета, религии и философии, китайской литературы, преподавания китайского языка, исследований переводов, археологии, древнекитайской истории, истории республиканского Китая, истории 1940-х — 1950-х гг., лингвистики, искусства, классического театра, кино, гендерных исследований, образования.

Форум прошел под девизом «Деконструкция Китая: новый опыт, новые перспективы», соединившим синологию с национальной интеллектуальной традицией — автором теории деконструкции был выдающийся французский философ XX в. Жак Деррида. Хотя некоторые участники конференции упоминали в своих докладах о попытках «деконструировать» изучаемый материал, сами организаторы конференции отмечали, что речь идет скорее о метафоре, чем об исследовательской программе. Изначально адресованная разделенной на противоположности западной философии «деконструкция» стала синонимом критики и разрушения традиции, однако подавляющее большинство участников конференции не собирались делать с китайской культурой ничего подобного.

Главным организатором конференции был сравнительно молодой Университет Дидро (основан в 1970 г.). На открытии конференции к собравшимся обратились проректор университета по международным связям **Фредерик Оги**, глава оргкомитета конференции профессор **Жиль Гийо** (Университет Дидро), президент Национального Института восточных языков и цивилизаций **Жак Легран**, руководитель Центра изучения Китая этого института **Кристин Ламар**, куратор китайской коллекции Университетской библиотеки языков и цивилизаций **Солин Сушэ**.

Основной научный доклад на церемонии открытия сделал патриарх французской синологии Леон Вандермерш (род. в 1928 г.). Его размышления о коррелятивном мышлении в китайской мысли были посвящены синологам Марселю Гранэ, Энгюсу Грэмму и Джозефу Нидэму — все они внесли заметный вклад в изучение уникальных особенностей китайского мышления. Вандермерш представил свою точку зрения, указав, что китайские гадательные практики не были протонаукой, выведенной из коррелятивного мышления. Напротив, это примитивное гадание трансформировалось в протонауку, которая стала катализатором для возникновения в Китае коррелятивного мышления вместо каузативного, как на Западе. Хотя к гаданию по трещинам на костях и панцирях в древности обращались многие народы, лишь в протокитайских культурах произошла рационализация этой практики и превращение примитивной магии в протонауку. Стандартизация гадательных узоров вела к четкому определению конфигураций (направление горизонтальной черты рядом с вертикальной линией), развивались мышление по аналогии и спекулятивное осмысление космологических причин.

Докладчик подчеркнул, что из гадательных схем выросли китайский письменный язык и гексаграммы, позднее эта история была стерта из памяти мифами об изобретателях письменности — Фу Си и Вэнь-ване. Но не было забыто, что иероглифы придумали для службы власти, а тогда самой главной службой было гадание. В древней форме написания иероглифы *shu* — «история» и «дело» — были взаимозаменяемы, они изображали руку, которая держит кисть. Однако эта кисть была предназначена не для письма, а для акцентировки гадательных трещин. Предсказатели наблюдали формы трещин и регистрировали их, что привело к созданию иероглифической письменности; при этом выявление соответствия наблюдаемого материала прогнозируемым феноменам осуществлялось на базе морфо-логики коррелятивного мышления. Развитие этого типа мышления привело к тому, что в Китае царицей наук была не физика, как на Западе, а медицина, в которой симптомы коррелируют с болезнью. В заключение Вандермерш заметил, что повышению внимания к коррелятивному мышлению будет способствовать отмеченное Нидэмом движение «к очищению механической ньютоновской вселенной через лучшее понимание природной организации».

Присутствие на конференции большого числа молодых ученых, аспирантов и студентов продемонстрировало заметное омоложение членов ЕАК. Свидетельством преемственности поколений синологов стал заключительный отборочный тур конкурса молодых ученых, состоявшийся во второй части пленарного заседания. Жюри присудило победу Роз Холмс (Университет Оксфорда) — ее доклад «Колонны из жира» был ошеломляющим и по выбору темы и по содержанию презентации, которую собравшиеся увидели на экране. Рассмотрев различные образцы выполненных из жира, металла и структурированных материалов произведений (их было бы точнее назвать конструкциями) современных китайских скульпторов и сравнив их с традиционными резными китайскими колоннами, Холмс резюмировала, что подобные современные образцы создаются для того, чтобы подчеркнуть материальность современной цивилизации и китайской культуры.

Затем начались секционные заседания. Французы, преуспевшие в социологии, уделили большое внимание этой дисциплине. Наибольший интерес вызвало заседание социологической подсекции «Потребление и социальная стратификация». Ее руководитель Жиль Гийо выделил в качестве лейтмотива ее проведения изучение потребительской составляющей китайского социума периода модернизации и потребление как выражение самоидентификации современных китайцев. Томас Бугоннэ (аспирант Университета имени Жана Мулена, Лион) в выступлении «Белизна как предмет потребления: реклама социальных различий в контексте Китая» отметил, что белая кожа традиционно означала в Китае более высокий социальный статус. Характеризуя модернизацию как фор-

мирование новых глобальных жизненных стандартов, он пришел к заключению, что в настоящее время «белокожесть» стала символом западного образа жизни в китайском обществе потребления. Это успешно используется рекламной индустрией, дублирующей стандарты глобализации для пропаганды нового идеала образа жизни западного среднего класса.

Основой для доклада Натали Клод-Солье из Университета Экс-Марсель — «Шанхайские *сяоцзы* (мелкая буржуазия) и их тела» — стали опросники, размещенные в Интернете. Сравнивая времена Мао, когда происходила стандартизация тел в эгалитарном обществе, и современный период, когда молодые городские жители проявляют всевозможную заботу о своих телах, она пришла к выводу, что *сяоцзы* в процессе поиска личного счастья руководствуются не только методиками фитнеса, но и даосскими концепциями гармоничного взаимоотношения индивида со своим телом.

Работу подсекции завершил обстоятельный доклад Жюль Гийо «Потребление и социальная интеграция». Базируясь на широком круге литературы китайских и французских социологов, он рассмотрел потребление как инструмент социальной интеграции и формирования среднего класса в КНР, придя к выводу, что оно ведет не только к интеграции, но и к социальной сегрегации.

Жан-Батист Петье (Высшая школа социальных наук, Париж) в докладе «Поиски идеалов — недоверие, споры и стратегия выбора партнера в современном Китае» обратился к проблемам морали в китайском обществе на основе изучения трансформации критериев для отбора партнера в городской среде. В центре внимания оказались *сянцзинь* — встречи родителей для поиска спутника жизни своим отпрыскам, в 2000-е гг. такие собрания появились в городских парках по всему Китаю. Докладчик провел интервью с собирающимися в парках родителями и пришел к выводу, что это явление отражает социальные проблемы. В частности, возникает вопрос сочетания материальных требований и идеала: многие молодые люди могут найти себе партнершу сами, или уже нашли ее, но семья хочет подыскать партнера еще лучше. При этом участники встреч проникнуты недоверием к другим родителям и постоянно опасаются обмана.

Кун-Энг Куа-Пирс (Университет Гонконга) рассказал о китайской стратегии формирования среди богатых культуры филантропии как ответа на рост социального неравенства и народных протестов. В отличие от Запада, китайское государство не допускает появления независимых благотворительных структур. Власти обеспечивают свое влияние через законы о благотворительности, механизмы регистрации, требования партнерства благотворительных структур с организацией-*даньвэй*, ежегодные проверки, итогом которых может стать отзыв регистрации или безналогового статуса. По мнению докладчика, в Китае происходит интеграция филантропии в государственную политику социального обеспечения, это «управляемая филантропия», которая функционирует как государственно-частное партнерство. Деньги будут жертвовать тем организациям, кто легитимен и за кем стоит государство; примером организованной площадки являются ярмарки благотворительности в Гуанчжоу, где корпорации-жертвователи встречаются с филантропическими организациями. В качестве примера филантропии под руководством государства докладчик рассмотрел строительство «школ надежды» в сельской местности под эгидой Китайского фонда развития молодежи. За 1990–2011 гг. было построено около 3,4 тыс. школ, теперь Китай готовится к проведению «филантропической дипломатии» в рамках «Проекта надежды для Африки».

На секции «Международные отношения» было заслушано 16 докладов. Два заседания носили тематический характер, они были посвящены проблемам «мягкой силы» и «возвышения Китая»

Клаудия Занарди (Лондонский Кингс-колледж, факультет изучения войн) поставила вопрос о том, что представляет собой развитие Институтов Конфуция за рубе-

жом — успешный инструмент «мягкой силы» Китая или чрезмерно амбициозную программу. Докладчик отметила, что значение этих институтов нужно оценивать в контексте использования Китаем «мягкой силы» для улучшения имиджа страны за рубежом. В основе проекта не было долгосрочного плана, вместо этого применяется специфически китайский подход: испытание новой идеи на практике, изучение результата и последующие действия в более широком масштабе. Институты Конфуция быстро растут и все еще недостаточно изучены. По мнению исследователя, в ближайшем будущем китайские власти усилят работу по специализации Институтов Конфуция. Однако ее реализация возможна лишь в крупных мегаполисах (если в Лондоне есть Институты Конфуция, специализирующиеся на медицине, искусстве и бизнесе, то, к примеру, в Эдинбурге провести такую диверсификацию нереально). Другим направлением работы китайской стороны является переход от создания отдельных «точек» к организации сетей связей между Институтами Конфуция как внутри отдельных стран, так и в масштабах всей Европы.

Следующий докладчик Пьер-Анри де Брюн (Центр французских исследований Китая, Гонконг), говоря о проблеме восприятия Китая, отметил, что страх перед «желтой угрозой» был в Европе еще при Наполеоне и кайзере, а западные исследователи ранее предлагали концепции, схожие с «мягкой силой». В середине XX в. Эдвард Карр полагал, что «власть над мнением» неотделима от военной и экономической мощи, а Стивен Люкес в 1977 г. ввел понятие «третьего измерения власти». Идеи «мягкой силы» можно найти в китайских понятиях о культуре (*вэньхуа*), содержащей идею трансформации (*хуа*), силе добродетели (*дэ*) и ритуале (*ли*) как инструменте распространения «мягкой силы» через образованную элиту. Докладчик оценил создание Институтов Конфуция как распространение «мягкой силы» через внеморальную лингвистическую стратегию. Китайская политика государственного вмешательства вызывает за рубежом критические замечания, напоминающие прежние опасения «желтой угрозы». По мнению докладчика, ответом могла бы стать некая новая концепция влияния, сформулированная в китайских понятиях, например, создание сети связей (*гуаньси*). Новый китайский лозунг строительства «могущественного культурного государства» выступающий охарактеризовал как свидетельство перехода к концепции «умной силы» (*smart power*).

Сигне Овергард (Университет Южной Дании) выделила ряд особенностей китайской «мягкой силы», отметив, что она обращена не только вовне, но и внутрь страны (*self-soft power*), дабы внушить людям гордость за то, что они — китайцы. Докладчик рассказала, что в период проведения ЭКСПО-2010 в Шанхае знаменитая «Русалочка», являющаяся всемирно известным символом Копенгагена и всей Дании, отсутствовала в течение десяти месяцев. Хотя скептики полагали, что подлинник не покидал пределы страны, гости ЭКСПО стояли в многочасовых очередях чтобы посмотреть на скульптуру — и это стало проявлением датской «мягкой силы». Овергард также пояснила, что «Сучжоуская улица» в парке Тиволи в датской столице никак не связана с китайским культурным наступлением в Европе. Она была построена по решению администрации парка на собственные средства в память о «китайском павильоне», существовавшем в Тиволи 200 лет тому назад.

Доклад Доминика Мержеевского (Университет Лодзи) был посвящен особенностям внешнеполитического языка китайских лидеров различных поколений. Лай Хунъи (Школа исследований современного Китая, Ноттингемский университет) подробно рассказал о начатом им с коллегами исследовательском проекте «Китай в глобальном и внутристрановом управлении», призванном проследить как меняющуюся роль КНР в глобальном управлении, так и взаимосвязь этого процесса с эволюцией системы политического и экономического управления в самой стране.

Остальные представленные на секции доклады были менее взаимосвязаны по тематике. Тем не менее, взятые в целом, они вполне адекватно отразили изменения по-

следних лет в позиционировании КНР на мировой арене и более активный, а подчас и более жесткий стиль ее внешней политики.

Мугурел Злотя, представлявший Университет Бухареста, но работающий журналистом и недавно перебравшийся в этом качестве из Китая в Индию, определил изменения в китайском политическом дискурсе формулой «от жертвы к победителю». Если еще совсем недавно КНР позиционировала себя прежде всего как жертву политики империалистических держав, то с ее возвращением на международную арену в качестве нации, с которой считаются все, акцент перенесен на успехи внутренней политики страны и обретение Китаем нового статуса в мире.

Профессор Ольга Алексеева (Университет Квебека, Монреаль) проанализировала нередкие конфликты между Китаем и расположенными ниже по течению Меконга странами, связанные с водопользованием. Меконг поддерживает жизнь 60 млн чел., давая питьевую воду, обеспечивая транспортировку грузов, ирригацию, рыболовство и т.п. Строительство Китаем пяти плотин на верхнем участке реки на его территории уже привело к резкому сокращению уровня воды в Меконге ниже по течению, засухам и снижению популяции многих видов рыбы. В этом регионе, полагает Алексеева, связь между энергетикой, экологическими проблемами и геополитикой становится все более тесной, формируя пусть локальный, но крайне сложный для распутывания «гордиев узел».

По мнению Кармен Мендес (Университет Коимбры, Португалия), большинство стран-участниц Форума торгово-экономического сотрудничества португалоязычных стран с Китаем положительно оценивают взаимодействие с Пекином. Исключение составляет Бразилия, предпочитающая выстраивать отношения с КНР в двустороннем формате. Она не имеет своего постоянного представительства в Форуме, а ежегодные встречи посещает консул Бразилии в Гонконге. В процессе работы над проектом Мендес посетила все страны Форума (Бразилию, Анголу, Макао, Мозамбик, Кабо-Верде, Тимор-Леште) за исключением Гвинеи-Бисау, где произошел государственный переворот. Впрочем, поскольку отстраненные лидеры страны переместились в Португалию, подробно побеседовать по теме исследования удалось и с ними.

В.Я. Портяков (ИДВ РАН) выступил с докладом «О некоторых особенностях внешней политики КНР в 2009–2011 гг.» (текст доклада был опубликован в журнале «Проблемы Дальнего Востока». № 2. 2012); поездка на конференцию ЕАК была поддержана РГНФ (грант 12–03–00376 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина»).

Торстен Вебер (Университет Фрайбурга, Германия) рассмотрел различие и эволюцию китайской и японской концепций «Азии». По его мнению, ранее китайская политическая мысль мало интересовалась Азией, «азианизмом», уделяя определенное внимание Восточной Азии. Сейчас ситуация меняется, интерес к Азии заметно растет, и главная функция «Азии» в китайском политическом дискурсе состоит в критике Запада, неолиберализма и т.п. Напротив, Япония исторически уделяла «Азии» огромное внимание, стремясь возглавить ее, однако в послевоенный период ей пришлось «оставить Азию и повернуться лицом к Западу». Вебер полагает, что сегодняшний Пекин в известной мере унаследовал «азиатское наследие» Японии, но стремится выстроить «Азию» в естественной для себя китаецентричной манере.

В рамках конференции прошли два заседания секции по экономике. **Линь Юэ** (Мадрид) проанализировал инвестиции КНР в Латинской и Центральной Америке. Здесь преобладают предприятия, созданные бизнесменами из регионов Китая, а не продвигаемые центром. Только 15% из 623 предприятий с китайским капиталом в Латинской Америке действуют в сфере перерабатывающей промышленности. **Д.А. Смирнов** (ИДВ РАН) выступил с докладом, посвященным 20-летию поездки Дэн Сяопина на юг Китая, давшей в 1992 г. импульс к активизации рыночных реформ.

Традиционно важное место на конференциях ЕАК занимали проблемы духовной культуры Китая, параллельно работали две секции — «Философия» и «Философия и религия». На философской секции выступавшие уделили большое внимание доциньскому даосизму и наследию Чжуан-цзы, сунскому неоконфуцианству. Были представлены доклады, посвященные идеям Чжу Си, Лу Цзююаня, Ван Аньши. Отдельная подсекция была посвящена изучению древних философских текстов, на другом заседании темой для специального обсуждения с участием трех докладчиков стала категория *чжун-верность*. На секции «Философия: легитимизация власти» российский исследователь А.Э. Терехов (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) представил доклад «Восприятие мифа о чудесном рождении в Китае в I в. н.э.».

На подсекции «Философия: двоевластие или узурпация» профессор Мишель Найлон (Университет Беркли, США), ученица британского сиолога Майкла Лоуи, выступила с докладом на тему: «Императорские дворы Западной Хань: совещательные или абсолютные монархии?». Профессор Ханс ван Эсс (Мюнхенский университет) и исследовательница Беатрис Л'Аридон (Университет Дидро) посвятили свои доклады вопросам характера власти императора и высших сановников в раннеимператорском Китае.

Секция «Философия и религия» также была разбита на множество тематических подсекций. Особый интерес вызвала работа одной из них — «Религии: даосизм», на которой с докладом «Изучение истории даосизма нового времени» выступил известный французский религиовед Винсент Гуссар (Национальный центр научных исследований — Практическая школа высших исследований, Париж). Его фундированный доклад был посвящен новейшим научным разработкам, результатам и перспективам развития историографии в этой области. Остановившись на характеристике монографий по четырем выделенным им темам: храмы и ритуалы, социальная история, региональная история, распространение даосизма в Юго-Восточной Азии в процессе глобализации, Гуссар сделал вывод о том, что в настоящее время даосизм в КНР отделен от общества, хотя в конце империи занимал достаточно прочные позиции.

Кроме того, Гуссар являлся руководителем подсекции «Религии во Франции», в которой приняли участие главным образом исследователи из числа китайских эмигрантов, рассказывавшие о стремительном распространении китайских религиозных верований в этой стране. Один из них, Цзи Чжэ из Национального Института восточных языков и цивилизаций (Париж), в контексте социо-культурного влияния религии на глобализацию проанализировал феномен роста с конца 1980-х гг. буддийских организаций и мест поклонения последователей этой религии во Франции в процессе увеличения китайской эмиграции.

На подсекции «Религии: современность» прозвучал сопровождавшийся презентацией доклад С.А. Горбуновой (ИДВ РАН) «Настоящее и будущее китайских студентов — религиозных верующих». На фоне соотношения неверующей и верующей молодежи (последователей пяти официально признанных в КНР религий) из различных высших учебных заведений главное внимание было уделено одной из наиболее динамично развивающихся в КНР конфессий — протестантизму, в том числе в студенческой среде. Сделан вывод, что выпускники высших учебных заведений именно из числа протестантов имеют в будущем неплохие шансы для трудоустройства в иностранных или совместных компаниях.

В рамках философско-религиозной секции состоялось углубленное обсуждение наследия двух доциньских мыслителей — Мо Ди и Гунсунь Луна. Подсекцию «Многие Мо-цзы для различных времен» открыло выступление профессора Карин Дефорж (Лувенский католический университет, Бельгия). Она поставила вопрос о том, откуда появились «десять тезисов» Мо-цзы, прежде всего идея «всеобщей любви» (*цзянь ай*), в концентрированном виде отражающих программные установки мыслителя. Их перечисле-

ние можно найти повсюду в современных учебниках, но прежде в китайской традиции такого консенсуса не было. На основании подсчета количества появлений «тезисов» в сердцевиновых главах текста первоисточника К. Дефорт отметила, что встречаются они там довольно редко. Сами названия глав могли быть добавлены в ходе работы над реконструкцией текста, проходившей под влиянием других древних памятников («Мэн-цзы», «Люйши чунью», «Сюнь-цзы»). Докладчик сделала вывод, что современная интерпретация не является ошибочной, однако следует помнить о том, что она опирается на выборочное прочтение фрагментов китайскими комментаторами в конце XIX в. на фоне увлечения западной философией.

Тему продолжили две аспирантки из Лувенского католического университета. Ли Тин-мянь указала на различные трактовки положения моизма при династии Хань, сосредоточив внимание на фрагментах из «Хуайнань-цзы». Она отметила, что автор «Хуайнань-цзы» хорошо знал идеи Мо-цзы и поддерживал их, однако общая направленность изложения была призвана подчеркнуть превосходство мудрости Лао-цзы. Анник Гийсберс в своем докладе проанализировала спор о моизме между двумя китайскими интеллектуалами XX в. — Хоу Вайлу и Го Можо, отметив, что разные интерпретации существовали в рамках одной марксистской идеологии. Было отмечено, что трудности с оценкой «восприятия духов» (*мин гуи*) у Мо-цзы восходит к началу XX столетия и предпринятым тогда попыткам найти в моизме эквивалент западной мысли. Го Можо пошел вопреки этим стремлениям, подчеркнув у Мо-цзы поклонение Небу и духам, традиционализм, отсутствие научного начала, принятие деспотизма и подчинение судьбе. Хоу Вайлу выступил против этих оценок, подчеркнув важность идеи «возвышения мудрых», реформаторство, научность, демократизм и эгалитарность учения Мо-цзы. Докладчик попыталась проследить истоки формирования обеих позиций и их взаимное влияние.

В программу секции «История» были включены заседания, посвященные рассмотрению проблем истории республиканского Китая. Работающие в Университете Нагоя (Япония) Ян Тао и Хосино Юкё выступили с докладами, отражающими работу на исследовательском проекте по СМИ и пропаганде в период войны (1937–1945). В докладе Ян Тао освещалась деятельность драматических трупп, которые выступали с гастролями по Китаю и занимались антияпонской пропагандой среди населения. Докладчик восстановил маршруты, по которым следовали эти труппы, проанализировал источники их финансирования, обратил внимание на отличие новой аудитории от той, для которой актеры выступали до войны в крупных городах. Хосино Юкё посвятила свой доклад рассмотрению театрально-художественной деятельности Лиги защиты Китая, основанной Сун Цинлинь в Гонконге в 1938 г. Лига активно участвовала в пропагандистской работе в период антияпонской войны китайского народа и сотрудничала как с политотделом Военного комитета гоминьдана, так и с коммунистами. В патриотической работе Лиги принимали участие известные китайские художники, актеры, певцы. Докладчик рассказала о благотворительных концертах, организованных Лигой в Чунцине и Гонконге в 1940 г., о совместной деятельности Лиги с артистами балета и оперными певцами, а также о влиянии артистической деятельности Лиги на развитие китайского танца и классической музыки в послевоенный период.

Вонг Син-кионг (Национальный университет Сингапура) рассказал о деятельности У Ляньдэ (1879–1961) — известного врача, который родился в Юго-Восточной Азии, учился в Европе и внес значительный вклад в развитие медицины в Китае. Он получил известность во время борьбы с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1910 г., с 1912 по 1930 гг. возглавлял там службу по борьбе с чумой, а впоследствии был директором карантинной службы Китая. Заслугой У Ляньдэ было создание в Китае более двадцати больниц и медицинских учебных заведений.

В докладе «Закон одно, а добродетель — другое» Брайна Гудман (Орегонский университет, США) проанализировала соотношение юридических и моральных факторов в нашумевшем деле 1922 г. — в Шанхае в редакции либеральной газеты «Шанбао» покончила с собой молодая женщина по имени Си Шанчжэнь. Члены семьи обвинили ее работодателя Тан Цзечжи в доведении до самоубийства, присвоении денег покойной через махинации с акциями на бирже и принуждении ее к любовным отношениям. Дело вызвало огромный резонанс, попытки Тана рассказать о том, что вложенные на бирже средства были потеряны из-за снижения курса ценных бумаг, успеха не имели — финансовые вопросы были непонятны публике и не входили в сферы тогдашнего правового регулирования. Самоубийство Си Шанчжэнь спровоцировало волну рассуждений о морали, чести и правах женщин, оказавших большое влияние на судьбу подсудимого — Тан вышел из тюрьмы через четыре года после истечения срока заключения. По мнению докладчика, произошло смешение морали и права, а в деле Тан Цзечжи проявился правовой популизм. Вместе с тем 1920-е гг. были в Китае периодом «юридического просвещения», когда выходило много популярной литературы о законодательстве.

Очень интересный материал представила в своем докладе Ринка-Леена Юнтунен (Университет Оулу, Финляндия), рассказавшая о деятельности финских миссионерских станов в начале XX в. в провинции Хунань, которая к тому времени еще не была «оккупирована» протестантскими проповедниками из других стран. Докладчик затронула проблему привнесения местным населением в деятельность миссионерских станов новых социальных функций, ориентированных на извлечение пользы за пределами проповеди вероучения. Миссионерский стан как нейтральная зона был нужен тем китайцам, у кого было мало шансов на успех в жизни. Они стали приютом для бездомных, источником помощи при стихийных бедствиях, служили местом для укрытия в период волнений, для неустроенных представителей низших слоев образованного класса это была возможность соприкосновения с современной культурой. Доклад был основан на уникальных фотоматериалах из архива Финского миссионерского общества и вызвал большой интерес у слушателей.

В докладе А.В. Ломанова (ИДВ РАН) «Ху Ши в Москве: советский опыт глазами китайского либерала» была рассмотрена проблема восприятия социалистической модели известным китайским сторонником западного пути развития. В 1926 г. китайский общественный деятель и мыслитель Ху Ши по пути в Европу провел в Москве всего три дня, ему были представлены достижения советского общества, что отразилось в его дневниковых записях. Ху Ши оценил серьезность планов советского руководства и похвалил СССР за успехи в развитии образования, однако к коренному изменению его взглядов это не привело.

Одно из заседаний секции по истории было посвящено теме: «Служение государству: профессионализация общественных наук и гражданская служба в Китае в 1937–1957 гг.». Ма Теюнь (Университет Лондона, Великобритания) выступила с докладом «Министерство социальных дел, китайские социологи и интернационализация социальной политики в Китае в военный период». Это ведомство было создано в 1939 г., в его компетенцию входили вопросы государственной политики, связанной с призывом в армию и управлением трудовыми ресурсами. В состав нового министерства вошли молодые социологи, овладевшие социологическими методами, используемыми в странах Европы и США. Они стремились использовать эти методы в Китае, приспособив их к условиям военного периода. Докладчик проследила карьеру нескольких работников министерства, продемонстрировав, как их профессиональное образование повлияло на социальную политику ведомства.

Хелен Шнейдер (Вирджинский технологический институт, США) в докладе «Профессиональные круги китайских женщин: карьеры в сфере социального обеспече-

ния с 1930-х — 1940-х гг.» сосредоточилась на деятельности менее известных образованных китайских женщин, занятых проведением реформ в социальной сфере. По мнению докладчика, их участие в социальной работе в период войны Сопротивления стало поворотным моментом в вовлечении женщин в государственное строительство. Хотя деятельность женщин-профессионалов среднего звена, социальных работников, государственных служащих не нашла отражения в биографических словарях, их активная работа сыграла важную роль в изменении отношений между государством и обществом.

Дженнифер Альтехенгер (Кингс-колледж, Лондон) осветила деятельность женщин-юристов в начальный период после образования КНР (1949–1957 гг.), когда высококвалифицированные специалисты были призваны на службу новым государством. Некоторые из этих женщин были приглашены на работу в Министерство юстиции, другие стали профессорами в университетах и принимали участие в подготовке проектов законов. Докладчик проследила карьеру четырех женщин-юристов (Ши Лян. Тань Тиу, Лэй Цзесюн и Ван Жуци) со времени образования КНР до начала кампании борьбы с «правыми элементами». По мнению докладчика, хотя все они были членами Федерации женщин, их вклад в развитие страны не ограничивался «работой с женщинами», перво-степенное значение имела их деятельность как профессионалов-юристов.

Феликс Бекинг (Эдинбургский университет) выступил с докладом «Китайские экономисты между государством и рынком: экономика военного времени, новая демократия и кампания «пусть расцветают сто цветов» (1937–1956)». Он поставил задачу проанализировать деятельность экономистов в начальный период после образования КНР в свете их деятельности в годы войны, когда в экономической политике делался акцент на государственном регулировании. По мнению докладчика, после образования КНР власти привлекали экономистов к решению острых проблем борьбы с инфляцией и контроля над ценами с учетом имевшегося у них практического опыта военного времени. В докладе были рассмотрены биографии некоторых известных экономистов, которые начали научную деятельность в республиканском Китае, а в 1980-е гг. успели внести свой вклад в разработку политики реформ.

Подводя итоги работы секции, Тим Райт (Университет Шеффилда) отметил, что в последнее время китаеведы уделяют все большее внимание изучению экономики и общественных наук Китая военного времени, этот период перестал быть «белым пятном». Он выявил общие темы, поднятые всеми докладчиками — преемственность раннего этапа существования КНР и периода 1930-х — 1940-х гг., получение многими социологами и экономистами профессионального образования за границей, попытку применить эти знания и адаптировать их к китайской реальности. Райт также обратил внимание на яркие биографии ученых-экономистов и социологов, проживших долгую жизнь и проявивших себя на разных этапах развития Китая.

На другом заседании исторической секции исследователь из Испании Анна Бускетс (Открытый университет Каталонии, Барселона) выступила с докладом «Морские силы Чжэн Чэнгуна: устремления Коксинга и Риччо». Она представила новые данные о том, что после изгнания голландцев с Тайваня прославленный полководец Чжэн Чэнгун планировал распространить свое влияние на морские просторы вплоть до Филиппинских островов, находившихся под контролем Испании. Для исполнения своих планов он остановил свой выбор на служившем в провинции Фуцзянь миссионером-доминиканцем Викторно Риччо, который по его поручению совершил несколько поездок на Филиппины. Содержание доклада было основано на документах из архивов доминиканского ордена.

Очень интересный ракурс исторической компаративистики был представлен в докладе Монники де Тоньи (Туринский университет, Италия) «Ненасилие в Китае: Мохандас Карамчанд Ганди в китайской прессе». Докладчица показала наличие в Китае

разных подходов к оценкам личности и деятельности М.К. Ганди в различные периоды истории.

Н.А. Самойлов (СПбГУ) представил доклад «Маймайчэн и Кяхта в XVIII — первой половине XIX вв.: ключевая точка российско-китайского социокультурного взаимодействия», в котором он обратил внимание слушателей на необходимость применения новых методологических подходов и методов исследования при изучении процессов социокультурного взаимодействия России и Китая. Докладчик подчеркнул, что на определенных этапах этого взаимодействия очень существенной оказывается роль «аттракторов» (ключевых точек), фокусирующих в себе основное содержание этих процессов. Кяхта и Маймайчэн выступали в качестве такого рода аттракторов на протяжении полутора столетий.

Себастьян Гериг (Гейдельбергский университет, Германия) остановился на проблемах отношения КНР к двум германским государствам в период «холодной войны».

Секция «История до Нового времени» стала одной из самых представительных по числу докладов, касающихся самых разных аспектов многовековой культурно-исторической традиции Китая. На подсекции «Под властью монголов» прозвучала чрезвычайно актуальная идея о необходимости переосмыслить и по-новому оценить эпоху монгольского владычества в Китае. Докладчики проанализировали пути адаптации различных социальных слоев китайского общества, прежде всего интеллектуальной элиты, к новым историческим реалиям, обусловленным монгольским нашествием. Японский исследователь **Томоясу Иняма** (Университет Васэда) предпринял попытку осветить процесс формирования новой образованной элиты в северном Китае во время монгольского завоевания. На основании изучения источников юаньской эпохи он пришел к выводу: несмотря на то, что государственные экзамены на чиновничьи должности не проводились на протяжении жизни трех поколений, представители «ученого сословия», тем не менее, быстро адаптировались к новой субординации, установленной монгольской администрацией. При этом положение китайских чиновников оставалось патким: существенный карьерный рост было возможно обеспечить посредством проекции монгольских князей, однако после смерти покровителя карьере в любой момент мог прийти конец.

В докладе **Ван Цзиньпина** (Пенсильванский университет, США) «Из семьи в монастырь: неунывающие женщины Северного Китая во время монгольского завоевания XIII в.» было рассмотрено положение женщин и их роль в деятельности даосской школы *цзюаньчжэньдао* («Учение совершенной истины»). Женщины из знатных чжурчжэньских кланов помогали организаторам даосских школ заручиться поддержкой местных властей, по инициативе женщин из простых семей возводились монастыри для вдов и осиротелых девочек, а жены высокопоставленных чиновников под покровительством женщин из императорской монгольской семьи лично руководили некоторыми направлениями деятельности школы. Культ целомудрия, пропагандировавшийся конфуцианством, содержал призыв к самоубийству, тем самым принятие даосского пострига в десятилетия смуты и насилия первой половины XIII в. оставалось практически единственной возможностью выжить для вдов и сирот.

Сообщение исследователя **Ли Сук-хи** (Ратгерский университет, США) было посвящено взаимодействию государства и местных элит в южном Китае во время правления монгольской династии Юань (1271–1368). Автор подверг сомнению стереотипное представление о том, что монголы не привнесли существенных изменений в общественную жизнь Юга, а если и оказали влияние — то только негативное.

Выступления группы ученых из Национального университета Сингапура продемонстрировали новую трактовку некоторых конкретных сюжетов истории династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) на примере деятельности ученых того времени. **Ко Кхи-**

хэйнг сосредоточился на проблеме взаимодействия неоконфуцианских идей, местных культов и ритуала в среде влиятельного клана Ли, наиболее ярким и талантливым представителем которого был ученый-неоконфуцианец Ли Гуанди (1642–1718). В докладе профессора **Онг Чапг-вуй** было проиллюстрировано то, как напряженная политическая борьба, разжигаемая различиями в риторике Севера и Юга, повлияла на процесс формирования взглядов минского ученого Ли Мэньяна (1473–1529), который сформулировал идею о необходимости следования образцам древности и противопоставил ее существовавшей литературной традиции.

Содержание докладов, представленных на подсекцию «Новые перспективы в изучении ранних письменных источников», в полной мере отразило основные тенденции и проблемы в изучении огромного массива обнаруженных в процессе археологических раскопок текстов, число которых непрерывно пополняется за счет новых открытий. На секции обсуждались новые подходы методологического и концептуального характера. Немецкий синолог **Энно Гиле** (Гейдельбергский университет, Германия), известный составлением подробного списка опубликованных эпиграфических надписей III в. до н.э. — III в. н.э., резонно обратил внимание на трудности подбора подходящей терминологии в отношении надписей обнаруженных погребальных комплексов. Он предложил вычленив из эпиграфического массива надписи, сделанные после смерти погребенного лица, т.е., по словам самого Гиле, «написанные специально для усопшего», в противоположность тем текстам, которые взяли из существовавших при жизни покойного документов и просто перенесли в могилу во время похорон. Он осуществил описание и анализ этой категории надписей и соотнес их с остальной частью текстов, найденных в гробницах.

М.Е. Кузнецова-Фетисова (ИВ РАН) представила на подсекции по древней и средневековой истории доклад «Хронология великого города династии Шан: археология, эпиграфика и письменные источники». Докладчик представила свои оценки хронологии столицы правителей дома Шан по китайским источникам и сравнительную периодизацию гадательных надписей на костях, охарактеризовала современное состояние археологических работ на месте древнего города, расположенного в нынешней провинции Хэнань.

Буквально детективной историей обернулся доклад молодой исследовательницы **Го Цзюэ** (Гейдельбергский университет, Германия). На основе превосходно сохранившихся бамбуковых дощечек из могилы № 2 эпохи Борющихся царств в Баошани она проследила последние годы жизни чиновника по имени Шао То, которые сопровождались постоянными гаданиями и жертвоприношениями, проводимыми из-за обеспокоенности по поводу болезни чиновника. Уникальное сочетание документов административного характера и сакрального назначения позволяет провести детальную реконструкцию всех сфер жизни чиновника Шао То: общественную, личную, политическую и религиозную. Автор предложила новый метод интерпретации погребальных надписей, согласно которому проведение таких практик, как предсказания, жертвоприношения, молитвы, исцеление имело культурную, социальную и психологическую функции и отражало религиозную жизнь большинства.

На тематической подсекции, посвященной труду и различным профессиям в императорском Китае, были представлены интересные доклады по гендерной проблематике, которая по-прежнему не теряет своей притягательности и актуальности. Авторитетная исследовательница **Харнет Цюрндорфер** (Лейденский университет, Нидерланды), главный редактор журнала «Men, Women and Gender in China», обратилась к казалось бы хрестоматийному сюжету о положении проституток и куртизанок («певичек» — по определению отечественной историографии) в позднеминском обществе. Однако оказалось, что при Мин «певички» вновь, как и в танское время, вращались в среде литерату-

ров и ученых, усилиями которых статус «певичек» в обществе существенно повысился. Донателла Гуида (Восточный университет Неаполя, Италия), заместитель главного редактора журнала «Ming-Qing yanjiu», проделав кропотливую работу с широким кругом источников (правовых документов, газет, художественной литературы) показала судьбы служанок императорского дворца цинской эпохи: условия их жизни, обязанности, наказания и поощрения.

Женская тема была продолжена на подсекции «Гендер» в совместном исследовании Анны Бускетс и Мурьель Гомес Прада (Открытый университет Каталонии, Барселона) «Китайки и японки в испанских текстах XVI — XX вв.», выполненном на стыке таких научных дисциплин, как история, антропология и имагология. Ю.С. Мыльникова (СПбГУ) выступила с докладом на тему: «Женщина как жертва в сексуальных преступлениях и как субъект ответственности в семейных правонарушениях в эпоху Тан-Сун» (подсекция «Право»).

Большой интерес вызвал «круглый стол» на тему «Изучение отношений Китая и Запада: новые методологические подходы» в рамках исторической секции, организованный известным специалистом в области духовных связей Европы и Китая Николасом Стандертом (Лувенский католический университет, Бельгия). В своем докладе он сделал акцент на анализе уникальных текстов XVII в., написанных китайцами-христианами. Пафос выступления состоял в выдвижении нового методологического подхода к изучению такого рода источников. Стандерт вводит понятие “in-betweenness” (кит. *цзянь*) для обозначения тех процессов и явлений, которые наблюдались «между» пластами западной и китайской культур, возникая в процессе их взаимодействия. Данное методологическое положение и некоторые его аспекты были развиты и обсуждены в выступлениях Надин Амслер (Университет Берна, Швейцария) и Доминика Заксенмайера (Университет Якобс. Бремен, Германия). Доклад и последующие выступления вызвали много вопросов и активное обсуждение.

Не менее оживленная дискуссия развернулась на заседании другого «круглого стола» — «Традиционная картография», в рамках которого было представлено пять докладов, посвященных различным этапам становления и развития традиционной китайской картографии.

Вопросы изучения китайской литературы были рассмотрены в более чем 50 докладах на секции «Литература», включавшей в себя целый ряд специализированных подсекций: «Современная литература / Театр / Кино», «Традиционная литература», «Классический театр», «Изучение Лу Синя», «Исследования переводов», «Образы Гонконга» и др.

На подсекции «Исследования переводов» доклад Валери Пеллат (Школа современных языков, Университет Ньюкасла, Великобритания) был посвящен китайским народным песням для детей и проблемам, связанным с переводом этих песен на английский язык. Докладчик обратила внимание на то, что песни для детей следуют принципам, заложенным в традиционной китайской поэзии. Грамматика этих песен простая, в них отсутствуют личные местоимения, указания на время, род и число. Это затрудняет их перевод на европейские языки, обладающие четкой грамматической структурой, и требует уточнений — введения в перевод личных местоимений, рода, числа, глагольных форм, обозначающих время. Пеллат отметила, что в переводе необходимо отразить, от чьего лица и каким способом ведется изложение. Докладчик также привела примеры собственного перевода на английский язык двух китайских песен для детей — «Маленькая капуста» и «Третья сестра».

О.Н. Борох (ИДВ РАН) выступила с докладом «Янь Фу и первый китайский перевод «Богатства народов»». Было отмечено, что перевод классического труда Адама Смита, выполненный в 1902 г. известным общественным деятелем Янь Фу, рассматрива-

ется в современном Китае как начало проникновения в страну западной экономической науки. Изучение этого перевода позволяет выявить особенности адаптации западной экономической науки к китайскому культурному контексту. В докладе были проанализированы особенности перевода Янь Фу, причины выбора классического взъяня вместо разговорного языка. Докладчик исследовала трактовку основных экономических идей у Янь Фу и провела сопоставление отдельных фрагментов оригинального текста Смита и его китайского перевода.

Юнь Ану (Государственный университет Огайо, США) выступила на тему «Рассказ западной истории китайскому читателю — переписанная Линь Шу "Дама с камелиями"». Доклад посвящен опубликованной в 1899 г. в Фучжоу книге «Предание о парижской даме с камелиями» («Бали чахуанюй иши»), которая представляла собой переложение на классический взъянь известного романа А. Дюма-сына. В целях адаптации к китайскому культурному контексту Линь Шу акцентировал некоторые детали, содержащиеся в оригинале, и убирал те, которые были бы непонятны китайским читателем. К примеру, Линь Шу заметно сократил рассказ об обстановке квартиры Маргариты Готье, исключив упоминание о предметах, незнакомых китайскому читателю (мебель Буль, северские вазы, саксонские статуэтки), а также описание внешности героини (нос, губы, волосы), не соответствовавшее китайским представлениям о красоте. Докладчик подробно проанализировала две первые главы книги на китайском языке, сопоставив их с оригиналом, и продемонстрировала избранную Линь Шу стратегию изложения, направленную на адекватное восприятие французского романа китайским читателем.

Ян Чжэнь (Университет Париж Сорбонна) представил доклад о дискуссиях между двумя китайскими критиками, вернувшимися из Франции — Ма Цзунжуном и Лян Цзундаем, которые велись в 1935 г. на страницах литературного журнала «Вэньсюэ». Темой дискуссии стал вопрос о том, как правильно переводить на китайский язык название комедии Ж.Б. Мольера «Смешные жеманницы» ("Les précieuses ridicules"). Если Ма Цзунжун считал правильным перевод названия книги Мольера как «Странные женщины», то Лян Цзундай предлагал отразить в названии идею жеманности, прециозности. Докладчик показал, как в предложенных критиками вариантах перевода отразились различные литературные концепции, которым они следовали — реализм Ма Цзунжуна и модернизм Лян Цзундая. Было проанализировано различие в видении творчества Мольера сторонником реализма, с одной стороны, и модернизма, с другой, а также показаны судьбы творчества французского драматурга XVII в. в республиканском Китае.

Джонатан Сталлинг (Университет Оклахомы, США) остановился на проблеме передачи звука при переводе, которая рассматривалась докладчиком как часть более общей темы — «Перевод и эмоции». Он подчеркнул особую важность звука и мелодии в поэтическом произведении. Чтобы эмоции, содержащиеся в исходном произведении, могли быть восприняты после его перевода на другой язык, необходимо обращать особое внимание на передачу звучания переводимого текста. По мнению докладчика, английский язык, содержащий много односложных слов, позволяет передать англоязычному слушателю звучание китайского стихотворения. Этот тезис был продемонстрирован на примере выполненных докладчиком переводов китайских произведений на английский язык. Прослушивание китайских стихов и их переводов на английский язык в исполнении докладчика вызвало повышенный интерес у участников работы секции.

Можно отметить, что большое число докладов, посвященных современной литературе, было посвящено восприятию иной культуры в китайских литературных текстах, а также вопросам взаимовлияния литератур и гендерным факторам литературного творчества. Обращает внимание доминирование на этих секциях ученых из Тайваня, Франции и Италии. Вместе с тем, с литературоведческими докладами выступили и российские ученые: **А.А. Никитина** (СПбГУ) «Песня об Оуян Хае: деконструкция идеаль-

ного героя», А.А. Родионов (СПбГУ) «Сотрудничество Лао Шэ с китайским правым журналом "Вэнь юэкань"» и Р.Г. Шапиро (РГГУ) «Китайская литература на западных языках и для западного читателя».

Особенностью нынешней конференции стало то, что после длительного перерыва, длившегося почти три десятилетия, ЕАК вновь провела конференцию совместно с Европейской ассоциацией синологических библиотечек (EASL). Заседание библиотечного «круглого стола» вызвало большой интерес и привлекло более 70 чел. Опыт создания информационных баз данных для электронных библиотек поделились специалисты, по сути, новой квалификации — библиотечари-синологи, в совершенстве владеющие электронными технологиями. С докладами выступили библиотечар-исследователь из Университета Цюриха Марк Винтер, который участвует в совместном проекте этого университета и Пекинской библиотеки по оцифровке 2000 единиц древних текстов периодов Сун, Юань, Мин, Цин; Анна Лабитски-Вагнер из библиотеки Университета Гейдельберга, участвующая в проекте Китайско-американской электронной академической библиотеки; Натали Моне из Национальной библиотеки Франции, занимающаяся созданием баз данных древних манускриптов (в том числе даосских и буддийских) и ксилографий. Выступающие представили новые современные подходы к организации хранения и использования научной литературы по Китаю, ее систематизации.

Для участников конференции было организовано несколько экскурсий. Участники одной из них смогли посетить библиотеку Института Высших исследований Китая (ИНЕС). Другая экскурсия была посвящена китайской коллекции Музея Гимэ, располагающего одним из крупнейших в Европе собраний азиатского искусства. Этот музей связан с историей отечественного китаеведения: в 1926 г. там читал лекции по китайской литературе В.М. Алексеев.

На заключительном пленарном заседании состоялись выборы нового правления ЕАК. С рассказом о международном проекте устной «Истории китаеведения» выступил профессор Ши Чжуньюй (Тайвань).

Следующая XX конференция ЕАК запланирована в 2014 г. в Португалии — стране, где, по лаконичному определению организаторов будущей конференции, «заканчивается Европа и начинается китаеведение». Было решено проводить конференцию в двух университетах, расположенных в разных городах. Основная часть заседаний в первые три дня работы форума состоится в Университете Минхо в городе Брага. Завершающий день работы конференции должен пройти в Университете Коимбры. В 2016 г. XXI конференция ЕАК пройдет в России на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

Изучение Японии в КНР в 1990-х — 2000-х гг.

В последние два десятилетия изучение Японии в Китае заметно активизировалось.

Японоведение, научный предмет, изучающий историю, язык, общество, культуру и искусство, экономику и политику Японии, давно стало заметной частью мирового гуманитарного знания.

Япония в силу ее островного положения и обстоятельств истории с давних времен являлась terra incognita. Ее древняя и самобытная культура издавна привлекала внимание многих путешественников и исследователей из Старого света. В новое время, прежде других азиатских стран вставшая на путь ускоренной модернизации и добившаяся в этом серьезных успехов Япония и ее внешняя политика нередко становились источником серьезных опасностей и потрясений, военных конфликтов на Дальнем Востоке и Тихом океане. В новейшее время, после Второй мировой войны, обновленная демократизированная Япония не единожды удивляла мир своими передовыми технологиями, стремительными темпами экономического роста, оригинальными научными и культурными решениями и приобрела значительный авторитет и влияние в современной мировой экономике, политике, культуре.

С того времени, когда в 1542 г. на землю Японии вступил первый европеец, Япония стала предметом пристального внимания западных исследователей. Красноречивы статистические данные, представленные японской стороной: по подсчетам Фуцзицу Сигэо, за период с середины XVI в. до 1992 г. в странах Запада, в России, а также Китае вышло свыше 160 тыс. наименований работ о Японии — это монографии, диссертации, брошюры и листовки, журнальные статьи, карты, описания. В том числе книг среди них — около 30 тыс. наименований¹.

Хотя японоведение как наука получило развитие в странах Европы и, прежде всего, в России, а также в США, тем не менее, сегодня и Китай начинает играть заметную роль в этой сфере знания. Косвенным показателем прогресса китайского японоведения могут быть данные справочника «Библиография японоведческих исследований в Китае», изданного Пекинским университетом. По данным на 1991 г. за 40 лет после провозглашения КНР в стране суммарно вышло 12 788 наименований японоведческих работ, в том числе 580 монографий, 8119 диссертаций, свыше 4000 переводов². Успехи китайских ученых не должны пройти мимо внимания всех изучающих Японию.

Китай имел длительную историю изучения своего соседа Японии.

С 1990-х гг. начинается качественно новый этап в развитии японоведческих исследований в КНР.

К этому времени в целом была воссоздана организационно-кадровая база научной и преподавательской работы, сформирована когорта зрелых специалистов, сеть научных учреждений, профессиональных изданий. Китайское японоведение вступило в фазу научной зрелости.

В отличие от 1980-х гг., когда внимание исследователей привлекала главным образом экономическая проблематика, истоки экономических успехов Японии, в 90-е и последующие годы к прежней тематике широким потоком добавляется общественно-

политическая проблематика — исследования внешнеполитической стратегии Японии, всех ее аспектов, внутренних политических, социально-культурных механизмов.

В начале 1990-х гг. Япония переживала конец эпохи длительного «экономического чуда»: лопается финансовый «пузырь» японской экономики, и страна надолго погружается в стагнацию. Китайская экономика в этот период, напротив, наращивает темпы роста. Закономерно, что на базе меняющихся экономических фундаментов начинают происходить перемены и на этаже социально-политических институтов — политических курсов, конфигураций, экономических, политических, военных концепций. Эти перемены не могли остаться вне внимания японоведов-исследователей.

В первой половине 1990-х гг. фокус внимания китайского японоведения смещается к изучению проблем внешней и внутренней политики Японии, к пониманию проблем ее правоконсервативной эволюции. В этот период между Японией и Китаем развернулась полемика по вопросам оценки характера действий Японии во Второй мировой войне. Китайские ученые выразили возмущение официальными почестями, которые японские власти оказывали японским милитаристам, погибшим в ходе ряда преступных агрессивных войн против Китая и других соседних государств. Китайцы развернули полемику, требуя от Японии в корне пересмотреть оценки характера ее военных действий: признать факт агрессии и осудить ее.

Во второй половине 1990-х гг. расхождения политических курсов Китая и Японии в понимании китайских ученых еще более углубляются. Особенно беспокоит Китай курс Японии на развивающуюся военно-политическую интеграцию с США. Как известно, после окончания «холодной войны» Япония продолжала проводить политику — «мелкими шажками» укреплять американо-японский военный союз», Япония следовала прежнему курсу — «Держись Америки, сдерживай Китай» (цзямэй чжихуа). В контексте подобного курса в сентябре 1997 г. в Японии был опубликован совместный «Курс обороны и сотрудничества в безопасности Японии и США». В апреле 1999 г. японский парламент принял законопроект «Ситуация в окружении», углубивший военное сотрудничество Японии и США, он был расценен в Китае как имеющий антикитайскую направленность. В идеологической плоскости курс Японии ознаменовался призывами к Японии «превратиться в великую политическую державу», к «становлению нормального государства», и даже призывами к «регулированию по-новому».

В 2000-е гг. китайские ученые начали уделять возрастающее внимание не только политике Японии, но и культурной антропологии японцев. Появляется все больше трудов на тему «национального характера японцев» и его влияния на различные аспекты жизни страны — внешнюю и внутреннюю политику, экономику.

Эволюция 1990-х — «нулевых» годов в целом означает, что китайское японоведение набирает зрелость, силу, и стремится быть важным элементом в развитии отношений двух стран. Возрастает его способность участвовать в формировании отношений этих двух народов и государств.

Современное китайское японоведение опирается на значительный кадровый потенциал. В стране трудится свыше тысячи специалистов-японоведов, при этом, по данным на 2007 г. среди них 370 чел. имеют докторскую ученую степень. В возрастном отношении эти кадры сравнительно молоды: среди них лица моложе 30 лет составляют 9%, в возрасте 30–39 лет составляют 26%, 40–49 лет — 30%, 50–59 лет — 22%, 60 лет и старше — 7%. Профессиональная подготовка приближается к хорошему международному стандарту: большинство лиц моложе 40 лет владеют двумя иностранными языками, проходили стажировки в Японии, знакомы с современными западными гуманитарными концепциями. Работу по специальности они находят, как правило, в учреждениях четырех типов: 70% японоведов работает в системе ВУЗов, библиотек, школ, исследователь-

ских центров при университетах в должности преподавателей; 10% занято в штате различных министерств; еще 10% — научные работники Академии и провинциальных академий; наконец, 10% — работники масс-медиа (пресса, издательства)³.

В территориальном отношении японоведческая работа и кадры концентрируются в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и в северо-восточном регионе страны (Дунбэй).

Особенностью настоящего времени является вовлечение широких масс любителей, рядовых граждан в информационную деятельность общества. Огромное количество граждан, не являющихся специалистами-японоведами, посещает Японию, участвует в разнообразных формах связи двух стран (бизнес, научные обмены, учеба, трудовые миграции, личные контакты и прочее), и благодаря массовому распространению Интернета (в КНР свыше 400 млн пользователей сети) они также становятся активными участниками информационного пространства, пишут и публикуют свои мемуары, мнения и прочие материалы.

Поскольку речь идет о научно-исследовательской работе, в Китае сложилась развитая организационная структура научного изучения Японии, существует много разнообразных центров исследования Японии, всей связанной с ней проблематики.

По данным справочника, вышедшего в Японии в 1999 г. «Зарубежные учреждения по изучению Японии», в Китае насчитывалось 66 НИИ и исследовательских центров, специально занимающихся исследованием японоведческой проблематики⁴. А по данным китайского справочника «Китайские исследования Японии»⁵, подготовленного и выпущенного Китайской ассоциацией японоведения в 1997 г. в стране функционирует 98 исследовательских учреждений (институты, центры, лаборатории и т.п.), плюс различные японоведческие ассоциации и научные общества: среди них общенациональных — 16, региональных ассоциаций и обществ — 27.

Разумеется, политический и научный вес таких учреждений может сильно различаться.

Особого внимания заслуживает научная деятельность ряда центров, оказывающих существенное влияние на формирование государственной политики и общественного мнения Китая в отношении Японии.

Это *Исследовательский центр международных проблем при Госсовете КНР (Гоцзи вэньти яньцзю чжунсинь)*. Он находится в Пекине. Сформирован в 1982–1983 гг. Его основная функция — координация сил видных китайских ученых, работающих в различных структурах, для исследования проблем международных отношений. Центр ставит научные задачи академическим центрам с целью подготовки необходимых исследований и докладов и информирует об их результатах высшие партийные и правительственные органы КНР. Основная сфера внимания его работ — мировая политика, Азиатско-Тихоокеанский регион. Штат Центра весьма не многочисленен (около 10 чел.).

Китайский институт современных международных отношений (Чжунго сяньдай гоцзи гуаньси яньцзююань, www.cicir.ac.cn). Находится в г. Пекине. Это крупный научно-исследовательский институт, образованный в 1964–1965 гг. В период «культурной революции» он практически не функционировал. Нынешнее название получил в 1980 г. Напрямую связан с Госсоветом КНР, подотчетен вышеупомянутому Исследовательскому центру международных проблем при Госсовете КНР. Участвует в формировании китайской внешней политики. В институте есть региональные подразделения, в частности, Институт японских исследований. С 1981 г. издается журнал «Современные международные отношения» (Сяньдай гоцзи гуаньси). В штате Института порядка 300 сотрудников. Институт поддерживает широкие международные связи.

Институт международных проблем (Гоцзи вэньти яньцзюсо, www.ciis.org.cn). Учрежден в Пекине в 1973 г. Штат — около 250 чел. Изучением Японии

занимается Отдел Восточной Азии и Тихого океана. Институт поддерживает прямые связи с МИД КНР. С 1980 г. издает журнал «Исследование международных проблем» (Гоцзи вэньти яньцзю). Развивает широкие международные связи.

Пекинский институт международных стратегических исследований (Бэйцзин гоцзи чжаньлюэ яньцзюсо). Основан в 1979 г. в г. Пекине. Занимается изучением военно-политической проблематики в глобальном и региональном аспекте. Имеет прямые связи с Министерством обороны и Генеральным штабом НОАК. Штат около 30 сотрудников, многие из них — военные специалисты, в том числе состоящие на действительной военной службе. Открытых публикаций не имеет. Принимает участие в международных связях.

Институт мировой экономики и политики Академии общественных наук КНР (Шицзе цзинцзи юй чжэичжи яньцзюсо), г. Пекин. Основан в 1981 г. Штат — около 230 сотрудников, из них научных сотрудников примерно 150 чел. Институт занимается разработкой фундаментальных экономических проблем — отношения «Севера и Юга», продовольственные и энергетические ресурсы, передача технологий и др. В частности, исследуются соответствующие аспекты политики Японии в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Институт Японии Академии общественных наук КНР (Жибэнь яньцзюсо, www.ijs.cn). Находится в Пекине. Основан в 1981 г. Является головным учреждением среди прочих учреждений данного рода в Северо-Восточном Китае. Разрабатывает темы, порученные правительством. Академией общественных наук, а также генерированные собственными планами института. В Институте пять научных отделов — политики, экономики, внешней политики, общества и культуры, библиотека. Около 45 научных сотрудников. В Библиотеке института примерно 55 тыс. томов по разным проблемам Японии, выписывается примерно 30 научных периодических изданий. Издается научный журнал «Вестник японоведения» (Жибэнь сюэкань). Институт активно вовлечен в научное и культурное сотрудничество с Японией, японская сторона помогает поддерживать материальную базу исследовательской работы (книги, библиотечное оборудование и т.п.).

Институт Тихоокеанской экономики Народного университета Китая, г. Пекин. Создан при Народном университете Китая (Подробности не известны).

Шанхайский институт международных проблем (Шанхай гоцзи вэньти яньцзюсо www.siiis.org.cn). Основан в 1960 г. Институт финансируется правительством Шанхая, вместе с тем, он активно сотрудничает с МИД КНР. В структуре Института имеется отдел Японии. В штате трудится около 80 исследователей. Институт активно вовлечен в международные связи. Согласно американским рейтингам, он входит в число ведущих десяти «резервуаров мысли» в КНР, оказывающих научное влияние на государство и общество в Китае.

Шанхайский институт по изучению Азии. Образован в 1988 г. с одобрения Госсовета КНР. Это неправительственный институт по изучению Азии. Его задача — комплексное изучение Азии и Тихоокеанского бассейна с целью содействия международным обменам. Глава совета директоров — бывший мэр Шанхая.

Институт мировой политики университета Фудань (Фудань дасюэ гоцзи чжэичжи яньцзюсо). Находится в Шанхае. Основан в 1964 г. Один из отделов Института занимается изучением Японии. Занимается изучением проблем экономики и преобразований современных развитых стран, разработкой проблем внешней стратегии КНР. Издает ряд периодических изданий.

Центр зарубежных исследований Северо-восточного педагогического института (Дунбэй шифань дасюэ вайго вэньти яньцзюсо), г. Чанчунь. В Центре изучается экономика послевоенной Японии.

Институт Японии Университета Цзилинь (Цзилинь дасюэ жибынь яньцзюсо), г. Чанчунь. В Институте 6 отделов — экономики, политики, проблем управления, литературы, истории китайско-японских отношений.

Институт Японии Академии общественных наук провинции Цзилинь (Цзилинь шэи шэхуй кэсююань жибынь яньцзюсо), г. Чанчунь. Институт изучает экономику, историю, в частности, историю Южно-Маньчжурской железной дороги.

Институт Японии Академии общественных наук Тяньцзиня (Тяньцзинь шэхуй кэсююань жибынь яньцзюсо), г. Тяньцзинь. Институт изучает послевоенную Японию, ее экономику и китайско-японские отношения.

Институт Японии Нанькайского университета (Нанькай дасюэ жибынь яньцзююань), г. Тяньцзинь. Является учебным и исследовательским центром. Один из самых представительных провинциальных центров научного японоведения.

Институт Японии университета Ляонин (Ляонин дасюэ жибынь яньцзюсо), г. Шэньян. Институт ведет экономические и исторические исследования.

Институт зарубежной информации по общественным наукам Академии общественных наук провинции Ляонин (Ляонин шэи шэхуй кэсююань вайго шэхуй кэсюэ цинбао яньцзюсо), г. Шэньян. Основан в 1978 г. Занимается сбором и обработкой информации, публикует ежемесячник «Зарубежная информация по общественным наукам».

Институт Японии Хэбэйского университета (Хэбэй дасюэ жибынь яньцзюсо), г. Баодин.

В Китае издается множество журналов, специально посвященных изучению Японии (помимо того, что японская проблематика часто освещается на страницах общих и отраслевых журналов). В вышеупомянутом справочнике «Китайские исследования Японии» Китайской ассоциации японоведения от 1997 г. приводится 33 наименования журналов, посвященных японской обществоведческой проблематике. На стеллажах читального зала научной библиотеки Института Японии Академии общественных наук можно увидеть, к примеру, такие японоведческие периодические издания.

«Изучение истории китайско-японских отношений» (*Чжунжи гуанси ши яньцзю*). Журнал выходит в Пекине. Его издает «Научное общество истории китайско-японских отношений». Сайт: www.sinojap-rhs.com.

«Китайско-японское предпринимательство» (*Чжунго жици*). Журнал является форумом для обсуждения проблем предпринимателей, работающих в сфере китайско-японских связей. Сайт: www.cjcnnet.com/magazine/liebiao.aspx

«Восточно-азиатский обзор» (*East-Asia Review — Дун я дунтань*). Издается на Тайване. Прежнее наименование: «Изучение Японии» (*Жибынь яньцзю*). Журнал освещает проблемы экономики, технологий, международных отношений в регионе. Сайт: www.it.thit.edu.tw/it/

«Вестник японоведения» (*Жибынь сюэкань*). Издается в Пекине. Учредители — Институт Японии Академии общественных наук и Китайская ассоциация японоведения. Научное издание академического уровня. Сайт: <http://qk.cass.cn/rbvk>

«Изучение Японии (*Japan Studies*)». Издается Институтом Японии Ляонинского университета в г. Шэньяне.

«Сборник японских исследований» (*Жибынь яньцзю цзюлинь*). Издается Центром японских исследований Фуданьского университета в Шанхае. Сайт: www.jsc.fudan.edu.cn

«Исследование проблем Японии» (*Жибынь вэньти яньцзю*). Издается Хэбэйским университетом.

«Современная Япония» (*Сяньдай жибынь, Modern Japan*). Издается Институтом Японии г. Тяньцзиня.

«Экономика современной Японии» (*Сяньдай жибынь цзинцзи. Contemporary Economy of Japan*). Издается Цзилньским университетом и Всекитайской ассоциацией экономики Японии. Выходит в г. Чаньчунь. Сайт: xdrbjj@mail.jl.cn

«Изучение зарубежных проблем» (*Вайго вэньти яньцзю, Journal of foreign studies*). Издается Северо-восточным педагогическим институтом в г. Чанчуне. Сайт: <http://wgtw.chinajournal.net.cn>.

«История экономической мысли Японии» (*Жибынь цзинцзи сысян ши яньцзю*).

Исследования ученых КНР ведутся по множеству направлений. **Отраслевая структура** интересов исследователей выглядит так: 43% специалистов занимаются языком и литературой, 18% — историей, 14% — экономикой, 12% — политикой и международными отношениями, 5% — философией и общественной мыслью, 2% — японской системой образования, 2% исследований посвящены синтетической тематике, 4% — все прочее. В «нулевых» годах заметно расширяются исследования языка и литературы, при этом несколько сокращается количество исследований в сфере истории и экономики.

В рамках данной работы можно лишь в самых общих чертах обрисовать наиболее важные направления исследовательской работы китайских ученых.

В 2000-х гг. примерно 40% всех японоведческих публикаций посвящены именно сфере внешней политики Японии. Бросается в глаза огромный интерес китайских ученых к изучению внешней политики Японии — как сферы двухсторонних отношений, так и японской стратегии и многонаправленной внешней политики в целом.

Они полагают, что в период после «холодной войны» и в начале XXI в. отношения двух стран вступили в эпоху обновления и трансформации. Эти отношения формируются в условиях мира и конкурентного сосуществования, и характеризуются как взаимными интересами, так и взаимными противоречиями. Экономическое сотрудничество Китая и Японии подталкивает региональное сотрудничество и ведет вперед всю восточно-азиатскую экономику. В сфере политики их отношения содержат возможности и дружбы, и антагонизма, и просто неопределенности; со своей стороны Китай стремится к построению дружественных отношений с соседом.

Серьезным толчком к активизации исследований Японии стал скандальный визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в апреле 2001 г. в храм Ясукуни-дзиндзя, где, по японской легенде, покоятся души воинов Японии, погибших в многочисленных войнах, которые вела Япония. Этот инцидент усилил трения в китайско-японских отношениях и стимулировал более интенсивный интерес в Китае к истории и современному состоянию двусторонних отношений.

Существенная особенность современных отношений — значительное возрастание влияния средств массовой информации, общественного мнения на формирование политики государств, международных отношений. Китайцы придают важное значение работе с общественным мнением, социологическому изучению его. Их выводы говорят, что японцы мало информированы о преступлениях японской военщины, об агрессии против Китая, как это вновь продемонстрировал визит премьер-министра Коидзуми в храм Ясукуни. С другой стороны, и китайское общественное мнение мало симпатизирует японцам.

После визита в октябре 2010 г. премьер-министра Японии Абэ в Китай с целью вывести взаимоотношения двух держав из тупика, дать им новый импульс, среди китайских ученых активизировались исследования в направлении поиска, каким образом можно улучшить политический и деловой климат в отношениях двух стран.

В самые последние годы в Китае вышло множество работ, посвященных *анализу японо-китайских отношений*, в частности, идейно-теоретических, концептуальных основ формирования взаимных внешнеполитических курсов Китая и Японии.

Фундаментальный обзор и анализ концептуальных и объективных условий формирования взаимоотношений Китая и Японии, а также, прогноз будущего отношений двух стран в XXI в. дает работа «Китайско-японские отношения в 21-м веке» [21 шици дэ чжунжи гуаньси] под редакцией Цзинь Сидэ (Чунцин, 2007, 492 с.).

Исследование влияния различных идеологических доктрин на формирование внешней политики Японии на китайском направлении — «вестернизма» (т.е. прозападных устремлений Японии) и «пан-азиатизма», консерватизма и либерализма, и др., а также анализ политики последних кабинетов Японии (Коидзуми, Абэ, Фукуда, Хатояма) представлены в работе Гао Ланя «Политика Японии в отношении Китая после «холодной войны»: идеи и практика» [Лэнчжань хоу жибэнь дуй хуа вайцзяо дэ сысян юй шисянь] (Пекин, 2009. 325 с.)

Частная концептуальная проблема японской политики рассматривается Лю Цзяньюн в работе «Китай и Япония: отношения «холод в политике, тепло в экономике» в процессе перемен» [Чжунго юй жибэнь: бяньхуа чжун дэ «чжэн лэн цзин жэ» дэ гуаньси] (Пекин, 2007. 808 с.)

Широкий историко-культурный фон китайско-японских взаимоотношений представлен в книге Ван Хайтао «Япония меняет Китай» [Жибэнь гайбянь Чжунго] (2009).

Интересен и сборник статей «Китай и Япония в условиях формирования архитектоники 21-го века в Восточной Азии» [21 шици дунья гэцзюй ся дэ Чжунго хэ Жибэнь] (Пекин, 2007. 311 с.).

В ряде работ внимание сосредоточено на реальной истории и практике взаимоотношений.

Прежде всего, должно назвать фундаментальный трехтомный труд «История китайско-японских отношений» [Чжунжи гуаньси ши] (Авт.-сост. Сунь Наймин. Пекин, 2006), подготовленный Академией общественных наук КНР. В нем рассматривается история отношений двух стран с древности до наших дней. Послевоенному периоду посвящен третий том.

Последнее тридцатилетие в отношениях двух стран обстоятельно раскрывается в изданном Академией общественных наук КНР трехтомнике «30 лет дружественных связей Китая и Японии, 1978–2008 гг.» [Чжунжи юхао цзяолю саньши нянь (1978–2008)] (Пекин, 2008). Первый том охватывает политические проблемы, автор — Ван Синьшэн. Второй том — вопросы экономики, автор — Чжан Лифэн. Третий том посвящен взаимодействию в сфере культуры, образования, общественных связей, автор — Хуан Дахуэй.

Ценная информация присутствует в работах Ли Цзяньмина «История китайско-японских отношений после холодной войны, 1989–2006 гг.» [Лэнчжань хоу дэ чжунжи гуаньси ши, 1989–2006] (Пекин, 2007. 435 с.), а также Фэн Чжаокуэя, Линь Чана «Доклад о китайско-японских отношениях» [Чжунжи гуаньси баогао] (Пекин, 2007. 475 с.).

Анализ отношений с 1970-х гг. до начала 2000-х дается в работе Цзинь Сидэ «Тридцать лет японской внешней политики» [Жибэнь вайцзяо 30 нянь] (Циндао, 2008. 447 с.).

Ряд работ детально анализирует историю восстановления и нормализации китайско-японских отношений. Например, в книге Хуан Дахуэя «Политика Японии в отношении Китая и внутренняя политика» [Жибэнь дуй хуа чжэнцэ юй гонэй чжэнчи] (Пекин, 2006. 311 с.) специально анализируется роль политиков, деловых и общественных кругов в этом процессе. Работа Ван Цюня «Первопроходцы китайско-японских отношений: 45 человек, ставших пионерами китайско-японской дружбы» [Чжунжи гуаньси цюэцзиньжэнь: цзи 45 вэй чжунжи юхао дэ сяньцюй] (Пекин, 2009. 343 с.) характеризует роль ряда видных государственных и общественных деятелей Китая и Японии в восстановлении взаимоотношений двух стран в 1972 г., в том числе, роль Мао Цзэдуна, Чжоу

Энляя, Дэн Сяопина. Достоянна внимания также работа Лю Хуна «Новое исследование восстановления отношений Китая и Японии: режим Танака в Японии как центр принятия решений о восстановлении отношений с Китаем» [Чжунжи цзяньцзяо цзай яньцзю: юй Жибэнь тяньчжун чжэнцюань дуй хуа цзяньцзяо цзюэцэ вэй чжунсинь] (Шанхай, 2011. 274 с.). Наконец, работа «Охира Масаёси и китайско-японские отношения» [Тайпин Чжэнфан юй чжунжи гуаньси] (Пекин, 2011. 185 с.).

Серия исследований китайских ученых заострена на изучение и понимание спорных исторических и современных проблем в китайско-японских отношениях. Несомненный интерес вызовет работа Ю Бо «Китайско-японские отношения на подъеме» [Цзюэци чжун дэ чжунжи гуаньси] (Пекин, 2009. 167 с.), посвященная исследованию этих проблем. Отображению этих проблем в общественном сознании посвящена работа Лю Цзэ «Транснациональное осознание истории: точка зрения ученых Японии и китайских ученых за рубежом» [Чаоюэ гоцзин дэ лиши жэньши: лайцзы жибэнь сюэчжэ цзи хайвай чжунго дэ сюэчжэ шицзю] (Пекин, 2006. 383 с.). Жэнь Гомин и Ю Миншань в работе «Последовательность и компромисс: китайско-японские отношения с близкого расстояния» [Цзяньчи юй тосе: цзиньлу ли кан чжунжи гуаньси] (Гуанчжоу, 2008. 258 с.) рассматривают исторические оценки прошлого, территориальный спор, проблемы отношений с Тайванем в контексте двухсторонних отношений.

Некоторые авторы изучают механизм взаимосвязи внешней политики Японии с формирующими ее политическими и социальными обстоятельствами. Например, работа «Изменения в социально-политической экологии японского общества и китайско-японские отношения» [Жибэнь шэхуй чжэнчжи шэнтай бяньхуа юй чжунжи гуаньси] (Под ред. Чэнь Фэна. Пекин, 2007). Информативный справочник подготовил Ван Чжунцюань — «Современные неправительственные дружественные связи Китая и Японии» [Дандай чжунжи миньцзянь юхао цзяолю] (Пекин, 2008. 283 с.). В книге приводится обширный список японских организаций и физических лиц, играющих активную роль в формировании отношений Японии и Китая.

Экономические связи Китая и Японии также освещаются китайскими авторами. На эту тему вышла работа под редакцией Вэй Цзиньпина «Исследования японской экономики и китайско-японских экономических отношений» [Жибэнь цзинци юй чжунжи цзинци гуаньси яньцзю] (2010. 356 с.). Другая работа — подборка статей «Сборник по научным обменам Китая и Японии в финансовой сфере» [Чжунжи цзиньжун сюэшу цзяолю вэньци] (Пекин, 2011. 470 с.).

Китайское японоведение не ограничивается рассмотрением двухсторонних, непосредственных связей Китая и Японии. Во многих работах внешняя политика Японии рассматривается *на уровне стратегии, как политика, реализуемая на глобальном и региональном уровнях, а также, по линии двухсторонних и многосторонних связей Японии с «третьими» странами.*

В этом контексте китайские исследования фокусируют внимание на процессе восстановления Японии как влиятельной политической державы. Отмечается решающая роль экономических успехов страны, ставших опорой ее политического статуса. Япония смогла использовать к своей выгоде американо-японский союз и, опираясь на него, все-сторонне освоила мировое политическое пространство. Добившись статуса государства-члена Совета Безопасности ООН, Япония смогла серьезно расширить свое «право слова и дела» на мировой арене.

Процесс наращивания Японией державной мощи, формирования внешнеполитической стратегии в целом исследуется многими китайскими авторами.

Так, Хуан Дахуэй в работе «Тенденция превращения Японии в великую державу и китайско-японские отношения» [Жибэнь дагохуа цюйши юй чжунжи гуаньси] (Пекин,

2008. 317 с.) показывает, что политическая мощь Японии начинает дополнять ее экономическую мощь, страна превращается в «великую державу», и это обстоятельство начинает влиять на китайско-японские отношения.

Сяо Вэй, автор работы «Исторические истоки стратегии безопасности Японии после войны» [Чжаньхоу жибэнь гоця анцюань чжаньлюэ дэ лиши юаньдянь] (Пекин, 2009. 260 с.) рассматривает такие аспекты политики Японии, как идеи нации-государства, союз с США, милитаризация.

Лю Цзунхэ в книге «Политическое развитие Японии и внешняя политика» [Жибэнь чжэнчжи фачжань юй дуйвай чжэнцэ] (Пекин, 2010. 403 с.) исследует взаимосвязь внутренней и внешней политики Японии послевоенного периода, обстоятельно рассматривает стратегию безопасности Японии в XXI в.

Целый ряд работ указывает на нарастание консервативных, великодержавных тенденций во внешнеполитической стратегии Японии. В их числе:

Сунь Чэнгань. Исследование стратегии безопасности японского государства после холодной войны [Лэнчжань хоу жибэнь гоця анцюань чжаньлюэ яньцзю]. Пекин, 2007. 290 с.

У Цзинань. Исследование стратегии Японии в новом веке [Синь шицзи жибэнь дуй вай чжаньлюэ яньцзю]. Пекин, 2010. 443 с. Масштабное исследование внешнеполитической стратегии Японии, влияния различных доктрин — консерватизм, национализм, глобализация — на формирование внешнеполитического курса, особенностей политики последних кабинетов (Кондзуми и др.).

Цзинь Сидэ. Японская политика и дипломатия в начале 21-го века [21 шицзичу дэ жибэнь чжэнчжи юй вайцзю]. Пекин, 2006. 443 с. Автор рассматривает, как внутренняя политика детерминирует внешнюю политику Японии, специально анализируется политика кабинетов Кондзуми, основные направления внешней политики — отношения с США, Китаем, двумя Кореями, Средней Азией.

Лянь Дэгуэй. Великодержавная Япония и китайско-японские отношения [Даго жибэнь юй чжунжи гуаньси]. Шанхай, 2010. 323 с. Книга содержит анализ международной стратегии Японии.

Лу Яодун. Мирное развитие Китая и внешняя стратегия Японии [Чжунго хэпин фачжань юй жибэнь вайцзю чжаньлюэ]. Пекин, 2010. 514 с. Автор освещает политику и взаимодействие двух стран.

Исследование японской политики и внешнеполитических трансформаций: Сб. ст. [Жибэнь чжэнчжи юй вайцзю чжуаньсин яньцзю] / под ред. Го Динпин. Шанхай, 2010. 327 с.

На Жису. Размышления о послевоенном возвышении Японии [Чжанхоу жибэнь цзюэци дэ сыкао]. Чанша, 2007. 170 с.

Группа монографических работ исследует направления японской политики на широкой мировой арене. В их числе:

Современные внешние связи Японии [Дацдай жибэнь дуй вай гуаньси] / Под ред. Лю Цзяньюнь. Пекин, 2009. 500 с. Предлагается всесторонний анализ направлений внешней политики Японии: кроме традиционных тем — отношений с США, Китаем, Россией, также рассматриваются отношения с Европой, Африкой, Средней Азией, Индией, Монголией, Вьетнамом, Ираном, ряд новых направлений — экология и др.

Лянь Хуйсинь. Исследование политики Японии в ООН [Жибэнь дэ лянхэго вайцзю яньцзю]. Тяньцзинь, 2007.

Достаточно много трудов посвящено комплексному исследованию региональной восточно-азиатской и тихоокеанской политики. Назовем основные из них.

Политика Японии в Восточной Азии в начале 21-го века [21 шицзи чуци Жибэнь дэ Дунъя Чжэнцэ] / Под ред. Чжан Инхуэй. Пекин, 2010. 367 с. Группа авторов института Японии Академии общественных наук КНР анализирует основные направления внешней политики Японии после «холодной войны» — отношения с США, КНР, АСЕАН, Россией, двумя корейскими государствами. Дается прогноз.

Чжу Нин. Разработка стратегии: китайско-японские геополитические стратегии и построение восточно-азиатской безопасности [Шэнсуань: чжунжи диюань чжанлиэ юй дунъя чунсу]. Ханчжоу, 2007. 282 с. Автор исследует столетнюю историю модернизации и конфликтов двух наций, рассматривает пути обеспечения безопасности в регионе.

Восточно-азиатская кооперация: 2009 [Дунъя дицюй хэцзо: 2009]. Пекин, 2010. 462 с. Исследование взаимоотношений государств Азиатско-Тихоокеанского региона: стран АСЕАН, Китая, Японии, Кореи, США, Австралии и др.

Исследования развития Азиатско-тихоокеанского региона [Ятай фачжань яньцзю]. Цзинань, 2006. 696 с. Сборник статей по вопросам экономики, политики, культуры региона.

Цяо Линьшэн. Внешняя политика Японии и АСЕАН [Жибэнь дуйвай чжэнцэ юй Дунмэн]. Пекин, 2006. 348 с

Дэн Шичао. От враждебности к партнерству. Путь развития отношений АСЕАН и Японии после войны [Цун дидуйго дао цюаньмянь хэцзо дэ хобань. Чжаньхоу Дунмэн-Жибэнь гуаньси фачжань дэ гуйцзи]. Пекин, 2007. 249 с. Автор поэтапно рассматривает отношения АСЕАН и Японии в послевоенный период.

Для понимания внешнеполитической стратегии Японии важно учитывать и двусторонние отношения Японии с другими державами мира и региона, кроме Китая. Этой сфере проблем также посвящено немало работ, в том числе следующие.

Сюй Ваньшэн. Японо-американский альянс и безопасность в окружении Китая после холодной войны [Лэнчжань хоу дэ жимэй тунмэн юй чжунго чжоубянь аньцюань]. Пекин, 2009. 386 с. Автор исследует тенденции трансформации японо-американского союза, в частности, «глобализацию» их союза, и значение данного процесса для безопасности Китая и прилегающего региона.

Шан Шу. Тенденции отношений в японо-американском союзе [Мэйжи тунмэн гуаньси цзоуусян]. Пекин, 2009. 481 с. В работе, основанной на большом количестве документов, исследуются тенденции отношений и противоречия, возникающие в связи с политическими коллизиями на мировой арене, порожденными мировым финансовым кризисом.

Хуан Дахуэй. Меняющаяся Восточная Азия и США [Бяньхуа чжун дэ Дунъя юй Мэйго]. Пекин, 2010. 347 с. Исследование политики США в регионе. Одна глава специально посвящена американо-японским отношениям.

Ли Юнхуэй. Российско-японские отношения [Э Жи гуаньси]. Пекин, 2007. 381 с. Автор исследует историю отношений СССР/России с Японией с довоенного периода до настоящего времени. Вторая половина работы посвящена рассмотрению важнейших аспектов российско-японских отношений: территориального урегулирования, торгово-экономических отношений, вопросов рыболовства, общественно-культурных связей, китайского фактора в российско-японских отношениях.

Дин Иншунь. Отношения Японии с Северной и Южной Кореями после войны [Чжаньхоу Жи Хань Жичао гуаньси]. Пекин, 2010. 257 с. Автор рассматривает историю японской политики в отношении Корейского полуострова, в том числе историю колониальной политики Японии, нормализацию и развитие отношений с обоими государствами в послевоенный период, перспективы их отношений в XXI в. В приложении публикуются важные документы.

Исследование отношений США, Японии, Евросоюза с Тайванем после холодной войны [Лэнчжан хоу мэи жиоу юй Тайвань гуаньси яньцзю] / Под ред. Го Цзяньпинь. Шанхай, 2009. 465 с.

Вопросы внутренней политики и права также привлекают внимание китайских исследователей, в их трудах раскрывается широкий спектр проблем.

Ряд ценных исследований по внутренней политике Японии в указанный период принадлежит таким авторам, как Лу И, Ма Цзюньвэй, Гао Хун, У Цзинань, Лю Цзяньюн, Лян Юньсян, Ин Сяюань, Сюэ Цзюньду, Лу Чжунвэй, Лю Сяофен, Лу Яодун, Чжан Гуаньюй и др.

Среди недавних публикаций можно отметить следующие работы.

Ли Сюши. Исследование стратегии неоконсерватизма в Японии [Жибэнь синьбаошоучжун чжанлюэ яньцзю]. Пекин, 2010. 329 с.— фундаментальное исследование прошлого и настоящего японского неоконсерватизма, его внутренней и внешней политики, его социальных основ.

Ли Ин. Исследование консервативной политической системы послевоенной Японии [Жибэнь чжаньхоу баошоу чжэнчжи тичжи яньцзю]. Пекин, 2008. 430 с. Автор дает фундаментальный анализ механизмов власти и правления консерваторов страны.

Чэнь Янь. Политико-экономические преобразования со временем кабинета Коидзуми [Сяоюань нэйгэ илай дэ чжэнжи цзинцизи бяньгэ]. Цзинань, 2010. 246 с. Анализ политико-экономической эволюции Японии при кабинетах Коидзуми, Абэ, Фукуда, Асо, Хатояма.

Юань Цзюань. Исследование модели оценки эффективности японского правительства [Жибэнь чжэнфу цзисяо пингу моши яньцзю]. Пекин, 2009. 236 с. Исследование системы оценки деятельности правительства и министерств Японии, созданной в результате административной реформы.

Цзинь Ин. Закулисье и сцена. Изменение структуры политического общества современной Японии [Миши юй цзюйчан. Сяньдай Жибэнь чжэнчжи шэхуй цзегоу бяньтянь]. Пекин, 2009. 395 с. Политологическое исследование публичной и тайной политики Японии на примерах современных кабинетов (Коидзуми, Абэ и др.).

Чжу Цзяньсун. Над Японией меняются небеса. Взгляд с близкого расстояния на рождение власти Демократической партии [Жибэнь бяньтянь. Миньчжудан чжэнцюань даньшэн цзинь цзюйли гуаньча]. Пекин, 2009.

Эволюционные изменения и влияния в истории правого крыла Японии [Жибэнь юн дэ лишн фачжань яньбянь цзи инсян]. Чанша, 2009. 331 с.

Ван Мин и др. Некоммерческие организации Японии [Жибэнь фэйинли цзучжи]. Пекин, 2007. 284 с. Исследование неправительственных и некоммерческих организаций Японии.

Чжан Сюань. Японские коммуны [Жибэнь шэцзюй]. Пекин, 2007. 270 с. Исследований организации местных общин и местного самоуправления.

Цзэн Сянжуй. Исследование новой системы местного самоуправления Японии [Синь Жибэнь дифан цзычжи чжиду яньцзю]. Пекин, 2005. 242 с. Обстоятельное исследование местного самоуправления после административной реформы: население местных общин, их законодательские функции, финансы, взаимоотношения и др.

Неотъемлемой частью изучения внутривнутриполитических механизмов Японии является и *изучение ее правовых институтов и норм*. Помимо многочисленных переводов с японского языка, в Китае выходит и много оригинальных работ по данной тематике.

Чжао Лисин. Правовая система Японии [Жибэнь фачжиши]. Пекин, 2010. 441 с. Исследование правовой системы Японии с древнейших времен до наших дней, включая прогноз развития в XXI в.

Чэнь Гэнфа. О духе японских законов [Лунь Жибэнь фа дэ цзиншэнь]. Пекин, 2005. 257 с. Подробное рассмотрение истории японского права, начиная с эпохи Токугава, влияния различных правовых школ на современное японское право, особенности японского права.

Лэн Лаошэн. Современная судебная система Японии Пекин, 2002. 416 с.

Чэнь Даонн. Сравнительный анализ судебного разбирательства в Японии и США [Жимэй сыфа шэньча бицзяо яньцзю]. Пекин, 2008. 343 с. Автор рассматривает принцип «судебной пассивности» в судебных тяжбах двух названных стран.

Цзян Ичунь. Исследование судебных прецедентов корпоративного права Японии [Жибэнь гунсыфа паньли яньцзю]. Пекин, 2004. 343 с. Масштабное исследование важнейших правовых разделов законодательства Японии о компаниях, наиболее известных судебных прецедентов.

Исследование гражданского и коммерческого права Китая и Японии [Чжунжи миньшан фа яньцзю] / Под ред. Цюй Тао. Пекин, 2009. 403 с. Сборник статей, сравнивающих право Китая и Японии.

Фань Юньшоу. Практикум по торгово-экономическому законодательству Японии [Фузи цзиншан фалюй шиу]. Шанхай, 2002. 172 с. Изложение основ предпринимательского права Японии.

Нормы и практика экологической экономики Японии [Жибэнь сюньхуань цзиньци фагуй юй шицзянь]. Пекин, 2008. 237 с. Разносторонний анализ экономического законодательства и экономики по защите природной среды в Японии.

Японская экономика — важная сфера внимания китайских ученых, о чем свидетельствует обилие научных публикаций.

Множество работ посвящено исследованиям «экономики финансового пузыря» и причин длительной рецессии. Этой темой обстоятельно занимались Ван Лолинь, Юй Юндин, Ли Вэй, Тянь Чжунцин, Чжоу Цзэхун, Ма Цзяньтан, Ян Чжэнвэй. Цзян Жуйпин, Фэн Вэй, Ян Дунлян в своих работах исследовали экономическую систему Японии и проблемы ее структурной реформы.

Экономическая реформа кабинетов Дэ Коидзуми освещалась в работах Хэ Юймина, Чжан Цзуго, Чжан Цзифэна. В частности, вопросы приватизации японской почты стали темой работ Фань Чуня, Пэй Гуйфэня, Фань Юньмина, Фэн Чжаокуэйя, Ван Дэсюня.

Японской налоговой системе и фискальной политике посвящены труды Юй Юндина, Ли Вэя, Пан Дэяня, Се Шэнфэна, Юань Инхуа, Цуй Цзинхуа, Чжоу Юйхуна, Сунь Шихэ.

Японская система предпринимательства и система корпоративного управления — тема исследований Чжоу Цзяня, Ван Тао, Сюэ Шунли, Ван Ли, Ван Вэя, Дун Вэя, Хоу Хуйина, Лю Су, Сун Ли, Гао Юя, Чи Цзиня, У Хао, У Цзяньбиня.

Среди наиболее интересных работ можно указать следующие.

Лю Жуй. Финансовая политика Японии в условиях финансового кризиса. Трудности и вызовы [Цзиньжун вэйци ся дэ Жибэнь циньжун чжэнцэ. Куньцин юй тяочжань]. 2010. 285 с.

Ин Сяоян. Энергетическая политика Японии после войны [Чжаньхоу Жибэнь нэньюань чженцэ]. 2010.

Бай Имин. Японские финансовые консорциумы под прицелом: обнаружение конкурента и примера для Китая [Мяочжун Жибэнь цайтуань: фасянь чжунго дэ дуйшоу юй баньянь]. Пекин, 2010. 370 с.

Сун Минь. Эволюция и современное состояние системы развития сельского хозяйства Японии [Жибэнь нунье туйгуан тиси дэ яньбянь юй сяньжун]. Пекин, 2009. 238 с.

Китайские исследователи пишут, что после некоторого оживления в 2002 г. японская экономика с 2007 г. снова впала в стагнацию. Среди причин затянувшейся стагнации выделяются: запаздывание со структурными реформами, неэффективный рынок капиталов в стране, нечеткое определение экономических целей, протекционизм и закрытость в предпринимательской среде, ограниченность традиционной модели менеджмента. В анализе причин трудностей японской экономики не редок тезис, что Япония приближалась к экономической модели США вместо того, чтобы искать новый путь. Дополнительные вызовы японской экономике бросают и факторы международного порядка — удорожание нефти и ресурсов на мировом рынке, спад в американской экономике. К этому добавился мировой финансовый кризис.

Исследователи также отмечают, что развитие китайской экономики оказывает растущее влияние на японскую экономику, поддерживая ее рост. Но при этом в китайско-японских торговых отношениях нарастают трения. В самое последнее время в центре внимания оказалась проблема качества и безопасности продовольствия из Китая. В Японии нарастают протекционистские настроения. В экономическом сотрудничестве двух стран много и других проблем.

Китайские исследователи уделяют внимание изучению *истории Японии*.

За период 1949–1996 гг. в КНР вышло пять версий обобщающих «историй Японии», в 1997–2007 гг. вышло еще восемь версий.

В КНР изданы общие труды по истории Японии — Лю Цзяньцяня, Ван Синьшэна, Ван Баотяня, Ван Сюэсуна и др.

Древнюю историю Японии исследуют Ван Цзиньлинь, Чжоу Илян, Чжу Цяньчжи, Шэнь Жэньань, Ли Сяобай, Ли Чжо и др. При этом уделяется особое внимание истории религий и общественной мысли.

Новая и современная история Японии представлена в работах Чэнь Шуйфэна, Ляо Дасы, Чжан Сяншаня, Юй Синьтуня, Ми Цинъюя. Лю Шилуна. Ван Цзяхуа, Лю Цзиньцяя, Цзинь Гучуня, Ли Юя, Тан Чжуннаня, Линь Чжэня.

Нынешнее состояние исторических исследований не вполне устраивает китайских специалистов. Поставлена задача найти свою, «китайскую» точку зрения на японскую проблематику, выработать свои критерии и характеристики, а не просто пересказывать мнения, идеи иностранных ученых. Во-вторых, необходимо интегрировать все разнообразие исследований и тем в единую картину, чтобы знание было не набором частных историй, а целостным пониманием происходящего. Третье, требуется увязать фундаментальные и прикладные исследования друг с другом. Четвертое, даже язык науки представляет собой проблему: критики призывают историков «писать на нашем точном и беглом китайском языке, а не копировать японские слова или использовать так называемый «диалект Маньчжоу-го», т.е. имеются проблемы с научной терминологией, засильем варваризмов японского происхождения, что неизбежно при неразвитости своих концептуальных подходов.

Специфической чертой китайского японоведения последнего десятилетия стало растущее внимание к *культурологической проблематике*, стремление понять мировоззренческие, психологические, культурные основы социокультурного поведения японцев. Популярны «теории японской культуры и теории японца» — исследования образцов поведения и мышления японцев в бихейвористском стиле. Много внимания уделяется исследованиям истории японской мысли и религий. Активный подъем переживают исследования японской массовой культуры, оригинальные сравнительные исследования культуры Китая и Японии (акцентируются сопоставления семейных институтов). Все шире внедряются социологические исследования японского общества и его общественных проблем.

Среди недавних работ достойны внимания:

Цзи Тинской. Современное японское общество и течения общественной мысли [Сяньдай Жибэнь шэхуй юй шэхуй сычао]. Пекин, 2007. 490 с. Автор изучает такие направления общественной мысли как национализм, пацифизм, позитивизм, консерватизм, великодержавное мышление.

Ван Лижун. Сравнительный анализ этического образования в современных Китае и Японии [Дандай чжунжи даодэ цзяоюй бицзяо яньцзю]. Гуанчжоу, 2007. 254 с.

Янь Дэсюэ. Путь воина. Японская стратегическая культура и военные тенденции [Уши чжи лу. Жибэнь чжэнлюэ вэньхуа цзи цзюньши цзоусян]. Пекин, 2006. 276 с. Исследование традиций японского милитаризма с древности до современности.

Хуан Чжилян. Поиск Японии: внутренняя и внешняя политика и китайско-японские отношения в 21-м веке [Хуньжао жибэнь: 21 шицзи жибэнь нэйчжен вайцзяо юй чжунжи гуанси таньсо]. Шанхай, 2003. 806 с. Китайский автор, проработавший много лет профессором университета в США, публикует серию своих статей о Японии периода 1980–2000-х гг.

Международные взгляды китайского общества [Чжунго дэ миньчжун дэ гоцзигуань]. Пекин, 2009. 200 с. Специальная глава книги написана на основе социологического обследования и посвящена тому, как китайцы психологически воспринимают Японию.

Ли Вэнь. Распространенность и влияние японской культуры в Китае, 1972–2002 гг. [Жибэнь вэньхуа цзай Чжунго дэ чуаньбянь юй инсян 1972–2002]. Пекин, 2004. 349 с. Масштабное исследование распространения японской культуры в Китае (в том числе отношение Дэн Сяопина к японской культуре, вопросы обмена студентами, заимствование технологий и т.п.).

Китайские культурологи исходят из убеждения, что без понимания национальной культуры, этнического и гражданского характера японцев невозможно глубокое проникновение в их историю и социальное поведение, в конечном счете, невозможно и взаимопонимание народов.

Китайские авторы выделяют такие базовые особенности японского менталитета, ярко выраженные в различных доктринах националистического характера, как традиционная психология коллективизма, «деревенскость», этническая культура. По их справедливому мнению, модернизация Японии, формирование современного буржуазного общества не являлись простым заимствованием западных внешних форм культуры и жизни, так называемой «вестернизацией». Япония приспособлявала зарубежную культуру к традициям и задачам японского общества, она прививала на древо национальной культуры тщательно отобранные западные нормы и, прежде всего, западное позитивное и рационалистическое мышление, научное знание.

Создаются в Китае и *обобщающие японоведческие труды*, они становятся со временем все более интересными, оригинальными, информативными.

Есть работы справочно-энциклопедического типа. Так, к примеру, еще в 1994 г. вышла «Краткая энциклопедия Японии» [Цзяньмин Жибэнь байкэ цюаньшу] (Пекин, 1994. 693 с.). Материалы носили во многом просто переводной характер.

А в последние годы Институт Японии Академии общественных наук КНР начал выпускать ежегодники «Доклад о развитии Японии. Голубая книга Японии» [Жибэнь фачжан баогао. Жибэнь ланпи шу]. (2009 г. 483 с.; 2010 г. — 417 с.; 2011 г.). Ежегодники оперативно дают всестороннюю картину развития страны за самый последний период, статьи написаны на высоком научном уровне.

Также публикуются многотомные серии работ, тематические подборки трудов. Например, Академией общественных наук КНР выпущена «Центральная библиотека

изучения истории Китая и Японии». Нанькайский университет издает «Нанькайскую серию японских исследований», уже вышло 37 томов, издание продолжается.

Своеобразным индикатором зрелости, высокого уровня исследовательской работы является наличие *историографических, науковедческих исследований*.

Обширную, подробную информацию о китайском японоведении можно найти в книге: Ли Юй и др. Указатель трудов китайского японоведения, 1949–1988 гг. [Чжунго Жибэньсюэ луньчжу соннь]. Пекин, Б.г. 557 с. Это подробная библиография китайского японоведения, сгруппированная по отраслям знания и обеспеченная указателями. Содержит свыше 20 тыс. статей.

Более современен указатель организаций и специалистов, занимающихся в Китае изучением Японии: Исследования Японии в Китае [Чжунго дэ Жибэнь яньцзю]. Пекин, 1997. 563 с.

Есть и аналитические работы. Например: Янь Шаодан. Записки об истории японской синологии [Жибэнь чжунгосюэ ши гао]. Пекин, 2009. 613 с. Рассказ о японской синологии с древнейших времен до 1985 г.

С настоящим днем китайского японоведения можно ознакомиться на страницах журнала «Вестник японоведения» [Жибэнь сюэкань]. Он ежегодно публикует статью о достижениях и задачах китайских ученых в этой области. Иногда выходят обширные подборки материалов научных конференций по японоведению.

Нельзя обойти вниманием появившийся совсем недавно «Обзор японских исследований в Китае», подготовленный Институтом Японии Академии общественных наук, Китайской ассоциацией японоведения, Нанькайским университетом при финансовой поддержке Японского фонда. Это масштабный анализ и описание состояния и тенденций китайского японоведения в период 1997–2007 гг.

Все сказанное позволяет сформулировать некоторые выводы.

В предшествующий период (1970-х – 1980-х гг.) китайские исследования и публикации о Японии, хотя и демонстрировали растущую численность, но по качеству оставляли большой простор для совершенствования. Как правило, тематика была достаточно узкой — проблематика из сферы китайско-японских отношений и история «обновления Мэйдзи». Многочисленны переводные работы по политике и экономике — с японского, английского и других западно-европейских языков, при этом переводы выполнялись не всегда качественно, содержали много ошибок и нелепостей. Идеино-теоретический анализ был не свободен от схоластических примитивистских установок, господствовавших в прежний период, нередко были и различные методологические изъяны.

Но в рассматриваемый период 1990-х—2000-х гг. ситуация заметно изменилась. Китайское японоведение обретает зрелость, самостоятельность и силу. Прежде всего, бросается в глаза значительное расширение исследовательской тематики. Теперь исследователи охватывают и проблемы стратегии и многосторонней дипломатии, внутренней политики страны, вопросы военного дела и военной истории. Появились социологические исследования, вышло множество работ культурологического характера, по вопросам языкознания, общественной идеологии и историографии. В сферу внимания китайских японоведов теперь входят и научно-техническое развитие Японии, ее участие в экономической глобализации и регионализации.

Растет идеино-теоретический уровень, расширяется мировоззренческий кругозор китайских ученых. Как следствие, их работы демонстрируют новую глубину понимания. Если раньше их исследования отличались плоским, так сказать, «монохромным» видением вопросов, то теперь они стремятся дать глубокий, объективный и многосторонний анализ развития общества, государства, экономики, исследуют противоречия и

историческую трансформацию процессов и явлений. Развивается и прогнозирование развития страны.

Обогащается методологический инструментарий исследований. Практикуется работа с документами, анализ статистики, проводятся социологические опросы по проблемам, связанным с Японией.

Вместе с тем, несмотря на бесспорные достижения, сохраняется и ряд проблем, касающихся качества работы китайских ученых. Как пишет китайский автор Сунь Синь, наблюдается некоторая рассогласованность в среде ученых. Во-первых, прикладные политические исследования не всегда тесно увязываются с фундаментальными теоретическими исследованиями, положениями. Фундаментальные теоретические подходы в свою очередь не всегда скореллированы с исследованиями современной политики. Сохраняется некоторая дистанция между тем, что создают ученые-японеды, и тем, что вправе ожидать от них китайское государство и общество. И во-вторых, Сунь Синь призывает китайских ученых строже держаться в своих работах принципов исторического материализма, а не «следовать чужим словам»: надо иметь собственный взгляд на явления японской политики, экономики, культуры, повышать свой теоретический уровень осмысления социальных исторических процессов⁶.

Несмотря на отмеченные проблемы, очевидно, что японоведение в КНР и в организационно-кадровом, и в информационно-аналитическом плане превратилось в серьезную научную и общественную силу и вышло на своем научном участке на передовые позиции в мире, оно способно решать задачи, которые ставит перед ним общество и государство.

Японоведческие знания Китая насчитывают многотысячелетнюю историю. Но самыми плодотворными годами были для него последние десятилетия, начавшиеся вместе с курсом реформ Дэн Сяопина. Сформирована обширная сеть научно-исследовательских учреждений, подготовлены многочисленные и зрелые кадры исследователей и профессуры, исследования ведутся широким по тематике фронтом, их проблематика — современна и актуальна, количество и масштаб исследований — впечатляющие. Растет их теоретический и методологический уровень. Японоведческие исследования в Китае достигли высоких результатов, которыми можно гордиться. Наука КНР должна рассматриваться сегодня как один из мировых лидеров в этой области исследований. Результаты, успехи китайских ученых интересны всему международному сообществу ученых-японедов и обществоведам.

© 2012

Н. Анисимцев,
кандидат исторических наук

1. См.: Wang Yong. *Japanology in foreign countries. History and Trends*. Kyoto: International research center for Japanese studies. 2007. P. 434–439.
2. Ли Юй, Лю Юймин, Чжан Гуйтай. Библиография японоведческих исследований в Китае, 1949–1988 гг. [Чжунго жибэньсюэ бяньчжу соинь]. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 1991. 557 с.
3. Jiang Lifeng, Yang Dongliang. *Japanese studies in China at the Turn of the century: Efforts and Prospects*. URL: www.jpfbj.cn/down/101130C.pdf.
4. Overseas Japanese studies Institutions. The Fukuoka UNESCO Association, 1999.
5. Китайские исследования Японии [Чжунго дэ жибэнь яньцзю]. Пекин: Китайская ассоциация японоведения, 1997.
6. Сунь Синь. Японоведческие исследования в Китае со времени начала реформ [Кайгэ кайфан илай чжунго дэ Жибэнь яньцзю] // Жибэнь сюэкань. 2009. № 3. С. 145–151.

Рецензии

Магосаки Укэру. Нихон-но коккёмондай: сэнкаку, такэсима, хоппорёдо [Территориальные проблемы Японии: Сэнкаку, Такэсима и северные территории]. Токио: Тикумасинсё, 2011. 231 с.

Автор рецензируемой работы Магосаки Укэру — бывший японский карьерный дипломат, посол Японии в Узбекистане и Иране, бывший профессор Национальной академии обороны Японии. Представленная работа У. Магосаки выделяется в ряду современных публикаций японской историографии по территориальным проблемам. В своем исследовании автор дал нетрадиционную картину зарождения и развития территориальных конфликтов между Японией с одной стороны и КНР, Россией и Республикой Корея — с другой, представив систему аргументов, которые отличаются от подавляющего большинства японских публикаций по данной тематике объективностью и реалистичностью авторской позиции. В частности, кроме традиционных фактов в работе приводятся аргументы, которые не только указывают на уязвимость традиционной японской позиции, но и полностью обличают ее как недееспособную и нелегитимную.

Книга состоит из шести глав: "Территориальные проблемы, омытые кровью", "Японо-китайские переговоры по островам Сэнкаку", "Северные территории и планы США и России", "Пригодится ли японо-американский альянс?", "Решение территориальных проблем мирным путем", "Что такое государственная стратегия без эмоций".

В первой главе автор прибегает к сравнительному анализу практики решения территориальных разногласий в различных регионах мира с тем, чтобы по возможности использовать такой опыт применительно к проблемам территориального размежевания между Японией и ее соседями. В частности, им были выбраны примеры территориальных конфликтов между СССР и Китаем, Ираном и Ираком, Германией и Францией. Автор считает, что территориальные проблемы между соседними государствами часто используются для укрепления внутривнутриполитических позиций отдельных группировок в бор-

бе за власть. У. Магосаки утверждает, например, что напряженность в японо-китайских отношениях в сентябре 2010 г. в связи с инцидентом в акватории группы о. Сэнкаку была использована китайской стороной для избрания на пост заместителя председателя Военного совета ЦК КПК Си Цзиньпина.

По мнению автора, для урегулирования «проблемы о. Сэнкаку» японскому правительству следует использовать опыт советско-китайского территориального размежевания. У. Магосаки утверждает, что «во время нормализации японо-китайских отношений в 1972 г. премьер-министр КНР Чжоу Эньлай, признав японский контроль над островами (Сэнкаку. — В.К.), предложил отложить решение территориального вопроса». Китайский премьер поступил так, исходя из опыта урегулирования советско-китайского пограничного конфликта на о. Даманский в 1969 г. Автор считает, что в силу отсутствия подобного опыта решения территориальных конфликтов японская сторона, «имея реальный контроль над островами», постепенно упускает выгодное для себя решение проблемы. «Ярким подтверждением тому является арест капитана китайского рыболовецкого траулера, задержанного японскими властями в районе островов Сэнкаку в сентябре 2010 г.» (С. 34–35).

Приводя в пример Германию, автор утверждает, что потерпев поражение во Второй мировой войне, Германия потеряла гораздо больше территорий, чем Япония (С. 50). При этом, в отличие от Японии, «Германия, приняв итоги и результаты войны, отказалась от насильственного возвращения утраченных территорий». Вместо традиционного постулата о том, что «наивысшим приоритетом государства является сохранение территориальной целостности», Германия решила взять за основу государственной политики принцип «расширения собственного влияния». В результате Германия

уступила Франции Эльзас и Лотарингию, которые на протяжении долгого времени были «яблоком раздора» между двумя государствами, но сумела распространить свое влияние на эти территории, став наиболее влиятельной державой Европейского союза. Утратив значительные территории, Германия потеряла лишь «лицо», но смогла получить «выгоду», добившись руководящей роли в финансовой политике всего Европейского союза, территория которого значительно превышает территорию самой Германии (С. 54–55).

Во второй главе автор подробно рассматривает вопрос территориального размежевания между Японией и Китаем — проблему принадлежности группы о. Сэнкаку (кит. Дяоюйдао). У. Магосаки критикует позицию нового демократического правительства в отношении группы Сэнкаку, утверждая, что «отрицание наличия проблемы принадлежности островов» противоречит первоначальному договоренностям между Японией и Китаем и может привести к вооруженному столкновению (С. 60).

На основе анализа двусторонних отношений делается вывод, что в период подписания японо-китайского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве в 1978 г. была достигнута «негласная договоренность отложить» вопрос о принадлежности островов Сэнкаку. В частности, на переговорах с тогдашним министром иностранных дел Японии Сунао Сонода бывший в том период вице-премьером Госсовета КНР Дэн Сяопин предложил «на время отложить эту проблему». В ответ японский министр выразил пожелание, чтобы в будущем «не возникало неожиданных инцидентов», с чем, по мнению У. Магосаки, фактически согласился китайский политик. В заключение Дэн Сяопин добавил, что «наше поколение не нашло решения проблемы, но будущие поколения обязательно найдут решение». Эта «негласная договоренность» была подтверждена в октябре 1990 г. (С. 79–80).

В 1997 г. была подписана японо-китайская рыболовная конвенция, вступившая в силу в июне 2000 г. В условиях наличия нерешенной проблемы группы островов Сэнкаку, отмечал У. Магосаки, «скромная на первый взгляд конвенция» имела важное политическое значение. Рыболовная конвенция 2000 г. была призвана не допустить вооруженных конфликтов, обусловленных рыболовством в районе островов Сэнкаку». В конвенции были установлены правила урегулирования конфликтов на море. Согласно этим правилам, в случае инцидента обе стороны соглашались, не применяя

силы, «немедленно оповещать друг друга о замеченных нарушениях». Применять силу разрешалось только в отношении своих рыболовецких судов. Следовательно, делает вывод автор, арест капитана китайского рыболовецкого траулера в сентябре 2010 г. являлся нарушением правил урегулирования подобных инцидентов, уставленных указанной рыболовной конвенцией (С. 81–84).

Детально изложив позиции Японии и Китая, автор останавливается на оценке позиции США, которые, по его мнению, соблюдают нейтралитет в вопросе принадлежности островов Сэнкаку. Однако, подчеркивает У. Магосаки, это вовсе не означает что «в международном плане невозможно отрицать наличие этой проблемы» (С. 87–88). Кроме того, продолжает автор, «отрицая наличие проблемы Сэнкаку», японское правительство провоцирует «китайских военных и националистически настроенных политиков» вернуть силовым путем некогда утраченные территории. В Китае «уважают решение таких известных китайских политиков, как Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин, которые предложили отложить решение проблемы Сэнкаку». Однако если японская сторона не хочет соблюдать эти договоренности, то для китайских военных это может послужить предлогом для насильственного возвращения островов (С. 90–91).

В третьей главе У. Магосаки рассматривает так называемую проблему «северных территорий» между Россией и Японией. Автор начинает с анализа положений Потсдамской декларации, проводя параллели с Германией, которая так же, как и Япония, потерпела поражение во Второй мировой войне. В частности, отмечает У. Магосаки, «прусские земли были важной составной частью Германской империи. А где же сейчас эти земли? У Германии их почти не осталось. Большая их часть отошла к Польше и Советскому Союзу. Это цена, которую заплатила побежденная Германия» (С. 96).

Похожие меры по изъятию территорий из под японского суверенитета, продолжает автор, были приняты союзными державами и в отношении Японии, в результате чего «японский суверенитет был ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и некоторыми менее крупными островами» (С. 98). В частности, из под японского суверенитета были выведены Курильские острова и, согласно договоренностям союзников на Ялтинской конференции в 1945 г., переданы Советскому Союзу в обмен на его участие в войне против Японии. По мнению У. Магосаки, эти договоренности

по-прежнему работают, поскольку США никогда официально от них не отказывались и никогда «серьезно не заявляли Советскому Союзу или России протест» в отношении включения островов Итуруп и Кунашир в состав территории СССР (С. 103).

Автор считает слабо обоснованной позицию Японии относительно того, что острова Итуруп и Кунашир не входят в состав Курильских островов.

Во-первых, отмечает он, еще в 1951 г., выступая на Сан-Францисской мирной конференции, тогдашний премьер-министр Японии Сигэру Ёсида назвал острова Итуруп и Кунашир южными Курильскими островами, тем самым признав их частью Курильских островов. Этот факт был неоднократно подтвержден в выступлениях других японских официальных лиц, поэтому Япония вряд ли сможет найти международную поддержку в отношении исключения островов Итуруп и Кунашир из состава Курильских островов (С. 104–105).

Во-вторых, слабость позиции Японии заключается в ее непостоянстве. Так, например, во время советско-японских переговоров по восстановлению дипломатических отношений в 1955–1956 гг. Япония дважды была готова пойти на предложенный Советским Союзом вариант решения территориальной проблемы — путем передачи группы островов Хабомай и о. Шикотан. Однако под давлением США, которые опасались советско-японского сближения, Япония стала настаивать на «возвращении всех четырех островов». В результате, правительству Японии так и не удалось достигнуть договоренности при обсуждении вопроса о принадлежности островов Итуруп и Кунашир и закрепить это в окончательном тексте Совместной декларации 1956 г. (С. 110–115).

Позднее японский МИД стал настаивать на том, что «острова Кунашир и Итуруп не входят в состав Курильской гряды, от которой Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору», а также на том, что эти острова являются «исконными территориями» Японии. В ответ Советский Союз стал утверждать, что «территориальный вопрос уже решен». В результате сложилась ситуация, когда «стало невозможно достигнуть какого бы то ни было компромисса» (С. 121).

У. Магосаки вполне логично выстраивает модель, которую японская сторона не без участия США использовала после окончания «холодной войны» для того, чтобы «оживить проблему «северных территорий» и добиться позитивных для себя результатов. В частности,

для этого была использована финансовая помощь российским реформам, которая способствовала формированию наступательной позиции Токио (С. 122–123). Так, в результате советско-японских переговоров Советский Союз признал наличие территориальной проблемы с Японией, а после распада СССР между Россией и Японией была достигнута договоренность «продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости». Однако на фоне таких успехов японской стороны, подчеркивает У. Магосаки, «в отношении принадлежности островов Итуруп и Кунашир обе стороны остались на своих прежних позициях» (С. 125).

В заключение автор утверждает, что «проблема северных территорий большей частью уже решена такими международно-правовыми документами, как Потсдамская декларация и Сан-Францисский мирный договор. Однако в период «холодной войны» США использовали территориальную проблему для того, чтобы не допустить упрочения самостоятельности Японии и ослабления ее военно-политических связей с США. Заведомо зная, что СССР никогда не пойдет на передачу Японии островов Итуруп и Кунашир, они потребовали от японского руководства настаивать на их возвращении» (С. 130). Кроме того, автор отмечает, что в Японии намеренно распространялось мнение о том, что «северные территории являются исконно японской землей, и Советский Союз оккупирует их незаконно», с тем чтобы затронуть национальные чувства японцев. В конце своего анализа автор признает, что США удалось наложить определенные ограничения на улучшение советско-японских отношений. В этой связи У. Магосаки призывает «не попасться на ту же удочку снова уже в территориальном вопросе с Китаем, поскольку Китай с точки зрения безопасности на сегодня является наиболее значимой для США стороной, и поэтому они используют проблему островов Сэнкаку для укрепления американско-японского военного альянса» (С. 131).

В четвертой главе автор подвергает сомнению утверждение о том, что в случае вооруженного конфликта США будут защищать спорные территории Японии такие, как «северные территории», острова Такэсима и Сэнкаку. Анализируя американско-японский договор о безопасности, У. Магосаки напоминает,

что его пятая статья гарантирует, что в случае «вооруженного нападения на любую из сторон на территориях, находящихся под управлением Японии», каждая из них «предпримет действия для отражения общей опасности в соответствии со своими конституционными положениями и процедурами» (С. 143). Принимая это во внимание, автор приходит к выводу, что договор может применяться только в отношении «территорий, находящихся под управлением Японии». Следовательно, действие договора безопасности не распространяется ни на «северные территории», которые находятся под управлением России, ни на остров Такэсима, который находится под управлением Южной Кореи (С. 153).

В отношении же группы Сэнкаку договор имеет силу, поскольку в настоящее время эти острова находятся под управлением Японии. Однако это не значит, считает У. Магосаки, что в случае вооруженного конфликта вокруг островов Сэнкаку США непременно примут в нем участие на стороне Японии (С. 155). Во-первых, суверенитет островов Сэнкаку оспаривается Китаем, и США не станут принимать окончательного решения в пользу одной из сторон. Во-вторых, по договору безопасности США обязаны предпринимать действия для отражения общей опасности только «в соответствии со своими конституционными положениями и процедурами». Поскольку по конституции США для вступления в войну президент как главнокомандующий должен получить согласие Сената, то, по мнению автора, это означает, что по договору безопасности США обязуются всего лишь «приложить усилия для получения одобрения Сената» (С. 156). В силу этого, считает У. Магосаки, «в случае вооруженного конфликта с Китаем вокруг островов Сэнкаку, защищать их японским силам самообороны придется в одиночку. Вооруженные силы США не примут участия в их защите. Если силы самообороны смогут отстоять территории, то проблемы не будет, а если не смогут, то право управления перейдет Китаю, и тогда действие договора безопасности уже не будет распространяться на эти территории» (С. 158).

В пятой главе автор рассматривает средства мирного разрешения территориальных конфликтов. Исходя из того, что Японию окружают такие сильные в военном отношении державы, как Китай и Россия, У. Магосаки считает, что мирное разрешение территориальных споров является единственно возможным способом (С. 168). В этой связи автор подчеркивает, что в отличие от предыдущих эпох, когда у

любого государства было «право на войну», в современном международном сообществе действует принцип Устава ООН, по которому все члены этой организации должны «воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения для решения территориальных проблем в свою пользу». По мнению У. Магосаки, это один из сдерживающих факторов для Китая в споре вокруг островов Сэнкаку. Другим сдерживающим фактором, считает автор, могло бы стать расширение сотрудничества между Японией, Китаем и АСЕАН до уровня, при котором территориальные проблемы в регионе станут невозможно решать силовыми методами» (С. 177–178).

Среди существующих средств мирного разрешения конфликтов, по мнению У. Магосаки, наиболее вероятными и действенными являются переговоры и обращение в Международный суд (С. 180). В частности, процедура передачи территориального спора в Международный Суд предусмотрена Сан-Францисским мирным договором (Гл. VI, ст. 22). По мнению автора, существует несколько веских причин для обращения Японии в Международный Суд с целью решения территориальных споров. Во-первых, это связано с тем, что Япония имеет территориальные проблемы с такими мощными военными державами, как Китай и Россия, с которыми решение территориальных вопросов возможно только на правовой основе. Во-вторых, сложность заключается в том, что территориальный вопрос затрагивает национальные чувства. Поэтому обращение в Международный Суд позволит решить вопрос наиболее объективно. В-третьих, передача вопроса для рассмотрения в Международный Суд — это лучший способ избежать вооруженных конфликтов (С. 182–183).

Другим способом избегания вооруженных конфликтов, по мнению автора, является откладывание решения территориальных вопросов (С. 189). В Японии такой способ решения территориальных споров называют «формулой Аденауэра» по имени первого федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра. В 1955 г. СССР установил дипломатические отношения с ФРГ без подписания мирного договора. Аденауэр не стал предъявлять территориальные претензии Советскому Союзу. В этом заключается разница между Германией и Японией, отмечает У. Магосаки. «Германия, — подчеркивает автор, — не стремилась заключить мирный договор, чтобы вернуть территории. Отложив решение территориального вопроса, она сделала упор на развитие отноше-

ний с СССР (Россией). Япония же, стремясь вернуть территории, сделала заключение мирного договора основной внешнеполитической задачей в отношениях с Россией. Это ограничило отношения между Японией и СССР/Россией» (С. 191).

В шестой, заключительной главе автор сделал попытку обобщить возможные мирные средства разрешения территориальных споров с целью выработки единой государственной стратегии. По мнению У. Магосаки, Япония и Китай могли бы многому поучиться у Германии и Франции, которые смогли преодолеть взаимную ненависть путем создания «отношений комплексной взаимозависимости». Так, например, при создании «Восточно-азиатского сообщества» необходимо внимательно изучить европейский опыт. В частности, У. Магосаки акцентирует внимание на том, что «концепция ЕС родилась не сразу. Все началось с возможного сотрудничества в области разработки угольных месторождений. По мере того, как люди стали понимать выгоду от сотрудничества в одной области, оно распространилось на другие» (С. 214).

Территориальный вопрос, по мнению У. Магосаки, это не просто вопрос территорий, в большей мере он отражает состояние двусторонних отношений в целом. В подтверждение этого автор приводит два примера из истории российско-японских отношений. Первый касается переговоров по восстановлению советско-японских дипломатических отношений 1955–1956 гг. В то время, отмечает автор, никто из членов японской делегации не верил, что Советский Союз откажется от территорий, которые получил по итогам Второй мировой войны. Однако СССР, рассчитывая на развитие экономического сотрудничества с Японией, решил передать последний остров Шикотан и группу Хабомай. Другой пример касается посещения президентом Д. Медведевым острова Кунашир в 2010 г. Автор считает, что при таком положении, когда Япония находится лишь на 11-м месте по объему внешней торговли с Россией, последняя может занимать жесткую позицию в территориальном вопросе, не нанося заметного ущерба российско-японским отношениям (С. 215).

Автор утверждает, что проблема ост-

ровов Сэнкаку также является не столько проблемой островов, сколько проблемой взаимоотношений между народами Китая и Японии.

В связи с отсутствием универсального способа решения территориальных споров, автор предлагает использовать ряд мирных средств, которые, по его мнению, могут оказаться пригодными для нейтрализации и возможного решения территориальных споров:

- во-первых, избегать ненужных трений, объективно изучив мнение партнера;
- во-вторых, принимать конкретные меры с целью избегания конфликта;
- в-третьих, по мере возможности действовать в решении вопроса третью сторону, например, Международный Суд;
- в-четвертых, строить тесные многосторонние взаимозависимые отношения;
- в-пятых, всемерно использовать принципы ООН;
- в-шестых, сформировать общие принципы неприменения военной силы;
- в-седьмых, создать механизм предотвращения конфликтов в районе спорных территорий;
- в-восьмых, избегать противостояния, отложив решение вопроса, который невозможно решить нынешним поколениям;
- в-девятых, искать решение вопроса, разделив его на отдельные элементы (С. 222–229).

Изложенная в рецензируемой книге позиция отличается нестандартным для японской историографии подходом к освещению территориальных проблем, которые инициированы Японией или в которые она втянута. Во многом этот результат базируется на широкой источниковедческой базе, включающей китайские, корейские и российские материалы. Исследование Магосаки Укэру является конкретным оригинальным вкладом в освещение территориальных проблем, характеризующих отношения Японии с Россией, Китаем и Республикой Корея. Этот очевидный факт, а также богатый фактический материал, содержащийся в работе, делают монографию У. Магосаки полезной и привлекательной для всех, кто интересуется историей и современным состоянием отношений Японии с ее ближайшими соседями.

Юбилей ученого

Владиславу Федоровичу Сорокину — 85 лет

14 октября 2012 г. исполнилось 85 лет доктору филологических наук, профессору, главному научному сотруднику Института Дальнего Востока РАН Владиславу Федоровичу Сорокину.

Владислав Федорович работает в Институте уже 45 лет, долгие годы он возглавлял сектор культуры.

Со своими обширнейшими знаниями он всегда был «справочным бюро» по разным аспектам как современной, так и старой китайской культуры. Под его руководством сектор активно изучал процессы развития китайской культуры, участвовал в ежегодных обзорах, конференциях, подытоживая результаты деятельности в таких заметных коллективных монографиях, как «Судьбы культуры КНР» (1978), «Литература и искусство КНР. 1976–1985» (1989), «Социальная действительность КНР в отображении литературы и искусства 80-х гг.» (1990), «Китайская культура 20–40-х годов и современность» (1993). Не-

простые оценки событий «культурной революции» в Китае, попытка разобраться в существе произошедших после ее окончания перемен, разработка нового курса развития китайской культуры — вся динамика этого процесса достаточно объективно отражена в этих работах сектора, которым руководил В.Ф. Сорокин. Его собственному перу в этих коллективных монографиях принадлежат обстоятельнейшие анализы состояния китайской литературы на разных этапах ее развития.

Владислав Федорович Сорокин неоднократно избирался вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов, постоянно руководил секцией в международных конференциях ИДВ «Китай и мир», вел активную работу в правлении Общества российско-китайской дружбы.

Собственную научную деятельность В.Ф. Сорокин начал рано и ярко. Его кандидатская диссертация «Формирование мировоззрения Лу Синя. Ранняя публицистика и сборник «Клич» была посвящена не устоявшемуся облику маститого класенка современной китайской литературы, а его трудному становлению, творческому поиску. В 1958 г. эта диссертация была напечатана, экземпляр ее сегодня занимает почетное место на выставке в музее Лу Синя в Шанхае.

Позднее В.Ф. Сорокин обратился к творчеству Мао Дуня, крупнейшего романиста, соратника Лу Синя, и опубликовал монографию «Творческий путь Мао Дуня» (1962), стал на этом пути первопроходцем, поскольку отечественные читатели были знакомы лишь с творчеством писателя (трехтомник 1956 г.), но не с литературоведческим анализом его произведений, столь необходимым для более полного понимания основных тенденций в китайской литературе XX в.

Анализ современной литературы, проводившийся В.Ф. Сорокиным, был серьезно обогащен его глубоким знанием классической литературы, создававшейся в рамках старой традиции. Вместе с проф. Л.З. Эйдлиным он составил достаточно обширный очерк китайской литературы от ее древнейших канонов до современного состояния, и эта небольшая работа долгие годы была серьезным учебным подспорьем для студентов, начинавших погружаться в таинственные дебри китайской культуры. В течение нескольких лет В.Ф. Сорокин изучал драматургию эпохи Юань, что в дальнейшем вылилось в докторскую диссертацию и монографию «Китайская классическая драма XIII–XIV вв.: Генезис, структура, образы, сюжеты» (1979), до сих пор остающуюся самым фундаментальным исследованием этого важнейшего жанра китайской традиционной литературы. Ученый не ограничился анализом письменных текстов, а сумел связать их со сценическим воплощением, изучив мелодику и просодику китайских оригиналов. Гигантский объем проделанной работы показывает приложение, в котором собраны подробнейшим образом пересказанные сюжеты 162 юаньских драм, проштудированных ученым в ходе исследования. В.Ф. Сорокину удалось показать единство сюжетного фонда китайской традиционной литературы, что способствовало выработке концепции средневековой литературы как особого явления и становлению средневекового направления в синологии.

Помимо научного исследования в сферу интересов В.Ф. Сорокина как китаиста входит также художественный перевод, которым он активно занимается не один десяток лет. В частности, исследованные им юаньские драмы нашли свое русскоязычное воплощение именно в переводах В.Ф. Сорокина («Обида Доу Э» Гуань Ханьцина, «Убить собаку, чтобы образумить мужа» (неизвестного автора), «Знак терпения» Чжэн Тинъюя и др.). Он переводил таких замечательных писателей XX в., как Лу Синь, Ай У, Юй Дафу, Цянь Чжуншу, Е Шэнтао, Ван Мэн, Фэн Цзицай, Хань Шаогун, Лю Синью.

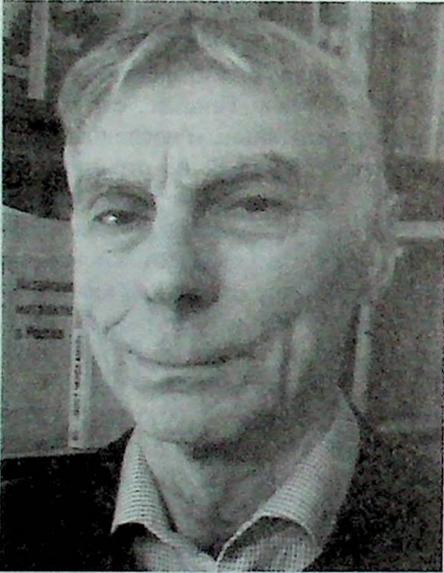
Переводческая деятельность В.Ф. Сорокина была в сентябре 2007 г. отмечена специальным призом Союза писателей КНР, врученным ему председателем СКК Те Нин на Международной книжной ярмарке в Москве.

В.Ф. Сорокин — научный редактор 3-го тома энциклопедии «Духовная культура Китая» («Литература. Язык и письменность», 2008), удостоенной Государственной премии РФ. Этой поистине колоссальной работе он посвятил несколько лет. Он также автор 38 статей, вошедших в том.

Так хочется, чтобы творческий замысел Владислава Федоровича — перевод важнейшего средневекового литературоведческого трактата «Резной дракон литературной мысли» — был успешно воплощен с тем блеском, которым всегда отличались работы ученого.

Дирекция ИДВ РАН, коллектив Института и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», многолетним членом которой является В.Ф. Сорокин, желают Владиславу Федоровичу доброго здоровья и осуществления его творческих замыслов.

Александр Георгиевич Ларину — 80 лет

Александр Георгиевич Ларин родился 29 сентября 1932 г. в Москве. В 1954 г. окончил Московский институт востоковедения по специальности «страновед по Китаю». В 1954–55 гг. работал переводчиком на Выставке достижений народного хозяйства СССР в КНР. Затем занимался журналистикой, публиковался в газетах и журналах «Комсомольская правда», «Огонек», «Московский комсомолец», «Молодая гвардия», «News». В 1957–58 гг. проходил стажировку в Пекинском и Народном университетах Китая. В 1960 г. поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию по филологии, на основании которой подготовил и опубликовал монографию «Вопросы моделирования процесса «текст — грамматика» (на материале

китайского и русского языков)». В 1971–72 гг. работал старшим научным сотрудником в Институте международного рабочего движения АН СССР, занимался контент-анализом китайской прессы. С 1972 г. — в Институте Дальнего Востока АН СССР, работал над созданием страноведческой информационно-поисковой системы, изучал взаимоотношения КНР с капиталистическими странами. В 1986 г. стажировался в университете им. Сунь Ятсена (г. Гуанчжоу).

С начала 1990-х гг., когда в связи с изменившейся международной обстановкой возникла задача изучения Тайваня, стал руководителем проекта тайваньских исследований. Опубликовал монографии «Два президента, или путь Тайваня к демократии» (2000). Книга получила положительные отзывы не только в научной прессе, но и в СМИ) и «Президент, или демократия с тайваньской спецификой» (2004), а также серию статей по тайваньской проблеме.

В тот же период, пользуясь либерализацией доступа к прежде закрытым архивным документам, начал изучение истории китайской эмиграции в СССР/России, а в 1994–95 гг. получил возможность работать с архивными материалами МИДа Китайской Республики, хранящимися в Институте новой истории Academia Sinica (Тайбэй). В 2000-х гг. рамки темы были расширены, охватив современную проблематику китайской миграции в РФ и эмиграционно-диаспоральную политику КНР в международном мас-

штабе. Итогом работы стала монография «Китайские мигранты в России. История и современность» (2009), вобравшая в себя все названные направления исследований.

Параллельно А.Г. Ларин публиковал работы и по другим аспектам внешней политики КНР и российско-китайских отношений. Всего он опубликовал в научных и изданиях России, Китая (в том числе на Тайване), США, Казахстана, Белоруссии более 150 работ, не считая многочисленных выступлений в средствах массовой информации. Последняя на данный момент из его научных публикаций — раздел о китайских мигрантах в России в энциклопедическом справочнике “Handbook of Chinese diaspora”, выходящем в нынешнем году в издательстве Routhledge под редакцией китайских ученых.

В настоящее время А.Г. Ларин — ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, один из наиболее крупных специалистов по проблемам китайских мигрантов в России и один из лучших знатоков тайваньской проблемы.

Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Александра Георгиевича Ларина с юбилеем и желают ему доброго здоровья, больших успехов в его многогранной научной деятельности.

Владимиру Яковлевичу Портыкову — 65 лет

Владимир Яковлевич Портыков родился 16 октября 1947 г. в г. Новгороде.

В 1970 г. с отличием окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности «географ-экономист». Во время учебы на факультете изучал китайский язык.

По окончании университета в 1973–1975 гг. работал в Торгпредстве СССР в КНР (г. Пекин). В 1976 г. окончил аспирантуру Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (с 1991 по 2006 гг. — Институт международных экономических и политических исследований РАН). В период 1976–1992 гг. работал в том же Институте в должностях младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, зав. сектором Китая. В 1978 г. защитил кандидат-

скую, а в 1999 г. докторскую диссертацию.

В 1992 г. В.Я. Портыков был приглашен на работу в Институт Дальнего Востока РАН на должность заместителя директора по науке, руководителя Центра социально-экономических исследований Китая. В 1999–2003 гг. находился на дипломатической работе в Посольстве России в КНР, после окончания которой с июля 2003 г. Владимир Яковлевич трудится в ИДВ РАН в качестве главного научного сотрудника, заместителя директора Института. С 2005 г. В.Я. Портыков одновременно является главным редактором журнала «Проблемы Дальнего Востока».

В.Я. Портыков — специалист по проблемам современного Китая, в том числе по международным отношениям и социально-экономическому развитию КНР.

Весомый вклад в науку В.Я. Портыков внес исследованиями теории и практики модернизации и реформирования обществ переходного типа на примере Китая, прогнозами долгосрочного развития Китайской Народной Республики и российско-китайских отношений, анализом взаимодействия России, Китая и Индии в мировом хозяйстве.

В.Я. Портыков опубликовал свыше 200 научных работ, в том числе 5 индивидуальных монографий. Наиболее полно его исследования и идеи представлены в монографиях «Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина» (1998), «Экономическая реформа в Китае» (2002), «От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века» (2006), а также в коллективных трудах: «Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества»

(1998), «Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы» (2005), «Основные особенности современного внутри- и внешнеполитического курса китайского руководства и их влияние на образ России в Китае» (2008). С 2009 г. В.Я. Портяков уделяет основное внимание исследованию современного внешнеполитического курса КНР и ее позиционирования на мировой арене.

В.Я. Портяков активно участвует в международном научном сотрудничестве. В 1990-е гг. дважды избирался вице-президентом Европейской ассоциации китаеведения, состоит членом Международного общества по изучению зарубежных китайцев.

Как человек и ученый В.Я. Портяков отличается порядочностью, ответственностью и принципиальностью. Эти качества нередко мешают карьере. Как говорит сам юбиляр, «ни щеку надуть, ни вылизывать зад так и не научился, оттого-то наград, почитай, не случилось. Ну, да все ничего: в чести Косовом поле и меня одного хватит — биться за Волю».

Коллеги по Институту Дальнего Востока, члены редколлегии и сотрудники редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» тепло поздравляют Владимира Яковлевича со знаменательной датой и искренне желают ему крепкого здоровья и новых творческих успехов на благо российского и международного китаеведения.

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2012 год

От главного редактора..... №№ 1,6
Журналу «Проблемы Дальнего Востока» — 40 лет..... №№ 2,3

ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия № 4
Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания № 4

ПОЛИТИКА

Я. Бергер. Китай перед выбором..... № 3
А. Воронин. Взаимодействие России и Вьетнама выходит на новый уровень № 6
И. Гордеева. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня..... № 1
В. Грайворонский. Концепция внешней политики Монголии № 2
А. Жебин. КНДР: каким курсом? № 2
В. Журавель. Некоторые проблемы борьбы с терроризмом на территории стран Шанхайской организации сотрудничества № 2
Коллектив авторов. Япония: самый тяжелый год в послевоенной истории..... № 3
В. Конышев, А. Сергунин. Стратегии стран Восточной Азии в Арктике..... № 6
А. Ларин. Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы № 4
А. Ломанов, О. Борох. Стратегия создания «могущественного культурного государства» (о решениях 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва)..... № 1
Г. Локшин. АТЭС и саммит—2012: горизонты надежд для России..... № 1
Ж. Лувсанжав. Отношения между Монголией и КНР на современном этапе (1990–2012 гг.)..... № 3
Ю. Морозов. Влияние ближневосточного кризиса на национальные интересы государств ШОС № 4
Ом Гу Хо. Российско-корейское сотрудничество на региональном уровне: проблемы и перспективы развития..... № 3
В. Павлятенко. Как Япония становится «нормальным государством» № 2
В. Портяков. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация..... № 5
В. Портяков. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. № 2

<i>С. Уянаев.</i> Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире	№ 6
<i>С. Уянаев, В. Портяков.</i> Об итогах 11-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая.....	№ 1
<i>С. Шарко.</i> БРИКС на фоне глобальных трансформаций в мировой политике	№ 3

Круглый стол в ПДВ

Фактор Китая во взаимоотношениях РФ и США	№ 2
---	-----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>В. Балакин.</i> Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии	№ 4
<i>В. Малявин, Чэнь Цзявэй.</i> Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване	№ 6
<i>А. Мокрецкий.</i> Парадигма мирного развития Китая	№ 2
<i>Э. Пивоварова.</i> К вопросу о «модели» социально-экономического развития КНР	№ 4
<i>В. Самарцев.</i> Национальная мощь по-китайски.....	№ 4

ЭКОНОМИКА

<i>Л. Бони.</i> Стратегия интеграции города и деревни в Китае: успехи, проблемы, противоречия (2002–2011)	№ 3
<i>А. Воронин.</i> Энергетика — материальный фундамент стратегического партнерства России и Вьетнама.....	№ 4
<i>Е. Кафырин.</i> Китай: модернизация в интересах человека	№ 4
<i>С. Сазонов, У Цзы.</i> Скоростные поезда Китая: успехи, проблемы, уроки.....	№ 1
<i>Л. Понкратова, Чжао Синь.</i> Структурные сдвиги и современные тенденции в развитии торговли Китая с Россией	№ 6
<i>Д. Селихов.</i> Роль транснациональных корпораций КНР в развитии национальной инновационной системы.....	№ 5
<i>И. Троекурова, К. Пелевина, Е. Нехорошева.</i> Тенденции торгового сотрудничества России со странами БРИКС	№ 5
<i>И. Троекурова, К. Пелевина, Е. Нехорошева.</i> Страны БРИКС в современной международной финансовой архитектуре	№ 1
<i>Фан Тинтин.</i> Энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Персидского залива	№ 1
<i>Чжао Синь.</i> Внешняя торговля КНР в XXI веке: особенности государственного регулирования и динамики развития.....	№ 4

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>А. Бардадь, Е. Заостровских.</i> Дальний Восток — 2050: транспортная инфраструктура международного сотрудничества.....	№ 5
<i>А. Сорокин, В. Межаков, Т. Артеменко, В. Серебренников.</i> Проблемы использования сельскохозяйственных земель трансграничной территории России и Китая в бассейне Верхнего и Среднего Амура	№ 1

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

<i>Е. Крапина.</i> Влияние либерализации рынка на окружающую среду Китая	№ 5
--	-----

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А. Диченко.* Борьба с незаконным оборотом наркотиков в КНР: история, современность, международный аспект..... № 2
- А. Ларин.* Китайские мигранты в России и политика Пекина..... № 1
- А. Понамарева, С. Понамарев.* Китайская иммиграция в контексте национальной безопасности России: тенденции и перспективы..... № 4
- В. Самсонова, Е. Ким.* Миграция в Республике Корея: современное состояние, проблемы, перспективы..... № 4
- П. Эм.* Особенности развития урбанизации и системы расселения в Республике Корея во второй половине XX—начале XXI вв..... № 3

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- А. Ларин.* Изучение Тайваня в России (1990-е гг.)..... № 5
- А. Островский.* Китайская экономическая реформа в новейшей российской историографии (1991–2000)..... № 6
- Д. Смирнов.* Изучение политической системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы..... № 6
- В. Портяков.* Заметки об изучении в России международных отношений и внешней политики КНР (1992–1999 гг.)..... № 6
- М. Титаренко, А. Ломанов.* Изучение китайской философии и религии в России в 1990-е годы..... № 6
- С. Торопцев.* Изучение китайской культуры и образования в России в 1990-е годы..... № 5

ИСТОРИЯ

- О. Артемьева.* КВЖД и Мукденское соглашение: новые материалы..... № 1
- В. Воробьев.* Об урегулировании пограничных вопросов с КНР..... № 3
- В. Гурковский.* Кадетские корпуса в Шанхае. 1922–1924 гг..... № 1
- В. Дацьшэн.* «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов..... № 3
- А. Картунова.* Китайский вопрос на VII пленуме ИККИ: дискуссия в Китайской комиссии (декабрь 1926 г.)..... № 4
- Д. Киселев.* «Шитоулинское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г..... № 2
- Е. Кобелев.* Бао Дай, последний император Вьетнама. Исторический очерк... №№ 2,3
- А. Козлов.* Опиум — важный источник доходов английской колониальной администрации Гонконга в 1900–1941 гг..... № 4
- В. Кузьминов, В. Павлятенко.* Истинный смысл Совместной советско-японской декларации 1956 г..... № 5
- Н. Мамаева, И. Сотникова.* Сун Цинлин в общественно-политической жизни Китая..... № 5
- Д. Павлов, Н. Павлова.* Полковник И. И. Стрельбицкий — первый русский «военный агент» в Корее..... № 5
- И. Пожилов.* Современная историография КНР о «китайском социализме» Чжу Дэ..... № 3
- Ф. Симицын.* Советско-японское противостояние и «буднийский фактор» (1927–1945 гг.)..... № 4
- В. Усов, И. Усов.* Помощь Китая вьетнамскому народу во время войны Соппротивления против французских колонизаторов (1946–1954)..... № 1
- В. Усов.* Тайны Чжуннаньхая. Кто и как прослушивал Мао Цзэдуна..... № 5

- А. Юркевич.* «Делегация доктора Сунь Ятсена» в Москве и шанс генерала Чан Кайши № 5

РЕЛИГИЯ

- Е. Завидовская.* Этнографические материалы 1920–1930-х гг. о практиках поклонения божествам загробного мира в храмах Китая № 5
- В. Колупаев.* Русские католики в Харбине (20-е—30-е годы XX века) № 2

КУЛЬТУРА

- О. Железняк.* Японский язык в России и в мире № 1
- Е. Иконникова.* Курильские острова в пространстве русской литературы XX века № 3
- Е. Кондратьева.* Судьба *вэньяня* после Синьхайской революции № 2
- О. Завьялова.* *Путунхуа* и диалекты: новые реалии китайского мира № 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. Анисимцев.* Изучение Японии в КНР в 1990-х—2000-х гг. № 6
- К. Асмолов.* Корейский полуостров: накануне перемен № 5
- А. Воронин.* III конференция российских вьетнамоведов № 5
- А. Виноградов, Т. Лазарева.* Десятилетие устойчивого развития — политические итоги. Конференция Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН № 4
- С. Горбунова.* XIX Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». (19–21 октября 2011 г.) № 1
- Л. Забровская.* Проблемы Китая и России на конференции в Хельсинки № 3
- О. Казаков.* О международной конференции «Япония и Россия: экономика и общество в океане проблем» № 3
- Е. Кранита.* Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО. Научная конференция Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН № 4
- Е. Латина, В. Чуванкова.* Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2011 году № 3
- О. Борох, С. Горбунова, А. Ломанов, В. Портяков, Н. Самойлов.* XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения в Париже № 6
- В. Портяков.* Конференция в Польше по проблемам Восточной Азии № 4
- В. Портяков.* О Пекинском форуме № 3
- С. Сазонов.* Заседание Круглого стола Института Латинской Америки РАН «Навстречу форуму АТЭС во Владивостоке» № 4

РЕЦЕНЗИИ

- Г. Бессарабов.* Би Юн. Как стать великой державой № 3
- К. Верхоташева.* Серебрякова Н. В. Шанхайская организация сотрудничества: многосторонний компромисс в Центральной Азии № 1
- С. Горбунова.* Лепехова Е. С. Буддийская сангха в Японии в VI—IX вв. № 3
- В. Гришук.* Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава № 4
- Б. Зеленев, Н. Самойлов.* Титаренко М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы № 5
- В. Кузьмищев.* Магосаки Укэру. Территориальные проблемы Японии: Сэнкаку, Такэсима и северные территории № 6
- А. Ларин.* Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.) № 3

- В. Матвеев.* Алимов Р. К. Таджикистан — Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог..... № 5
- В. Портяков.* Бо Чжиюэ. Политическая деятельность китайской элиты: управление и демократизация..... № 1

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Проходя отметку «80». Юрию Михайловичу Галеновичу — 80 лет..... № 4
- Александру Геннадиевичу Юркевичу — 60 лет..... № 4
- Вячеславу Семеновичу Кузнецову — 80 лет..... № 5
- Александру Георгиевичу Ларину — 80 лет..... № 6
- Виктору Лаврентьевичу Ларину — 60 лет..... № 5
- Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой..... № 5
- Владимиру Яковлевичу Портякову — 65 лет..... № 6
- К 80-летию академика Б. Л. Рифтина..... № 5
- К 80-летию Игоря Алексеевича Рогачева..... № 2
- Дмитрию Анатольевичу Смирнову — 60 лет..... № 5
- Владиславу Федоровичу Сорокину — 85 лет..... № 6
- Вадиму Павловичу Ткаченко — 80 лет..... № 2

IN MEMORIA

- Рогачев Игорь Алексеевич..... № 3
- С. Труш. Слово о Друге. Гарушянц Юрий Мисакович..... № 3
- А. Кобзев. Еремеев Владимир Евстегнеевич..... № 3
- Contents..... №№ 1–6
- Summary..... №№ 1–6
- Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2012 год..... № 6

Поправка

По техническим причинам в статье А. Юркевича ««Делегация доктора Сунь Ятсена» в Москве и шанс генерала Чан Кайши», опубликованной в № 5 ПДВ за 2012 г., оказалась пропущенной часть текста. На с. 89 вместо «...а в 1907 г., заручившись государственной стипендией, поступил в японскую военную школу Сикан гакко» следует читать: «а в 1907 г., заручившись государственной стипендией, поступил в японскую военную школу Симбу гакко, готовившую китайских кадетов к поступлению в военное училище Сикан гакко». На с. 89 опечатка: вместо «...осенью 1924 г. в Гуанчжоу прибыли первые советские военные советники» следует читать: «...осенью 1923 г. в Гуанчжоу прибыли первые советские военные советники».

Contents

Note by the Editor

POLITICS

- S. Uyanaev.* China's interests in the BRICS: a Reflection of the Role and Strategy of the PRC in the World
A. Voronin. Interaction Between Russia and Vietnam Goes Out on a New Level (The results of the visit to Russia by President of Vietnam Truong Tan Sang)
V. Konyshov, A. Sergunin. Strategies of the East Asian Countries in the Arctic Regions

RUSSIAN SINOLOGY

- M. Titarenko, A. Lomanov.* Studies of Chinese Philosophy and Religion in Russia in the 1990s
A. Ostrovsky. China's Economic Reform in Recent Russian Historiography (1991–2000)
D. Smirnov. The Study of the Political and Legal Construction in China: Approaches and Evaluation in the Works of Russian Researchers in the 1990s
V. Portyakov. Studies of International Relations and Foreign Policy of the PRC in Russia (1992–1999)

ECONOMY

- L. Ponkratova, Zhao Xin.* Structural Changes and Current Trends in the Development of China's Trade with Russia

THEORY AND METHODOLOGY

- V. Malyavin, Chen Jiawei.* The Democratic Progressive Party and Special Features of Political System in Taiwan

CULTURE

- O. Zavyalova.* Standart *Mandarin* and Han Dialects: New Realities of the Chinese Speaking World

SCIENTIFIC EVENTS

- O. Borokh, S. Gorbunova, A. Lomanov, V. Portyakov, N. Samoilov.* The 19th Conference of the European Association of Chinese Studies in Paris
N. Anisimtsev. Studies of Japan in China in the 1990s and 2000s

BOOK REVIEW

- V. Kuzminkov.* Magosaki Ukeru. Territorial Issues in Japan: Senkaku, Takeshima, the Northern Territories

SCHOLAR JUBILEE

- Vladislav Fedorovich Sorokin — 85 years
Alexander G. Larin — 80 years
Vladimir Yakovlevich Portyakov — 65 years

Contents
Summary
Far Eastern Affairs Content for 2012

Summary

S. Uyanaev. China's interests in the BRICS: a Reflection of the Role and Strategy of the PRC in the World

An informal international union of Brazil, Russia, India, China and South Africa, known as the BRICS format, has recently become a significant phenomenon in world politics. Speculations about the prospects of the BRICS are related to the policy of China — the objective economic leader of the "five" — that increases the political influence on a global scale. The article contains the analysis of the objectives and interests of China in the BRICS format, which are discussed in the context of internal development of the PRC, principal motives, directions and forms of its international strategy.

Key words: China, BRICS, the global role, new world order, practical cooperation.

A. Voronin. Interaction Between Russia and Vietnam Goes Out on a New Level (The results of the visit to Russia by President of Vietnam Truong Tan Sang)

The author analyzes the results of the first official visit to the Russian Federation by President of the Socialist Republic of Vietnam Truong Tan Sang, held on 26–30 July, 2012, which helped him to look at the prospects of Russian-Vietnamese strategic partnership. He concluded that the full cooperation of two countries should move to a new level, since all necessary preconditions for this move have already existed.

Key words: Russia, Vietnam, the Russian-Vietnamese summit in July 2012, strategic partnership.

V. Konyshov, A. Sergunin. Strategies of the East Asian Countries in the Arctic Regions

Along with the 'official' polar States a number of non-Arctic States (including China, Japan and South Korea) claim their rights to exploit the Arctic natural resources and transport routes. In the foreseeable future this can lead to strengthening of competition between them and Russia which possesses rich resources in the polar region and controls the Northern Sea Route. The article considers: what are the East Asian countries' strategies in the region and whether the cooperation between them and Russia in the Arctic is possible.

Key words: East Asian countries' Arctic strategies, Russian national interests.

M. Titarenko, A. Lomanov. Studies of Chinese Philosophy and Religion in Russia in the 1990s

The article describes basic trends and developments in the study of Chinese philosophy and religion in Russia in the 1990s. Among the most important areas were highlighted creating of generalizing reference encyclopedias, study of the impact of Chinese philosophy on the formation of Chinese civilization, the research of the modern role of Confucianism, the identification of the specific theoretical and methodological foundations of traditional Chinese thought.

Key words: Russia, Sinology, philosophy, religion, civilization.

A. Ostrovsky. China's Economic Reform in Recent Russian Historiography (1991–2000)

The author highlights the basic directions of studying China's economic reform in our country, analyzes the most important Russian studies on the Chinese economy, carried out in 1990s. Significant part of them had been prepared by scientists from the Institute of Far Eastern Studies.

Key words: economic reform, economic policy, the model of socio-economic development, transition economy, the transition from plan to market.

D. Smirnov. The Study of the Political and Legal Construction in China: Approaches and Evaluation in the Works of Russian Researchers in the 1990s

The paper summarized concepts and evaluations of the political evolution of China in Russian Sinology in the 1990s. It traced strategies and tactics of CPC in the reform and opening-up policy, main directions and trends of internal developments in China in late 1990s. Different approaches of Russian sinologists to these problems have been reflected.

Key words: political reform, socialism, ideology, the CPC, democratic parties, the NPC, CPPCC, personnel policy, the opposition, market economy.

V. Portyakov. Studies of International Relations and Foreign Policy of the PRC in Russia (1992–1999)

The article presents basic features and trends in research of international relations and foreign policy of China in Russia during 1992–1999. Considerable attention is given to modern Russian-Chinese relations. Publications on the Sino-US relations, Beijing's border policy, foreign policy concepts of Chinese scholars have been considered.

Key words: Russia, sinology, the study of Chinese foreign policy, 1990s.

L. Ponkratova, Zhao Xin. Structural Changes and Current Trends in the Development of China's Trade with Russia

Positions of Russia and China in world trade are analyzed. Classifying factors that determine their trade cooperation in the future, the authors suggest four possible scenarios of Sino-Russian trade till 2015.

Key words: international trade, trade between China and Russia, structural changes in the bilateral exchange of goods, raw material dependence of exports and imports.

V. Malyavin, Chen Jiawei. The Democratic Progressive Party and Special Features of Political System in Taiwan

The article describes the evolution of democratic institutions in Taiwan during the ruling period of Democratic Progressive Party (2000–2008). It explores the consequences of this phenomenon for the political life of the island. Special attention is paid to the complex relationship of nationalism and democracy in Taiwan.

Key words: Democratic Progressive Party, democracy, national identity, nationalism.

O. Zavyalova. Standart Mandarin and Han Dialects: New Realities of the Chinese Speaking World

Promotion of Standard Mandarin (*Putonghua*) is an important part of language policy in China. Chinese or Han dialects are still spoken by 80 percent of the country's population, but in various regions, especially in advanced eastern provinces, they are rapidly losing ground to the official language. Preservation of dialects becomes an important element of social and cultural life in mainland China. Moreover, Standard Mandarin's influence is also found in the regions where it has never been used or promoted, i.e. in Hong Kong and Macau and even among the Chinese speaking Muslims, Dungans in former republics of the Soviet Union.

Key words: promotion of Standard Mandarin, Chinese dialects, Dungan language.

Памяти академика Б.Л. Рифтина

Публикуя в предыдущем номере журнала приветственные слова в связи с 80-летием академика Б.Л. Рифтина, мы не знали о той незримой, но мужественной борьбе, которую он упорно вел с тяжелым недугом. Болезнь не пощадила его. 3 октября 2012 г. академик РАН Борис Львович Рифтин, ученый с мировым именем, крупнейший исследователь китайской литературы, фольклора и народной культуры ушел из жизни. Научная деятельность Б.Л. Рифтина была высоко оценена на родине и за рубежом: он — лауреат Государственной премии СССР (1990), награжден «Премией дружбы в области языка и культуры Китая» (2003), имел звание почетного профессора многих зарубежных университетов.

Б.Л. Рифтин прожил долгую и интересную жизнь. В 1950 г. он поступил на китайское отделение Восточного факультета Ленинградского университета. Еще студентом будущий ученый выбрал направление своей научной деятельности, которым никто до него не занимался — исследования в сфере устной народной традиции китайской литературы. После окончания университета Борис Львович пришел в Институт мировой литературы им. А.М. Горького, где проработал почти шестьдесят лет, до последних дней жизни. Здесь он защитил в 1961 г. кандидатскую диссертацию о проблеме жанра в китайском фольклоре, а в 1970 г. — докторскую на тему «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае». В своей научной деятельности Борис Львович продолжил славные традиции российского китаеведения. Всю свою жизнь он посвятил изучению китайской народной литературы, классических романов, китайских традиционных новогодних картин, взаимодействия литератур Китая и России, поиску уникальных экземпляров древних китайских книг. Академик Рифтин опубликовал более 200 научных работ на русском, китайском, японском, корейском, вьетнамском, английском и немецком языках. Его кругозор в области исследований народной литературы Китая был необычайно широк, предметом его научных интересов стали народные истории национальностей материкового Китая и мифы аборигенов Тайваня. Б.Л. Рифтин открыл новый метод изучения традиционной литературы Китая, он занимался влиянием народной литературы на классические романы. Борис Львович создал новое направление в изучении китайской литературы. Одним из первых академик Рифтин стал изучать российско-китайские культурные связи, провел тщательный анализ переводов и распространения китайской литературы в России. В 1960-е гг. в фондах Ленинградского отделения Академии наук Б.Л. Рифтин нашел первое издание романа "Сон в красном тереме", что стало бесценным даром для китайских ученых, занимающихся исследованием этого классического романа. Борис Львович был известным во всем мире исследователем китайских народных новогодних

картин, он изучал их в хранилищах многих страна мира. Много сил отдал он редактированию и изданию трудов академика В.М. Алексеева, внеся весомый вклад в продолжение традиций российской синологии. Результаты исследований академика Рифтина получили высочайшую оценку мирового научного сообщества.

Среди своих коллег Борис Львович пользовался репутацией человека, полностью преданного науке, в то же время его трудно было назвать кабинетным ученым. Энергия, оптимизм, его удивительные пронзительные глаза заражали окружающих желанием заниматься наукой. Трудно найти ученого, равного академику Рифтину по эрудиции не только в области востоковедения, но и всех сопредельных наук. Он щедро делился своими знаниями с коллегами: часто выступал с докладами, лекциями и учебными курсами в разных странах мира. Борис Львович являлся профессором Института восточных культур и античности РГГУ, читал курсы по китайскому фольклору, китайскому классическому роману и источниковедению. Благодаря его руководству российская синология пополнилась новыми способными исследователями.

Б.Л. Рифтин всегда поддерживал тесные связи с культурно-просветительными кругами Китая, он внес огромный вклад в российско-китайские культурные контакты. Велика роль академика Рифтина в укреплении российско-китайских отношений. Успех его поездки в Китай в 1981 г. по приглашению Китайского народного общества дружбы после многих лет отчуждения и отсутствия контактов между представителями научной общественности двух стран во многом способствовал последующему ходу процесса нормализации их двусторонних связей.

О том, как ценили академика Рифтина китайские ученые, говорит и тот факт, что к его 80-летию в Китае была организована международная конференция, состоявшаяся 19–20 октября, к сожалению, уже после его кончины. Многочисленные коллеги, друзья, ученики, читатели книг Бориса Львовича Рифтина навсегда сохранят память об этом замечательном человеке.

Выражаем искренние глубокие соболезнования его родным и близким.

*Коллектив Института Дальнего Востока РАН.
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Антонов Владимир Иванович
28.11.1923 г. — 16.10.2012 г.

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 16 октября 2012 г. ушел из жизни известный отечественный китаевед Антонов Владимир Иванович.

В.И. Антонов родился 28 ноября 1923 г. После окончания школы-десятилетки в Москве он в сентябре 1941 г. был призван в армию, а затем направлен на учебу в Военный институт иностранных языков (ВИИЯ), где начал изучать китайский язык. После 3-го курса во время войны против Японии он был направлен военным переводчиком в штаб 2-го Дальневосточного фронта, а после 4-го курса — на стажировку в качестве референта-переводчика в представительство Совинформбюро в г. Дальний. После окончания ВИИЯ в 1948 г. он уезжает в Далянь (Дальний) корреспондентом в редакцию советской газеты на китайском языке "Шихуа бао". Затем он работал в Пекине в редакции журнала "Китай" и в бюро переводов при ЦК Компартии Китая. По возвращении в Москву в 1955 г. В.И. Антонов поступил в Институт востоковедения АН СССР в отдел "Большого китайско-русского словаря". С 1957 по 1987 гг. он занимался проблемами Китая в Международном отделе ЦК КПСС.

В Институте Дальнего Востока РАН, где он проработал с 1987 г. по сентябрь 2012 г., в полной мере проявились его блестящие знания китайского языка, эрудиция, опыт и талант переводчика. Он был не только уникальным специалистом, знатоком китайского языка и страны в целом, но и удивительно благожелательным и отзывчивым человеком, помогавшим всем своим коллегам разобраться с теми или иными событиями современного Китая, получить исчерпывающую информацию о его деятелях, перевести даже самые трудные тексты, написанные скорописью.

В.И. Антонов — автор многих научных публикаций, в том числе статей для "Большого китайско-русского словаря", "Большой советской энциклопедии", "Энциклопедического словаря" и многих других изданий. Он являлся бессменным автором разделов "Ежегодников КНР", выпускаемых в ИДВ.

Прекрасно владея китайским языком, он занимался и переводами работ китайских авторов. В частности, он перевел на русский язык ряд глав из книги дочери Дэн Сяопина Мао Мао "Мой отец Дэн Сяопин" и труда Цзян Цзэминя "О социализме с китайской спецификой".

За боевые и трудовые заслуги перед Отечеством В.И. Антонов награжден орденом "Знак Почета", медалью "За боевые заслуги" и многими другими правительственными медалями и почетными грамотами Президиума РАН.

Его глубокие знания и замечательные человеческие качества снискали ему глубокое уважение и любовь коллег, в памяти которых он останется как необыкновенно приветливый, надежный, скромный и порядочный человек.

Друзья и коллеги Владимира Ивановича Антонова скорбят по поводу его кончины и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память о Владимире Ивановиче навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Бунин Вячеслав Николаевич
08.05.1924 г. — 09.10.2012 г.

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 9 октября 2012 г. ушел из жизни известный отечественный японовед, доктор исторических наук, генерал-майор запаса Вячеслав Николаевич Бунин.

Вячеслав Николаевич родился 8 мая 1924 г. в семье рабочего в Тульской области. В августе 1942 г. он был призван в ряды Советской Армии; в 1943 г. окончил артиллерийское училище и был направлен на фронт; участвовал в боях на Воронежском и первом Украинском фронтах в должностях командира взвода управления и начальника связи артиллерийского противотанкового полка. Награжден боевыми орденами и медалями. После войны служил на различных должностях в составе Центральной группы войск в Австрии и Германии. В 1960 г. окончил Военную Академию Советской Армии и по 1979 г. работал в Главном Управлении Генерального штаба, выезжал в длительную командировку в Японию.

После увольнения из рядов Советской Армии по возрасту пришел на работу в Институт Дальнего Востока. Здесь Вячеслав Николаевич стал одним из ведущих российских японистов, специалистом по проблемам внешней политики Японии, безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Он был автором более 100 научных работ, включая 5 индивидуальных и 4 коллективных монографий, справочник "Вооруженные силы Японии". Общий объем его опубликованных научных работ — свыше 250 п.л.

Его труды характеризуются творческим подходом, глубиной знаний, взвешенностью оценок и выводов, ярким литературным языком. Он по праву завоевал высокий авторитет ученого-международника, крупного специалиста по проблемам Японии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

В двух монографиях, "Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА" и "Новый этап в развитии японо-американского союза безопасности (на рубеже XX—XXI вв.)", он впервые в отечественном японоведении провел анализ изменений политики Японии в сфере безопасности после окончания "холодной войны", новой роли Японии в японо-американской системе безопасности в начале XXI века.

Вячеслав Николаевич вел и научно-организационную работу. В 1995–1996 гг. он возглавлял Центр японских исследований в Институте Дальнего Востока РАН, в течение ряда лет был руководителем исследовательского проекта "Проблемы мира и безопасности в АТР". Он входил в состав Ученого и Диссертационного советов ИДВ РАН.

Вячеслав Николаевич обладал и литературным талантом. Его перу принадлежит ряд произведений прозы и поэзии.

Его блестящие способности, пытливый ум, неиссякаемое трудолюбие, творческий подход и доброжелательность в отношении коллег снискали глубокое уважение у всех, кто общался с ним лично или знакомился с его трудами.

Друзья и коллеги Вячеслава Николаевича Бунина скорбят по поводу его кончины и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память о Вячеславе Николаевиче Бунине навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН,
Редакция и редколлегия журнала «Проблемы, Дальнего Востока».*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.paukagap.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: (499) 124 02 15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812
Стоимость подписки на 2012 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 25.10.2012 г. Подписано к печати 26.11.2012 г. Формат бумаги 70x100 1/8

Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 9,0 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0

Тираж 563 экз. Зак. 723

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2012 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.